

К. МОИСЕЕВА

ЗВЕЗДЫ МУДРОГО БИРУНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

К. МОИСЕЕВА ЗВЕЗДЫ МУДРОГО БИРУНИ

К. Моисеева

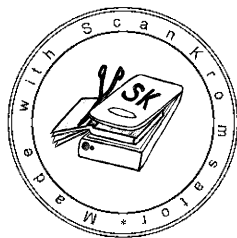
ЗВЕЗДЫ МУДРОГО БИРУНИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

РИСУНКИ В. ОСВЕРА

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1973

Scan AAW

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Научная редакция

Хамди Селяма

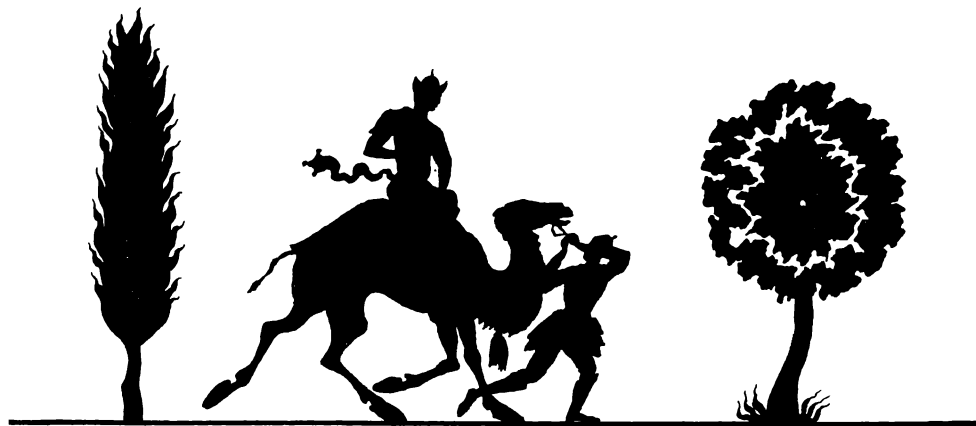
«А что это такое — звезды?..» — спрашивает юноша Якуб, глядя на звездное небо пустыни. Вокруг много загадочного и непонятного. Кто скажет, откуда взялась градовая туча, какую тайну хранит драгоценный камень и почему в пустыне нет воды?

Не ответит ли на это учитель, мудрый Абу-Райхан ал-Бируни?

Вместе с юношей Якубом мы побываем при дворе хорезмшаха Мамуна, посетим золотой шатер султана и невольничий рынок Багдада. Мы станем свидетелями трудных и благородных дел великого ученого средневекового Хорезма ал-Бируни, который на многие столетия предвосхитил научные открытия в астрономии, математике и минералогии.

Абу-Райхан ал-Бируни родился тысячу лет назад. С тех пор неизмеримо выросли научные знания, но труды великого хорезмийца не забыты. Они и в наши дни служат человечеству, помогая познать тайны природы.

В книге использованы некоторые притчи, взятые из книг «Сиасет-Намэ» и «Кабус-Намэ» издания Академии наук СССР.

«ЗЕМЛЯ ВЕЛИКА И ПРЕКРАСНА — ПОЗНАЙ ЕЕ!»

— Откуда у ночи такие громадные крылья? Посмотри, они заслонили все небо пустыни. Остались только маленькие отверстия для звезд. А звезды как низко повисли над нами! Вот если встану на того высокого верблюда и протяну руку к небу, непременно схвачу хвост Большой Медведицы и суну его за пояс. Хочешь, достану?..

Обернувшись к погонщику верблюдов, Якуб говорил это с лукавой усмешкой, заранее зная, что старик будет недоволен таким вольным обращением с небесными светилами. Но старый Абдулла молчал. Он ждал, что еще скажет его молодой хозяин, которому наука, верно, не пошла впрок.

А Якуб, примостившись поближе у костра и кутаясь в свой короткий халат, продолжал:

— Скажи мне, Абдулла, а что это такое — звезды? Это маленькие светильники, зажженные аллахом, или что другое? Посмотри, как они мерцают, словно улыбаются нам. . .

— Не гневи всевышнего! — рассердился Абдулла. — Какие там светильники! Это души умерших. Они хотят нам рассказать о райской

жизни, уготованной на небе всякому праведнику. «Засуну за пояс»! . . Побойся аллаха!

Не переставая ворчать, старый Абдулла готовил для костра ветки саксаула. Он ломал их на части, а когда собрал охапку, бросил ее в костер. Погасшее было пламя с веселым треском оживилось и вдруг осветило спящий лагерь, морщинистое лицо Абдуллы и смеющиеся глаза юноши.

— Засуну за пояс, Абдулла, вот посмотришь. . .

Ежась от ночной прохлады, Якуб кутался в свой халат, грел ноги у костра и с наслаждением вдыхал прохладный воздух ночной пустыни. Было холодно после знойного дня. Как только солнце спряталось за дальние барханы, дневной жар сменился прохладой, и ветер принес сюда, к раскаленным пескам, аромат цветущих садов Хорезма. Позади была столица Хорезма, Гургандж, а впереди — город южного Хорезма Кят, куда держал путь караван Мухаммада ал-Хасияда. Бухарский купец возвращался из далекого царства Булгар.

Сейчас Мухаммад остановился на отдых. Широкая караванная тропа, взрыхленная тысячами верблюжьих ног, осталась в стороне. На рассвете верблюды пойдут по ней, преодолевая застывшие волны песков. Далеко вокруг простерлась пустыня, голая, мертвая земля. Якубу очень хочется спросить Абдуллу об этой странной, непонятной земле. И зачем это аллах создал такую злую землю, где нет воды и только одни пески? Почему он не приблизил сюда реки? Ведь в коране сказано, что все в руках аллаха!

Вчера на рассвете, когда они покинули караван-сарай, в Гургандже, в садах хорезмийцев цвели яблони и благоухали нежные нарциссы. А через час верблюды уже шли по знойной пустыне, которая начиналась тут же, у ворот хорезмийской столицы. Там, где была вода, где журчали арыки, там была жизнь; но почему люди должны своими руками добывать воду для орошения полей? Разве не мог об этом позаботиться аллах? Хотелось бы знать, почему так. Но кто ответит на этот вопрос? Старый Абдулла всегда твердит одно и то же. Он говорит о величии аллаха, создавшего мир. Но об этом уже много раз говорил мударис¹. Спросить бы отца, но Якуб редко обращается к нему с вопросами. Отец всегда занят своими торговыми делами. Он слишком озабочен, и сыну кажется, что Мухаммад не замечает даже того, что делается вокруг него. Он с одинаковым терпением переносит ледяные ветры в горах, занесенных снегами, и зной необозримых

¹ М у д а р и с — учитель в медресе, духовной школе мусульман.

песков. Правда, в минуту досуга Мухаммад любит поговорить о виденном, но это бывает редко. Слишком много хлопот в дальнем пути с большим караваном.

Однако Мухаммад внимательно прислушивался к разговору Якуба с Абдуллой. Когда они умолкли, он спросил:

— О чем ты размышляешь, сын мой? О своем путешествии или о звездах небесных? В пустыне мы всегда ближе к звездам — ничто не отвлекает нас. Сидя темной ночью под небесным шатром, мы стремимся разгадать неведомые тайны, скрытые от нас всемогущим аллахом. Один он помогает нам, смертным!

— Почему же всемогущий аллах не дал нам понять, как устроен небесный свод, из чего сделан камень, лежащий на дороге, и откуда берется гром?

Якуб вдруг оживился и засыпал отца вопросами. Во время путешествия этих вопросов становилось все больше и больше, а ответов не было.

— Одно мы узнаем из корана, другое — во время путешествий, — отвечал Мухаммад. — Путешествия помогли мне взглянуть на жизнь людей, доселе мне неведомых. Побывав в других странах, я увидел, как велики просторы земли и как бесчисленны племена, населяющие землю.

Мухаммад умолк и, приблизившись к костру, стал греть руки над жаркими угольками саксаула.

— Я хотел бы путешествовать, отец, хотел бы увидеть чужие страны. Многое показалось мне примечательным в пути. Вот, скажем, я и прежде слышал о таинственном царстве Булгар: Абдулла и ты рассказывали мне о людях этого царства, но то, что я увидел своими глазами, выглядит совсем иначе. Будто с глаз моих снята пелена и все вокруг засверкало яркими красками. Чудесно это! Вспоминаю я наше путешествие и спрашиваю себя: а был ли я в царстве Булгар? Или, может быть, это был сон?

— Должно быть, это не сон, если подо мной лежат мягкие шкурки белки и соболя, — ответил Мухаммад. — Я могу подтвердить: поистине мой Якуб побывал в этом далеком царстве. Теперь я вижу, ты уже не маленький. Ты мужественно перенес трудности пути. Я даже пожалел, сынок, что прежде не брал тебя с собой. Но если бы ты ездил со мной и не учился грамоте, то вряд ли я помог бы тебе снять пелену незнания. Не столько путешествие, сколько учение помогло тебе все увидеть, сынок. Знания еще пригодятся тебе, когда ты сам поведешь кара-

ваны в дальние страны, когда посетишь богатые города персов, побываешь в Китае, когда увидишь город мира — Багдад. Побывав в этих странах, ты многое узнаешь. Правильно говорил мне один китайский купец: «Лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать».

— А скоро ты доверишь мне свои караваны, отец?

— Скоро, сынок. На тебя все надежды. Ты один у меня продолжатель торгового дела. Тебе известно, как почетно мое имя среди купцов мусульманского мира. Ты видел мои чеки в городах Хорезма и в Булгаре. Я жду, когда ты станешь моим помощником. Настало время покинуть медресе. Когда мы вернемся в Бухару, я доверю тебе торговлю шелками. Хочешь, сынок? Я заметил, ты в счете силен.

— Помилуй, отец, зачем торопиться? Я совсем недавно стал читать книги с должным пониманием. Семь лет мы только то и делали, что повторяли суры корана¹.

— Чего же больше? Это и есть сокровищница знаний. Слава аллаху, к этому я и стремился. И разве коран не лучшая из всех книг? Скажу тебе, сынок, десять лет — немалый срок. Теперь уже нельзя тратить годы на чтение книг. Я меньше знал, когда вышел на трудный путь. Я только четыре года сидел над сурами корана. А ведь неплохо торгую. С молитвами всемогущему я успешно веду свое дело.

Якуб не соглашался с отцом, но не прекословил ему. Юноша знал, что отец не поймет его. Мухаммад ал-Хасияд постоянно внушал сыну, что торговля — это лучшее занятие для праведного мусульманина. Якуб думал иначе и потому был сдержан в беседе с отцом. Он умолк, притворившись спящим. Однако разговор этот огорчил юношу. Он понимал, что теперь ему уже не вернуться в медресе к старому мударису. Где же он добудет книги? И в медресе нелегко было получить книгу. Все зависело от мудариса: посчитает ли он нужным осчастливить одного из многих любопытствующих юношей. Когда старый мударис бывал в добром настроении, он мог даже сделать недозволенное: он мог дать книжечку стихов. Так случилось, что Якуб получил томик Рудаки и потихоньку списал полюбившиеся ему стихи. Он сделал это втайне от всех. Не полагалось в медресе заниматься стихами... «Как же будет теперь без мудариса?» — думал Якуб. Сейчас ему еще больше прежнего хочется приблизиться к книгам. Может быть, в них он найдет ответы на вопросы, что возникли во время долгого пути? Хотелось бы узнать о людях, которых он повстречал в чужих странах. В медресе Якуб слышал, что всякий царь заботится о том,

¹ С^уры корана — главы корана.

чтобы деяния его были записаны. А если при каждом царе есть мудрец, который ведет летопись царских дел и событий, то, наверно, найдутся книги о царях булгар? Прочесть бы такую книгу и узнать о толстом, пузатом царе булгар! Да еще о том великане, которого никто не видел, а почему-то все говорят о нем. Еще в Бухаре, когда сверстники Якуба из медресе узнали о предстоящем путешествии Мухаммада с сыном, они сказали:

«Посмотри, Якуб, на великана да смерть: в самом ли деле он двенадцати локтей росту, с головой больше медного котла и носом больше четверти?»

И на базаре в Булгаре люди говорили, будто такой великан был когда-то в их царстве, да умер. А старики вспоминали, что кто-то видел великана и был он добрый, никого не обижал, хоть и страшил людей своим видом. И еще Якубу вспомнился тот знатный человек, которого так богато хоронили на берегу большой реки. Люди говорили, что душа умершего вместе с дымом улетела на небо. Где же она поместилась там? Хотелось бы знать, почему этого человека одели в драгоценные одежды, почему воздвигли ему золотой шатер на деревянной ладье? Почему умертвили невольницу, которая должна была вместе с ним уйти на небо? Не пожалели золотых украшений, добрых коней и всякой еды — все сложили к ногам умершего, а потом подожгли ладью. Зачем все это? Может быть, где в книге написано? ..

Кутаясь в тонкий короткий халат и ежась от ночной прохлады, Якуб все думал о виденном и все старался сам себе объяснить, почему эти чужеземцы так неразумно поступают. «Торговать хорошо, — думал Якуб, — но учиться, может быть, еще лучше? .. И как понять отца? То он говорит, что учение помогло ему раскрыть глаза, снять пелену незнания, а то вдруг велит покинуть медресе и пойти торговать шелками. Плохо мне, что нет у меня братьев, — думал Якуб, — некому отцу помогать. И еще плохо, что отец книг не читал. А если бы он прочел стихи Рудаки, он бы так не рассуждал. Старый мудрый Рудаки хорошо сказал:

С тех пор как мир возник во мгле,
Еще никто на всей земле
Не предавался сожаленью
О том, что отдал жизнь ученью.
Мобеды¹ всех земных племен
На всех наречьях всех времен

¹ М о б ё д ы — жрецы.

Познания путь хвалой венчали
И на скрижалях начертали:
«Познание — сердца яркий свет,
Защита от житейских бед»¹.

Верные слова. Чем больше видишь и понимаешь, тем лучше осознаешь, что учение таит в себе великую силу. Но может ли он, сын столь известного купца, отказаться от дела, которому его отец отдал жизнь? Не получится ли так, что он обманет надежды отца? Да и в самом деле, кто станет помогать Мухаммаду? Как быть? Наверно, придется следовать воле аллаха, не размышляя и покаясь ему».

Якуб задремал, так и не найдя ответа на мучившие его вопросы. Его разбудил голос погонщика Абдуллы, призывавшего правоверных к молитве.

— «Ашхаду анна ли иллаха уа Мухаммадун расулу ллахи», — хрипло провозглашал Абдулла.

«Верю, что нет бога, кроме аллаха, а Магомет пророк его», — повторял он слова муэдзина², который в каждом городе, в каждой селении встречает восход солнца этой молитвой, призывая мусульман с высоты тонкого минарета³. Здесь не было ни мечети, ни минарета, но каждый правоверный внимал этим словам. Опустившись на колени и склонив голову в сторону Мекки⁴, все люди каравана начали свой день с этой молитвы, которая называлась «фаджиру». С этого начал и Якуб. Пять раз в день муэдзин призывал мусульман к молитве, и пять раз в день напоминал о священном долге старый погонщик Абдулла.

Когда взошло солнце, караван был уже в пути. Как и вчера, было нестерпимо душно и жарко. Раскаленный песок слепил глаза. На него больно было смотреть, каждому хотелось уйти в прохладу и прилечь. Но вокруг была знойная пустыня.

«И зачем это аллах создал такую злую землю?» — снова спросил себя Якуб. Чтобы не думать об этом, он стал вспоминать прохладный двор караван-сарая в Гургандже, где было много торгового люда и где звучала речь неведомых ему племен.

¹ Перевод В. Левика.

² Муэдзин — священнослужитель, призывающий мусульман к молитве.

³ Минарёт — высокая башня при мечети, с которой муэдзин призывает к молитве.

⁴ Мекка — священный город мусульман в западной части Аравийского полуострова.

Когда время приблизилось к полудню, Якубу показалось, что пески превратились в тысячи маленьких солнц, которые жгут все живое и дышат невидимым пламенем. Он вытащил небольшой бурдюк, наполненный мутной солоноватой водой, и стал жадно пить ее. Затхлая вода, набранная на рассвете в глубоком колодце среди песков, показалась ему самым прекрасным напитком на свете. «Она несколько не хуже чистой прохладной воды из священного источника под Самаркандом», — подумал юноша. В бурдюке еще оставалось немного воды, и Якуб стал его бережно подвязывать. Ему казалось, что большие печальные глаза верблюда следят за каждым его движением.

— Но я не могу отдать тебе остатки воды, — шептал Якуб. — Может быть, караван обошел тот колодец, о котором говорил Абдулла. Старик пообещал к полудню привести караван к колодцу, но колодца нет, хоть и настал час второй молитвы.

— «Ашхаду анна...» — снова затянул хриплым голосом старый погонщик, останавливая караван.

Мухаммад не велел развешивать верблюдов, и люди поспешно спускались на огненный песок и, подстелив маленькие коврики, становились на колени, чтобы после короткой молитвы продолжить свой путь.

Но что так тревожно лицо Абдуллы? Сразу же после молитвы старик стал громко бранить своего глухого помощника. Якуб, заслонив глаза ладонью, так же как и Абдулла, пристально вглядывается в ослепительную даль раскаленного неба. Он понял: старики предвидят ураган. Вот о чем тревожится Абдулла. Якуб отчетливо видит темное пятно, которое быстро приближается к ним. Он стал прислушиваться к шелесту песка и увидел, как пески все быстрее перекатываются по крутым склонам барханов, до него донесся их тонкий свист. И вдруг Якуб увидел, как песок стал дымиться над барханами. Небо потемнело. Все засуетились. Погонщики поставили верблюдов спиной к ветру, спрятав между ними поклажу и покрыв ее большими кошками. А свист и скрежет песка все усиливался и мешал различать голоса людей. Взволнованный Мухаммад суетился вокруг тюков, беспокоясь, как бы не повредило товары. Едва успели приготовиться к несчастью, как все вокруг забурило, закипело и дымящиеся пески устремились в самое небо.

Как Якуб ни изворачивался, а крепкие струи песка били его по лицу, по рукам, по голове, мешали видеть окружающее. Такой сильной бури Якуб никогда еще не видел. В душу его закралось беспокойство. Он видел, как озабочен отец, и подумал, что жаль будет поте-

рять товары, добытые с таким трудом и лишениями в далеком царстве Булгар.

Но вот посыпались с неба крупные редкие капли дождя, и ветер стал понемногу утихать. А когда пошел обильный и прохладный дождь, Якубу показалось, что в глазах животных засветилась радость. Радость избавления от мук жажды. И сам он охотно подставил лицо под прохладные струи дождя и жадно глотал приятную чистую воду, посланную самим небом.

— Аллах милостив, — шептал в радостном возбуждении Абдулла, прикрывая тюки, чтобы они не намокли.

Сам он промок до нитки и, так же как и другие люди каравана, с радостью стоял под прохладными струями, наслаждаясь чистым воздухом и утоляя жажду.

Когда небо прояснилось, погонщики стали торопливо выючить верблюдов, и караван Мухаммада снова вышел на тропу, ведущую в город Кят. Но дорога была не так хороша, как предсказывал вчера Абдулла. Он много раз говорил Мухаммаду, что после полудня караван пойдет по самой хорошей дороге, какая бывает в пустыне: по такырам¹, ровным и гладким, как поверхность деревянной доски. Старик не предвидел урагана и сильного дождя. И вот верблюды с трудом скользят по мокрым такырам. Бедные животные, изгибая и без того кривые шеи, медленно передвигаются, еле удерживаясь на ногах, но падают и потом долго не могут подняться. Глядя на них, Якуб вдруг вспомнил поговорку: «Отчего у тебя кривая шея?» — спросили верблюда. «А какая часть моего тела прямая?» — отвечал верблюд».

Наступивший день был ветреным, холодным и трудным. Проводники измучились, помогая верблюдам подыматься и беспрестанно поправляя выюки. А умные, терпеливые животные медленно передвигались, молча покоряясь своей участи.

Солнце показалось в небе уже перед самым закатом. Оно так весело засверкало в лужицах воды и так быстро подсушило скользкие такыры, что еще дотемна все почувствовали облегчение. Караван пошел быстрее. Весело зазвенели колокольчики на шеях верблюдов.

Сидя на своей поклаже и не заботясь больше о верблюде, Якуб стал думать о своем возвращении домой. Его не переставала тревожить мысль: что же он будет делать, если мударис не пожелает ему помочь? Где он добудет книги? Вот если бы он был сыном знатного

¹ Т а к ы́ р ы — участки гладкой плотной и твердой поверхности в пустыне, среди песков.

дабира¹ или чиновника дивана², может быть, тогда ему удалось бы попасть в библиотеку бухарского хана. Но в эту удивительную библиотеку не смог попасть даже сам мударис, уважаемый шейх и мудрец. Как же проникнет туда сын купца?

Уже в сумерках вдали показались высокие каменные стены караван-сарая. Якуб искренне обрадовался, увидев яркое пламя костра вблизи ворот. Сегодняшний день в пустыне, эта ночь у костра и ураган утомили его. Хотелось прилечь, отдохнуть. Все тело ломило от сильного озноба, стучали зубы. «Если бы не ураган, — подумал юноша, — мы бы уже подошли к городу Кяту».

Когда караван расположился во дворе за высокой стеной, а в медном котле Абдуллы закипела баранья похлебка, Якуб вдруг почувствовал, что совсем не может глотать. Он испугался, вытащил свою кожаную флягу, пригубил ее и с трудом проглотил немного воды. Юноша со стоном опустил флягу и улегся на кошме, подложив под голову связку мехов.

— Якуб, поторопись к ужину! — крикнул отец, видя, что сын мешкает. — Мы ждем тебя!

— Ешьте сами, не ждите, — прошептал Якуб так тихо, что никто не услышал его.

Старый Абдулла обратил внимание на странный вид Якуба. Он коснулся его лба и ахнул. Старик поспешил позвать ал-Хасияда, который, ничего не подозревая, весело угощал своих сотрапезников. Высокий, плечистый, со свежим, румяным лицом и черной с проседью бородой, Мухаммад ал-Хасияд отличался веселым нравом и простодушием, которые вызывали расположение и доверие людей. За ужином Мухаммад собирался договориться с купцами, идущими из города Кята, о своих торговых делах, и, когда Абдулла окликнул его, он был удивлен.

— Что случилось, Якуб? — воскликнул взволнованный отец. — Ты был здоров. Не укусила ли тебя желтая песчаная змея? Или, может быть, тебя ударил хвостом по ноге злобный варан, что встретился нам вчера? Напрасно ты погнался за ним, сын мой!

Якуб молчал. Ему было трудно говорить. И Мухаммад, волнуясь, прислушивался к его тяжелому дыханию, дрожащими руками прикрывал сына своим красным шелковым халатом. Мухаммад ал-Хасияд впервые видел своего Якуба таким беспомощным и потому очень растерялся.

¹ Д а б и р — секретарь хана или султана.

² Д и в а н — канцелярия, ведомство при дворе правителя.

— Как отворотить нависшую над нами беду? — спрашивал он Абдуллу.

Старик вызвался позвать знахаря, а юноше становилось все хуже и хуже. Он чувствовал, что в горле растет какой-то ком, который не дает ему глотать и мешает дышать.

Вскоре Абдулла привел с собой знахаря, живущего здесь же, во дворе караван-сарая. Маленький сморщенный старичок в грязной чалме и в халате, пестрящем яркими заплатами, непрестанно вытаскивал из-за пояса крошечную тыкву, наполненную сушеной мятой. Старик щедро закладывал в ноздри по щепотке и после глубокого вдоха принимался хвастать тем, что лечит заклинаниями от всех недугов, каким подвержен бедный человек. Он был из кочевников, и все знали, что исцеление больного наступит лишь тогда, когда знахарь произнесет свои заклинания, покружившись вокруг больного, и заставит злых духов покинуть тело несчастного.

Мухаммад ал-Хасияд терпеливо ждал, прислушиваясь к непонятным выкрикам знахаря. Изредка он улавливал тихие стоны Якуба, и тогда в душу закрадывался страх — казалось, что произошло что-то непоправимое.

— Аллах, помилосердствуй, не дай погибнуть моему единственному сыну, отраде очей моих! — шептал Мухаммад. — Пощади... верни здоровье моему Якубу, дай мне возрадоваться!..

Знахарь кружился и завывал, усердно катался по земле, простирая руки в пространство и призывая на помощь силы небесные. А Якуб задыхался. Он пылал в каком-то страшном огне, и ему казалось, что вокруг него знойная пустыня с черным небом, без единой звезды.

Получив свои десять дирхемов¹, знахарь утер замасленным рукавом вспотевший морщинистый лоб и с поклоном сказал, что через час злой дух покинет юношу и он будет совершенно здоров.

Настала ночь, страшная и бессонная. Что она принесет с собой? Мухаммад не покидал больного сына. Сидя у его изголовья, он прислушивался к его неровному дыханию и ждал, когда придет исцеление, обещанное знахарем. Иной раз ему казалось, что остановилось слабое дыхание больного, и он в страхе хватал его за руки и, прижимая холодеющие пальцы сына к губам, шептал:

— Только не это... Только не это! Не может так бесславно погибнуть любимый сын Мухаммада ал-Хасияда... Разве за деньги нельзя исцелить больного? И для чего тогда деньги? Для чего этот караван

¹ Д и р х ё м — мелкая серебряная монета.

с драгоценными товарами из дальних стран? Поистине человек — песчинка в безбрежном океане жизни. . .

Пришло утро, но Якубу не стало легче. Мухаммаду казалось, что сын гибнет у него на глазах.

— Абдулла, тотчас же найди искусного знахаря. Скажи, что я готов отдать половину достояния тому, кто исцелит Якуба. Ступай, Абдулла! Пошли за врачом своего помощника в Гургандж. Дай быстроногого верблюда, и пусть скажет, что Мухаммад не поскупится.

И снова Абдулла привел врача. Пришел высокий, худой как жердь человек с впалыми щеками и маленькими косящими глазами. Он ступал медленно и величаво, бережно прижимая к груди глиняный сосуд с каким-то зельем. Он молча склонился над Якубом и, не говоря ни слова, поднес к его губам свою глиняную кружку. Но, как он ни старался, ему не удалось напоить Якуба этим напитком. Юноша не мог глотать и потому крепко сжал губы, молча защищаясь. Вокруг Мухаммада и Якуба собрались купцы, остановившиеся в караван-сараях. Одни давали советы, другие выражали свое сочувствие. Каждому хотелось чем-то помочь, и каждый вспоминал какой-то удивительный случай, когда знахарю удавалось исцелить больного то настоем диких трав, то заклинаниями. А худой, высокий лекарь спокойно и уверенно подсовывал Якубу свою кружку с настоем, но, видя, что юноша не собирается его пить, отставил сосуд и стал разжимать крепко сжатый рот Якуба. Он хотел насильно напоить юношу. Но, когда лекарь уже удалось немного разжать зубы больного, сосуд опрокинулся, и старик, разочарованный и разгневанный, молча удалился.

Ломая руки, Мухаммад обратился к своим соотечественникам, умоляя помочь ему в несчастье. Но что могли сделать эти люди, случайно очутившиеся здесь, в пустыне? Они могли только сочувственно вздыхать. И вдруг один из купцов закричал пискливым голосом:

— Обрати свои взоры к аллаху, Мухаммад! Твой сын побледнел и не дышит. Настал его последний час!

— Помилосердствуй, что ты говоришь, жестокий человек! . . . Мой сын будет жить! Я найду врача, я исцелю его!

Мухаммад бросился на колени и, прислушиваясь к слабому дыханию Якуба, шептал молитвы. Страх охватил его. То ли действовали вопли купца, то ли Якубу на самом деле стало хуже, но Мухаммаду вдруг показалось, что сын его умирает. Склонив голову к ногам Якуба, он горько рыдал, потеряв надежду на спасение сына.

И в этот миг он услышал голос своего верного Абдуллы, который никогда не оставлял господина в беде.

— Аллах милостив! — кричал Абдулла. — Есть врачеватель! В караван-сарай прибыл ученый Абу-Райхан ал-Бируни. Он держит путь ко двору шаха Мамуна. Вот кто поможет твоему сыну! Он исцелит Якуба!

— Мы знаем искусного врачевателя ибн Сину, — сказал кто-то из купцов, — но разве ал-Бируни тоже врачеватель?

— Как же иначе? Зачем бы его сопровождали гонцы хорезмшаха? Зачем бы его призвали ко двору Мамуна? Посмотрел бы ты, с каким почтением обращается к нему важный чиновник из дворца! — воскликнул Абдулла. — Он второе согнул спину, когда захотел сказать слово ученому. И разве не для того нужна наука, чтобы постичь дело врачевания?

— Веди меня скорее, Абдулла! — потребовал Мухаммад. — Я пойду к нему и брошусь к его ногам.

— Он здесь! — шепнул Абдулла, указывая на высокого, стройного человека в скромном темном халате, внешне ничем не похожего на важного господина. — Иди к нему, он тебе поможет. Да благословит тебя аллах!

Человек в белоснежной чалме, с добрыми задумчивыми глазами внимательно выслушал Мухаммада ал-Хасияда и, подумав, сказал:

— Я от души жалею, что не постиг те тайны, которые стали достоянием молодого врачевателя ибн Сины. Он был бы тебе полезнее. Но, судя по твоим словам, дело не терпит. Хусейн ибн Сина сейчас в Гургандже, при дворе Мамуна. Его не скоро доставишь сюда. Поспешим же к больному, я постараюсь сделать то, что в моих силах. У меня есть целебные травы. Я вожу их с собой по совету одного ученого грека.

Ал-Бируни внимательно осмотрел больного: долго прислушивался к биению его сердца, посмотрел горло, пощупал руки и ноги. Он спросил Мухаммада, когда это случилось, давно ли юноша дышит так тяжело и прерывисто. Затем он попросил своего слугу доставить ему травы, хранящиеся в хурджине, и принялся готовить целебное питье. Вокруг Бируни забегали слуги и проводники из каравана Мухаммада. Вскоре над пламенем костра уже был подвешен маленький котелок, и Якуб был обложен теплыми компрессами, мехами белки и соболя, которые Мухаммад поспешно вытащил из своих тюков. Как ни трудно было Якубу глотать, он все же выпил питье, приготовленное ал-Бируни, и, устало откинувшись на мягких мехах, тепло укрытый и согретый, впервые задремал. И, хотя сон его был беспокойный, ал-Бируни знал, что этот сон принесет с собой исцеление. Ученый не покидал больного, продолжая сидеть у его изголовья, пока он спал, до-

жидаясь того мгновения, когда юноша проснется и сможет снова принять горячее питье.

Посланник дабира и гонцы, сопровождавшие ал-Бируни в столицу Хорезма, Гургандж, то и дело приходили к ученому и напоминали ему, что выюки уложены и караван готов следовать ко дворцу хорезмшаха. Но ал-Бируни не торопился, он спокойно отвечал, что напрасно проводники тревожатся — он не покинет караван-сарая, пока не сделает своего дела.

— Помилуй, уважаемый господин! — говорил, обращаясь к Бируни, посланник дабира. — Как можем мы оставаться в караван-сараяе, когда сам хорезмшах ждет нас в своем дворце!

Посланник дабира едва сдерживал клокотавший в нем гнев. Когда ему было поручено доставить ко дворцу знаменитого ученого Хорезма, сведущего во многих науках, он думал встретить богатого и знатного господина, который нагрузит караван всяким добром. Ведь Бируни был знаменит, и его вызывал к себе сам хорезмшах. Но посланник дабира встретил более чем скромного человека, который чуть ли не за час собрал все свое достояние и навьючил на верблюдов одни лишь книги. Где же его богатства? Где же его пышные одежды, в которых он предстанет перед хорезмшахом? Где он хранит свои драгоценности? И почему на нем такой дешевый халат? . . . И вот теперь этот странный человек сразу же показал, что он не желает угождать великим мира сего: он заставляет ждать самого шаха и тратит время на неизвестного юношу!

— Благодарение аллаху, — отвечал ал-Бируни, — жизнь хорезмшаха не подвергается опасности, а здоровье молодого человека, только начинающего свой путь, в опасности. Как же можно оставить юношу, не оказав ему помощи? Не следует ли подумать, что выше — гнев хорезмшаха или гнев аллаха, который обрушится на ученого, взявшегося врачевать и не выполнившего свой долг?

Посланник дабира молча удалился, и вслед за ним, опустив головы, ушли гонцы. Мухаммад ал-Хасияд стоял, словно пораженный громом. Услышанные им слова потрясли его. Так отвечать посланнику дабира мог только очень смелый человек! Но этот смелый человек может накликать беду на свою голову. А что будет, если посланник дабира в порыве гнева сообщит хорезмшаху о том, что задержало в пути знаменитого ученого? Тогда ал-Бируни неминуемо подвергнется преследованию хорезмшаха. И вдруг Мухаммад вспомнил разговор, услышанный им в Гургандже. Не об этом ли ученом говорили почтенные старцы, которых он встретил у продавца книг? Он вспомнил базар

в Гургандже и кипу старинных книг под навесом. Якуб попросил у него денег, чтобы купить полюбожившуюся ему книгу, и, когда Мухаммад расплачивался с продавцом, он услышал разговор незнакомых ему людей. Они говорили о каком-то ученом, который был изгнан из Хорезма прежним правителем и вынужден был скитаться по чужой земле. Не об этом ли ученом они говорили? . .

Когда Абу-Райхан остался наедине с Мухаммадом, купец сказал ему о своих сомнениях и робко спросил, не подвергается ли опасности ученый, не разгневается ли грозный правитель Хорезма.

— Страх забрался в мое сердце, — признался ал-Хасияд. — Я бы не хотел стать причиной твоих невзгод, благородный человек. Ты сделал доброе дело. Оно уже записано аллахом в книге благодеяний, а мне вовек не забыть тебя. Поверь, среди моих богатств нет сокровища, которое я не сложил бы сейчас к твоим ногам. Я слышу ровное дыхание моего сына. Это счастье. Признаюсь тебе: были минуты, когда я не надеялся на это. Если человек теряет дар, без которого не существует даже букашка, когда он лишен дыхания. . . О чем тут говорить! . . Ты спас мне сына. Так, может быть, мы сами теперь продолжим начатое тобою дело исцеления, а тебе дадим возможность двинуться в путь, чтобы скорее предстать перед великим правителем Хорезма?

— Я не боюсь гнева Мамуна, — ответил ал-Бируни. — Если он призвал меня ко двору, значит, он надеется извлечь пользу из моих знаний. А если я ему нужен, то он встретит меня благосклонно. Ведь я не напрашивался, хоть мне и лестно встретиться с достойными учеными, собранными при его дворе. И какая может быть беда от того, что я прибуду на сутки позднее? Решительно никакой беды не будет. Только на сутки позднее мы начнем свои ученые споры. Я не покину твоего сына, пока нам не удастся побороть злой недуг. Опасность миновала, но тяжелая болезнь еще не прошла. У твоего сына были нарывы в горле, и они могли лишить его жизни. Мы вовремя ему помогли. Питье, которое я ему дал, поможет снять жар и уменьшить опухоль в горле. Я хотел бы покинуть караван-сарай с мыслью, что выполнил свой долг перед молодым человеком, только начинающим свой путь в жизни. Много ли он видел и узнал? Много ли успел сделать? А земля так велика и прекрасна, надо ее познать. Сколько она ставит нам загадок! Каждый человек должен стремиться постичь неведомое, познать загадочное и по мере сил своих передать свои знания другим.

Ал-Бируни говорил тихо, внимательно глядя в глаза ал-Хасияда и стараясь разгадать, все ли понял этот богатый, избалованный удачами

мусульманский купец. Ученый видел, что перед ним богатый человек. Иначе откуда столько дорогих пушистых мехов, которыми укрыли юношу? Откуда перстни с горящими рубинами и редкой красоты изумрудами, которыми были унизаны пальцы Мухаммада?

А в это время Якуб, проснувшись уже в полном сознании и даже с какой-то бодростью, полуоткрыв глаза, внимательно слушал неизвестного ему человека. Юноша старался понять, почему тот сидит у его изголовья. Зачем?.. Потом он вспомнил, как ему было трудно глотать, как его мучил жар и страшные видения. Он вспомнил, что, когда наступали минуты прояснения, он видел перед собой этого человека в белоснежной чалме, вспомнил, как тот подавал ему чашу с горячим питьем и тихим голосом говорил:

«Пей, юноша. Это питье исцелит тебя, и дыхание твое станет легким и приятным».

Человек с добрыми, задумчивыми глазами гладил ему руки и, ласково касаясь лба, очень убежденно повторял:

«Ты вернешься к здоровью и благополучию. Ты будешь жить».

И Якуб почувствовал, как горькое горячее питье разливается в жилах приятной прохладой. Да, он будет жить! Куда-то ушел страх перед неизвестностью!..

Откуда он, этот добрый человек? В самом деле, дыхание стало легким и приятным. В горле почти исчез ком, который душил его. Даже есть захотелось! И еще — хочется услышать его голос. Что-то он сказал сейчас очень важное... «Человек должен постичь неведомое!..» Мудрый человек. Кто он?

— Ты проснулся, юноша! — радостно воскликнул Бируни, когда встретил устремленный на него взгляд Якуба. — У тебя совсем ясные глаза. Скоро, очень скоро недуг покинет тебя.

— Слава аллаху, я совсем здоров, — ответил Якуб, приподымаясь на локте и стараясь кивком головы приветствовать неизвестного друга. — Я слышал твои слова, мудрый человек, и в душе моей родилось желание услышать из уст твоих еще несколько слов.

— Не утруждай великого ученого Абу-Райхана ал-Бируни, — поспешил вмешаться отец. — Мы и так потревожили его, отвлекли от главного дела. Благородный ученый, краса и гордость мусульманского мира, призван ко двору шаха Мамуна.

— Зачем так! Не пугай юношу пышными титулами, — усмехнулся ал-Бируни. — Он еще не искушен в делах великих мира сего. Одно слово «хорезмшах» может повергнуть его в трепет. Мне не грозит опасность. У великого правителя Хорезма пока еще нет оснований

гневаться. Завтра я отправлюсь ко двору, а сегодня еще побуду с Якубом, тем более что он обрел дар речи и будет мне отличным собеседником. Выпей-ка это питье, юноша, — предложил ученый, подавая Якубу чашу, — а потом поговорим с тобой. Надеюсь, ты грамотен?

— Знания мои весьма ничтожны, — отвечал Якуб в смущении. — Я десять лет провел в медресе, но, как я убедился, мои глаза еще не прозрели. Кое-что я увидел в своем первом путешествии в Булгар. Но всего этого мало. Я имел счастье читать твою книгу «Следы, оставшиеся от прошедших поколений». Она хранится в библиотеке нашего медресе, и только главный мударис распоряжается твоим бесценным трудом. Сколько я почерпнул в нем разных сведений, удивительных и любопытных! Твоя книга заставила меня над многим призадуматься. И вот мне захотелось узнать о верованиях и обычаях тех народов, которые я встречал во время нашего путешествия в Булгар.

— Вот оно что! — обрадовался Бируни. — Мне приятно слышать, что ты читал мой труд, посвященный прошлому ушедших поколений. И еще приятнее знать, что у тебя появилось желание постичь религию, обычаи и нравы тех племен, которых ты доселе не знал и не ведал. Значит, не напрасно я трудился над этой книгой. Что же поразило тебя в таинственной стране Булгар?

В изумлении слушал этот разговор Мухаммад ал-Хасияд. Среди купцов он всегда чувствовал себя равным и даже более того — ему нередко казалось, что он возвышается над другими. Но рядом с этим скромным и мудрым человеком, который спас жизнь его сыну, он чувствовал себя ничтожным. Но каков же Якуб, его мальчишка Якуб! Он как равный разговаривает с самим ал-Бируни! Сын ведет беседу с известным ученым, призванным к самому хорезмшаху. И ученый слушает его с интересом. Поистине бывают чудеса! Пожалуй, в этот миг богатый купец испытывал отраду, какой не давала ему самая удачная торговля на самом большом караванном пути.

А тем временем Якуб рассказывал ал-Бируни о том, что ему показалось удивительным и достойным внимания во время путешествия в царство Булгар. Он рассказывал о странных обычаях, о верованиях и богах. Вспоминал суровый климат и чужое небо.

— Как-то перед заходом солнца, — рассказывал Якуб, — в обычный час небесный горизонт сильно покраснел, и я услышал в небе шум и громкое ворчанье. Тогда я поднял голову и увидел облако, подобное огню. Оно было недалеко от меня, и я увидел, что шум и ворчанье исходят из этого облака. И мне удалось рассмотреть в этом облаке подобие людей и лошадей. Потом я стал различать копья и мечи, кото-

рые казались совершенно ясными. А с другой стороны из облака выплыло нечто подобное всадникам с оружием, и эти всадники стали нападать на тех, что плыли по небу среди обрывков алых облаков. Все люди нашего каравана в изумлении смотрели на это зрелище, а иные испугались. Я увидел, как старый Абдулла бросился на колени и стал просить аллаха о милости. А булгары посмеялись над нами. Они сказали нам, что эти всадники в небе принадлежат к верующим и неверующим джиннам. И так они сражаются каждый вечер и не прекращают этого с тех пор, как булгары помнят себя на этой земле.

— Любопытно, — сказал задумчиво Бируни. — А что еще тебе запомнилось? Ты не лишен наблюдательности, юноша!

— Мне запомнилась самая короткая ночь, какую можно себе представить. Я едва успел прочесть молитву на закате солнца, когда начался рассвет. Я помню, как Абдулла ставил котелок на огонь во время захода солнца; вода в котелке еще не успела закипеть, а уже надо было приниматься за утреннюю молитву. Когда так коротка ночь, то день очень длинен. Но говорят, что пройдет немного времени, и наступят длинные ночи и короткие дни. И видел я в небе совсем мало звезд, — продолжал Якуб. — Сколько ни приглядывался, а более пятнадцати звезд не мог насчитать. С чего бы это?

— Это вследствие малой темноты, — подсказал Бируни. — Месяц, должно быть, не достигает середины неба и лишь на короткое время появляется на его краях, не правда ли?

— Так оно и было, — ответил Якуб. — Меня это удивило... И настолько светла ночь, что человека можно разглядеть с расстояния, большего, чем выстрел стрелы.

— Все это очень любопытно, друг мой, — сказал ал-Бируни. — И, если бы ты поехал дальше на север, ты бы увидел еще более удивительные вещи. Прибывшие оттуда люди рассказывали мне, что в зимнюю пору ночь делается по длине равной летнему дню, а день делается таким коротким, как ночь. Это происходит в месте, называемом Атиль. Мне рассказывали, что племена, живущие там, считают благодетельным для себя вой собак, так как видят в этом доброе предзнаменование, предсказывающее изобилие и урожай. У них много удивительных обычаев и порядки, для нас непривычные. Однако мы должны уважать эти обычаи, потому что для них они священные... Сегодня ты отдохнешь, друг мой, а на рассвете, когда я увижу, что ты здоров и дыхание у тебя легкое и приятное, я продолжу свой путь к хорезмшаху.

На рассвете караван прославленного хорезмийца Абу-Райхана ал-Бируни отправился в столицу Хорезма. Его сопровождали гонцы хорезмшаха Мамуна и посланник дабира, которому было велено следовать за ученым до места назначения.

— Богатство ученого — его знания, — сказал Мухаммад ал-Хасияд своему сыну Якубу, когда встретился с веселым взглядом юноши и понял, что опасность миновала, что Якуб выздоравливает.

— Удалось ли тебе отблагодарить ученого за его доброту и внимание к нам? — спросил Якуб отца.

— Не удалось, — ответил купец. — Великий ученый гордым жестом отвел мою руку, протянувшую ему мешочек с золотом. Я остался его должником.

— Должно быть, знания дают ему большие богатства, если он отказывается от золота, — заметил Якуб.

Он сказал это не без хитрости. Сейчас ему очень хотелось услышать от отца: «Да, ученость дает большие богатства». И тогда бы он сказал: «Зачем же водить караваны? Не попытаться ли мне стать ученым? . . Разве не справедливы слова Абу-Райхана ал-Бируни «Земля велика и прекрасна — познай ее!».

Но отец молчал.

В КОРОНЕ ШАХА МАМУНА НЕДОСТАЕТ САМОЙ КРУПНОЙ ЖЕМЧУЖИНЫ

Абу-Райхан ал-Бируни в сопровождении гонцов хорезмшаха приближался к стенам Гурганджа. Его тревожила мысль: к чему это приглашение? Для какого дела он понадобился правителю Хорезма? Ученый уже не впервые задумывался над этим и делал разные предположения.

«Может быть, Мамун хочет обновить хорезмийский календарь? Или ему потребовались математические вычисления для строителей оросительных каналов? Что нужно шаху Мамуну от ученых? Говорят, будто он призвал их из Бухары, Самарканда и Нишапура¹. Так ли это? Что побудило шаха расточать милости людям, далеким от дел его двора? Возможно, что ему захотелось иметь при дворе горизонтальные солнечные часы? Их не сделаешь, не имея сведений о широте того места, где они будут устроены. Вычисления должны быть точные. Не для того ли нужны математики? Если хорезмшах желает показать посланцам халифата, как он верен аллаху, то естественно его желание

¹ Нишапур — город в Иране, вблизи нынешнего Мешхеда.

добыть точные данные для всех пяти суточных молитв. Ведь всякому правоверному мусульманину, особенно если он к тому же еще и правитель великой страны, хочется, чтобы муэдзин призывал к молитве всегда в одно и то же время, как это делается в Мекке и Багдаде. Но вряд ли только для этого собрал хорезмшах всех ученых. Позднее откроется истина. А пока надо набраться терпения. Терпение нужно не только для научных опытов, но и для того, чтобы спокойно, с достоинством переносить причуды правителя. Ведь причуды неизбежны. Разве пребывание при дворе правителя Гургана¹, Кабуса ибн Вашмгира, не научило его терпению? Теперь он хорошо знает цену добрым словам правителя и не очень-то верит этим словам, они редко бывают искренними. И еще реже бывают продиктованы благородными порывами сердца. Чаще всего они пропитаны корыстью, желанием сделать чужую голову своим достоянием. Но, зная эту истину, надо примириться с ней и идти дальше своей дорогой. Дорога впереди трудная, хоть и манящая своими загадками, нераскрытыми тайнами. «Иди же вперед, Абу-Райхан, и не жалуйся на трудную судьбу! Помни: ты сын неизвестных родителей и не было у твоей колыбели человека, который бы имел достояние и смог бы помочь тебе в юности. Ты был усердным и любознательным, Абу-Райхан, но нельзя сказать, чтобы аллах очень покровительствовал тебе. В двадцать лет уже пришлось покинуть родной край и бежать от дворцовых смут. Хорошо, что был снисходительным правитель Гурган. Годы, проведенные в Гургане, не прошли даром. Были прочитаны груды книг о прошлом ушедших поколений. И разве часы, проведенные за этими страницами, не принесли тебе радости? А каким счастливым был тот день, когда ты завершил многолетний труд и старый переписчик взял в свои дрожащие руки объемистую книгу «Следы, оставшиеся от прошедших поколений»! Не этот ли труд привлек внимание хорезмшаха? Очень хотелось, чтобы люди, заглянувшие в эту книгу, поняли, что следы эти драгоценны, что их надо беречь».

Так размышляя о прошлом, Абу-Райхан словно подводил итог сделанному и намечал свой дальнейший путь. Он служил науке верой и правдой, но давно уже понял, что без покровительства шахов не делаешь и самой малости. Значит, надо терпеть причуды правителя.

«Не удивляйся причудам великих мира сего, — говорил сам себе Абу-Райхан. — Пусть 398 год хиджры² — год возвращения на родную

¹ Г у р г а н — город на южном берегу Каспийского моря.

² 398 год хиджры (мусульманской эры) соответствует 1010 году новой эры.

землю Хорезма — будет знаменательным для тебя. Пусть тебя озарит звезда мудрости, Абу-Райхан. Клянусь аллахом, я использую этот свет для блага людей. Богословы говорят, что всемогущему все видно; хотел бы я знать, видит ли он, как я хочу познать звезды небесные и недра земные. И разве не для этой великой цели я трачу свою жизнь? Впрочем, этой великой цели многие готовы отдать жизнь. И первый из них — Хусейн ибн Сина. Боги наделили молодого ученого бесценным даром. Он способен заглянуть внутрь человека и разгадать тайну самого загадочного недуга. Поистине чудо! Но каким тяжким трудом достиг он этого совершенства! Мало кто знает, что ибн Сина отважился подкупить могильщика и, получив у него труп неизвестного человека, разрезал его и узнал, как изменились органы человека во время болезни. Он сделал это тайно, иначе богословы предали бы его проклятью. Но и без того они считают его безбожником. Возможно, до них дошли стихи Хусейна, которые записал один из его верных учеников:

За безбожье свое пред собой одним я в ответе.

Крепче веры моей не бывало на белом свете.

Но, коль даже единственный в мире — и тот «еретик», —

Значит, нет, говорю, правоверных в нашем столетье! ¹»

Вспомнив эти строки, ал-Бируни улыбнулся. Стихи говорили о смелости взглядов Хусейна, а по мнению Абу-Райхана, смелость — одно из самых необходимых качеств ученого.

«Хорошо, что хорезмшах призвал Хусейна ибн Сину в Гургандж, — подумал Абу-Райхан, — любопытно встретиться с ним!»

Въезжая в ворота Гурганджа, ал-Бируни встретил глашатая на статном рыжем скакуне. Он громко провозглашал волю шаха Мамуна, призвавшего на свой меджлис ² всех ученых. Гонцы, сопровождавшие Абу-Райхана, всполошились и спросили ученого, поспешит ли он сейчас на меджлис, но Абу-Райхан только развел руками.

— Помилуйте, — сказал он, — могу ли я предстать перед великим правителем Хорезма в одежде странника, покрытой пылью дорог? Сегодня обойдутся без меня, а завтра, я надеюсь, хорезмшах примет меня.

С этими словами ал-Бируни покинул гонцов, узнав предварительно, где ему отведено жилье.

«Гургандж — столица Хорезма, — думал ученый, — но редко слышна хорезмийская речь. Язык жителей Гурганджа оскудел, потерял

¹ Перевод И. Сельвинского.

² М е д ж л и с — собрание.

свою живость и прежнюю образность. Люди просвещенные стараются показать свои знания арабского языка. Это естественно, если при дворе правителя принят арабский язык. Впрочем, и сам я предпочитаю писать свои труды по-арабски. Этот благозвучный язык словно создан для науки. Но и в поэзии он удивительно хорош».

Подойдя к дому, предоставленному ученому, Абу-Райхан подумал: «Такая щедрость, пожалуй, излишня. К чему?.. Богатый дом нужен человеку, который намерен устраивать пиры, а у меня никогда не будет времени для веселых сборищ».

В то время когда ал-Бируни переступал порог своего нового дома, хорезмшах Мамун слушал дабира. Склонив голову перед повелителем, дабир говорил о том, как засияют на небосклоне Хорезма величайшие звезды науки, собранные правителем во имя процветания страны. Умный и образованный дабир читал строки из книги Абу-Райхана:

— «... Откуда могли бы быть у нас сведения о преданиях народов, не будь в нашем распоряжении вечных произведений пера?» Ал-Бируни говорит о вечных произведениях пера, — продолжал дабир, — он посвятил им все дни своей жизни. И мы видим это, читая труд ученого.

Хорезмшах Мамун, слушая дабира, одобрительно кивал головой. Книга ал-Бируни «Следы, оставшиеся от прошедших поколений» нравилась ему. Он прочел ее с интересом и был доволен, когда нашел в ней страницы, посвященные прошлому Хорезма.

— Где же сейчас Абу-Райхан? — спросил шах Мамун. — Будет ли он на меджлисе?

— Я жду его, — признался дабир, — но не знаю, поспеет ли он на меджлис. Глашатай уже сзывает ученых.

— Тогда отложим меджлис, — предложил Мамун. — Сейчас меня занимает Абу-Райхан. Что ты узнал о нем?

Вошедший в покои шаха вазир внимательно прислушивался к разговору шаха с дабиром.

— Учителем Абу-Райхана был знаменитый Абу-Наср Мансур ибн Али ибн Ирак, — отвечал дабир. — Этот выдающийся астроном — слава о нем никогда не померкнет! — избрал себе достойного продолжателя. Вот почему я считаю Абу-Райхана ал-Бируни той жемчужиной, которой должен украсить свою корону великий шах Мамун.

— Если я не ошибаюсь, — вмешался вазир, — учителем Абу-Райхана был врач и астроном Абу-Сахль Иса ал-Масихи? Я не очень доверяю этому ученому-христианину. — Вазир сделал паузу, искоса гля-

нул на молчаливого хорезмшаха и добавил: — Абу-Райхан ал-Бируни прибудет ко двору, но я не знаю, та ли это жемчужина, которой недостает в твоей короне, великий шах Мамун.

С недавних пор вазир враждовал с дабиром, и сейчас он не терял случая поддеть его, хотя понимал, что ал-Бируни все равно встретят с почестями, раз этого пожелал хорезмшах.

«Пусть встретят с почестями этого безвестного хорезмийца, — подумал вазир. — Настанет время, и богословы сумеют доказать, что во дворец правителя Хорезма пробрался безбожник и еретик».

* * *

Хорезмшах Мамун любил присутствовать при ученых спорах. Ему нравилось, когда прославленные ученые ставили друг другу сложные, а иной раз и неразрешимые вопросы. Он гордился тем, что сумел привлечь к себе людей науки, которые были прославлены своей образованностью в других городах. Правда, этим он восстановил против себя многих богословов, которых приводили в трепет даже самые имена этих ученых. Иные из них не скрывали своей неприязни к молодому врачу ибн Сине, хотя знали, что он спас жизнь правителю Бухары.

Ибн Сина восстановил против себя богословов не только тем, что, занимаясь исцелением больных, больше полагался на свои знания, чем на волю аллаха, но еще и тем, что говорил недозволенное. Он интересовался многими науками и нередко высказывал свое мнение о вещах загадочных и непостижимых. Ученый осмелился сказать, что образование гор могло произойти либо от поднятия земной поверхности, как бывает при сильных землетрясениях, либо от действия воды. Мало того — он высказал мысль о том, что некоторые пласты на горах произошли от древних морей, в которые они были когда-то погружены.

«Еретик и безбожник! — кричали богословы, близкие ко двору шаха. — Он говорит недозволенное и неразумное! Кто может сомневаться в том, что и горы и моря — все создано волей всемогущего аллаха!...»

Однако эта дерзкая мысль привлекла внимание хорезмшаха. Мало того — шаху захотелось проверить, справедливы ли слова ибн Сины. И тогда правитель Хорезма сказал, что в этом ученом споре должен принять участие Абу-Райхан ал-Бируни, который, как ему стало известно, не уступает ибн Сине в своей учености. Хорезмшах не знал о том, что ал-Бируни позволяет себе высказывать весьма рискованные

мысли, какие не решился бы сказать ни один правоверный ученый. Мамуну не было известно, что ал-Бируни открыто высмеивает мусульманских богословов, которые объясняют те или иные явления природы не чем иным, как только всемогуществом аллаха. Но в тот самый час, когда ал-Бируни расположился в доме, отведенном ему в Гургандже, дабину пришлось в голову рассказать своему повелителю о странностях, присущих ученому-хорезмийцу. Почему он так сделал? Может быть, потому, что захотел представить ал-Бируни именно таким, каким он был на самом деле, чтобы впоследствии не подвергать его опасности быть оклеветанным невеждами. И дабир рассказал Мамуну о том, что ал-Бируни ведет себя, как вольная птица — что хочет, то и делает: высмеивает богословов, не считается с их мнением и в суждениях своих тверд, как скала, хотя многие с ним не согласны.

— И как же он их высмеивает? — спросил хорезмшах. — Поистине аллах велик — он создал и птиц и ученых. . . Только он дарует разум человеку. А если всемогущий одарил ученого столь удивительным свойством, что он способен понять движение небесных светил, значит, он же внушил ему мысль о том, что богословы неправы. Ну-ка, расскажи, в чем они неправы.

— Один из известных мне ученых, — отвечал дабир, — стал свидетелем спора между Абу-Райханом и багдадским мудрецом. Они говорили о причинах, вызывающих подъем воды, и о том, почему бьют фонтаны. Ал-Бируни был краток. Он сказал: «По этому вопросу со мной спорили многие люди. Они склонны приписать божественной мудрости то, что не узнали в науках физических. Сказав, что аллах всемогущ, они тем самым отвечают на все вопросы. А в чем истина, они не знают».

— А он знает, в чем истина? — спросил Мамун с усмешкой. — Богословам свойственно многое объяснять всемогуществом аллаха. Но как еще можно это объяснить? Я желаю услышать ответ из уст самого Абу-Райхана. И еще меня занимает спор о том, движется ли Земля или стоит неподвижно. До меня дошло, будто иные сомневаются в том, что Земля стоит неподвижно.

Дабир, хорошо знавший труды знаменитого хорезмийца, решил объяснить хорезмшаху, в чем особенность мысли ал-Бируни. Он сказал:

— Досточтимый шах Мамун! Известный тебе ученый ал-Фараби давно уже писал о том, что Земля не двигается ни со своего места, ни на своем месте. А вот ал-Бируни, отдавая должное великому ал-Фараби, говорит совсем другое. Он ссылается на индийских астрономов.

— Что же он говорит об этом? — полюбопытствовал шах. — Многие считают Абу-Райхана хорошим астрономом. Надеюсь, он не позволяет себе недозволенного?

— Мне говорили, — отвечал дабир, — что ал-Бируни согласен с мыслью индусских астрономов. А те говорят, будто Земля движется, небеса же находятся в покое. . .

— Это уже чрезмерно! — воскликнул шах Мамун. — Слава аллаху, этого нет, иначе камни и деревья падали бы с Земли! . .

— Так думают многие, великий шах. И я так думаю. Однако астроном Брамагупта утверждает, что все предметы притягиваются к центру Земли и потому не падают при вращении Земли.

— Эта дерзкая мысль мне непонятна! — воскликнул хорезмшах. — Не мне судить, кто из них прав. Аллах велик! Он рассудит! Нам неизвестно, согласен ли Абу-Райхан с индусскими астрономами. Мало ли что говорят. . . Одно скажу: Абу-Райхан ал-Бируни уроженец Хорезма, и он должен быть при моем дворе. Пусть он докажет нам, что правда за Брамагуптой.

— Я жду его с минуты на минуту, — ответил с поклоном дабир. — Может быть, суждения Абу-Райхана странны, однако я верю, что его знания в астрономии и математике принесут Хорезму великую пользу.

* * *

Пышный двор хорезмшаха Мамуна показался ученому даже чрезмерно богатым. Гурган был намного беднее и меньше столицы Хорезма. Там не было таких красивых дворцов, не было таких величавых мечетей, не было столь шумных улиц и таких обширных каравансараев. Ал-Бируни получил почетное место при дворе правителя Хорезма. Ученому был предоставлен богатый дом и подарена одежда, достойная самого вазира. На следующий же день хорезмшах Мамун пожелал увидеть ал-Бируни.

Правитель великого Хорезма принял ученого приветливо. Мамун не был таким чванным и заносчивым, каким был султан Махмуд Газневидский. Лицо его было спокойно и благородно. Глаза хорезмшаха не метали молнии гнева и только с любопытством смотрели на скромного худощавого человека, который сумел завладеть умами людей, не имея никакого достояния и никакой знатности. Руки хорезмшаха, украшенные драгоценными перстнями, спокойно лежали на подлокотниках. По обе стороны трона стояли телохранители, словно каменные изваяния.

«С этим, пожалуй, можно поладить», — подумал Абу-Райхан, склонившись перед правителем.

Быстро ответив на приветствие, Мамун прежде всего спросил, согласен ли Абу-Райхан с утверждениями индийских астрономов.

Ал-Бируни не ожидал подобного вопроса. Не собирается ли шах Мамун разоблачить его и всенародно назвать еретиком? Но он тут же отбросил эту мысль. Зачем же так? Скорей, наоборот: если правитель Хорезма знает что-либо об индийских астрономах, то это просвещенный правитель. Но как ответить более понятно?

Подумав немного, Абу-Райхан сказал:

— Вопрос, заданный мне великим правителем Хорезма, заслуживает большого внимания. Но я бы не хотел ответить на него поспешно. Если бы великий шах пожелал собрать меджлис ученых. . . Пусть мой повелитель не подумает дурно, я могу и сейчас ответить великому шаху, — продолжал Абу-Райхан. — Но меджлис. . .

— Меджлис — хорошо! — поспешил с ответом хорезмшах. Ему как раз и хотелось услышать спор ученых.

Ал-Бируни еще мало знал правителя Хорезма. До него дошли слухи о том, что Мамун II человек просвещенный, не лишенный интереса к наукам. Но как понять поставленный им вопрос? Если шах Мамун поддался влиянию богословов, прибывших сюда из Багдада, то прямой ответ может тотчас же стать причиной раздора между ученым и правителем. Не успев вернуться на землю родного Хорезма, он, Бируни, может снова подвергнуться изгнанию. Но сказать что-либо другое, чтобы угодить невеждам, находящимся в плену бездушных и корыстных шейхов, он не намерен. Однако чем вызван этот вопрос Мамуна: любознательностью или коварством? Он странно звучит в устах хорезмшаха, величаво восседающего на золоченом троне, в одежде, сверкающей драгоценными камнями.

Абу-Райхан смотрел на стены громадного тронного зала, украшенные росписями, повествующими о прошлом династии хорезмшахов. Он видел здесь предков Мамуна II и полководцев, среди которых были мужественные люди чужеземных племен, попавшие в Хорезм из дальних стран. Размышляя над замысловатым вопросом, поставленным шахом, ученый вдруг обратил внимание на изображение черного статного воина в богатой одежде. Когда-то, при дворе одного из предков хорезмшаха, этот воин занимал почетное место. И молнией блеснула мысль: «Откуда этот черный человек со смелым и мужественным лицом, столь не похожий на других воинов, изображенных на стенах тронного зала? Не с берегов ли Нила? А может быть, у истоков Тигра

и Евфрата жили предки этого черного воина? Кто взял его в плен? И кто пригнал в далекий Хорезм? Какие заслуги помогли ему обрести богатство и знатность? Однако надо объяснить хорезмшаху, почему я хочу ответить на заданный вопрос в присутствии ученых. Не почитает ли Мамун за дерзость предложение собрать меджлис ученых!»

— Я и сейчас готов ответить, — повторил Абу-Райхан, стараясь прочесть на лице хорезмшаха его настроение, — но истина познается в споре... каждый по-своему понимает этот сложный вопрос...

— Завтра на царском меджлисе соберутся ученые Гурганджа, — ответил Мамун. — Я тоже думаю, что в споре познается истина!

Поблагодарив за честь, ал-Бируни с низким поклоном удалился, а хорезмшах Мамун, видимо довольный тем, что ученый-хорезмиец уже стал его собственностью, обратился к дабиру:

— Много я слышал разных небылиц о нашем ученом ал-Бируни. Дошло ли до тебя, что правитель Гургана Кабус ибн Вашмгир хотел дать ученому почетное место при дворе и облечь его властью над целым диваном? Но Абу-Райхан отказался от всего этого и предпочел заниматься науками. А ведь науки не давали ему и сотой доли того почета и денег, которые он мог получить, находясь при дворе правителя.

— Пожалуй, ученый был прав, — ответил дабир. — Во всяком случае, мы сейчас извлечем пользу из тех бесценных трудов, которые он написал, будучи на службе у Кабуса и не связываясь с делами правителя. Как ты помнишь, великий шах, в книге нашего астронома дано подробнейшее описание всех эр, праздников и календарей многих племен и народов. Для этого ученый изучил многие летописи о прошлом хорезмийцев, греков, римлян, персов, согдийцев, иудеев. Эта книга напомнила нам, что в чужой стране есть наш ученый.

— Мне льстит, — отвечал Мамун, — что Абу-Райхан ал-Бируни хорезмиец. Это для нас более ценно, чем ученый-согдиец или ученый-перс при дворе хорезмшаха. Все же этот человек рожден на земле великого Хорезма. Мне приятно сознавать, что наш соплеменник возвышается над другими. Он будет достойным потомком своих великих предков, не правда ли, дабир?

— Я никогда в этом не сомневался, великий шах. Я помню слова Сократа: «Нет сокровищницы лучше знания, нет врага хуже дурного человека, нет почета величавее, чем знание».

Во дворец на медресе собрались все ученые, все богословы, все знатные люди Гурганджа. Ибн Сина радостно приветствовал ал-Бируни, с которым долго не виделся и судьба которого его всегда волновала. Он немало потрудился, чтобы вернуть Абу-Райхана ко двору правителя. Ибн Сина помнил о том, что прежний правитель изгнал ал-Бируни из Хорезма и заставил его искать покровительства на чужбине. Как хорошо, что ученый вернулся в свой родной Хорезм!

Мусульманские богословы, враждебно воспринимающие смелые мысли ибн Сины и ал-Бируни, с нетерпением ждали. Они не знали, о чем будет спор, но, предвидя разногласия, заранее подзадоривали друг друга.

Открывая медресе, вазир сказал, что, заботясь о процветании Хорезма, великий шах Мамун собрал при своем дворе ученых, которые могли бы стать украшением двора самого халифа. Но, покровительствуя наукам, хорезмшах в то же время отвечает за людей науки перед самим аллахом. Вот почему собран медресе, где надлежит разобраться в спорах, вносящих смуту в умы людей. И тут же, обращаясь к ал-Бируни, вазир спросил:

— Верно ли говорят, будто ты утверждаешь, что все тела стремятся к Земле и удерживаются они на поверхности Земли, не улетают лишь потому, что существует сила притяжения тел к Земле? До нас дошло, будто ты, уважаемый ученый, признаешь существование взаимного притяжения тел как их неотъемлемое свойство. Не думаешь ли ты, что виной тому воля аллаха, который в силах изменить все на Земле, на воде и в небе?

Ал-Бируни видел шумное оживление среди старых мудрых богословов.

«Однако, — подумал он, — шах Мамун проявляет нетерпение».

— Прежде чем ответить, я хотел бы услышать мнение моего собрата, уважаемого Абу-Али ибн Сины, — сказал Абу-Райхан.

— Тогда обратись к нему, — предложил вазир.

Ибн Сина насторожился. Он не думал, что в первый же день встречи тотчас же вступит в спор с этим горячим, несдержанным Абу-Райханом. Однако было любопытно.

— Я слушаю, — сказал громко ибн Сина.

— Что ты можешь сказать по поводу того, что все окружающие нас тела стремятся к Земле, что Земля притягивает их к себе?.. — спросил ал-Бируни.

— Еретик и безбожник! — воскликнул старый тучный улем¹, прерывая Абу-Райхана и обращаясь к служителям мечети, которые присутствовали на меджлисе и впервые своими ушами услышали недозволенные речи.

«Они шипят, как змеи, — подумал про себя ал-Бируни, стараясь по физиономиям разгадать настроение своих противников. — Увы! Здесь такие же невежды, каких я встречал и раньше. У таких не бывает своих мыслей и своих суждений. Но что думает об этом Хусейн? Он-то должен понимать, в чем истина!»

— Я готов доказать тебе, что ты неправ, Абу-Райхан, — сказал после небольшой паузы ибн Сина. — Возьмем, к примеру, такой случай. Зажжем факел и посмотрим, куда стремится пламя. Мы увидим, что пламя никак не стремится к Земле, а наоборот — стремится удалиться от Земли. Вот тебе и доказательство. Согласись, что невозможно утверждать, будто Земля притягивает к себе все тела.

— Сомневаюсь в правоте твоей мысли! — воскликнул ал-Бируни. — Стремление пламени вверх имеет другую причину — это результат движений холодных и нагретых слоев воздуха. Но и это не противоречит явлению притяжения всех тел на Земле. Я утверждаю, что все элементы стремятся к центру Земли с одинаковой скоростью. Причиной того, что тяжелые предметы падают на землю быстрее, чем легкие, является сопротивление воздуха.

— Следовательно, ты разделяешь мнение индуса Брамагупты о притяжении предметов к центру Земли? — спросил кто-то из ученых.

— Полностью разделяю! — признался ал-Бируни. — Есть люди, которые думают, что это суждение в какой-то мере умаляет значение астрономии. Но я считаю, что всякое явление астрономического порядка может быть с таким же успехом объяснено в связи с этой теорией.

Почтенный муфтий² с длинной белой бородой и золоченым посохом в руках молча покинул меджлис. Среди богословов нарастал шум. Ропот возмущения заглушал речь ученого. Ал-Бируни умолк, но, взглянув на дабира, понял, что можно продолжать, и уже громче сказал:

— И в давние времена и в наши дни многие астрономы пытались узнать, вращается ли Земля или стоит неподвижно. Они пытались опровергнуть этот факт, но им не удалось. Мы также написали об этом книгу. В ней мы, по нашему мнению, превзошли наших предшественников если не словами, то по существу...

¹ У л е м — мусульманский ученый-богослов.

² М у ф т и й — ученый-богослов у мусульман, толкователь корана.

— Это уж слишком! — воскликнул старый тучный улем.

Он вскочил и, не скрывая своей ярости, стал звать богословов, предлагая покинуть медресис, но, увидев на лице хорезмшаха неподдельный интерес, умолк.

— Мы поплатимся за такое богохульство! — шепнул старику молодой богослов, недавно вернувшийся из Мекки.

— Поплатятся еретики, — ответил с важностью старик, — а мы, правоверные, станем свидетелями неизбежного — этих безбожников призывают к ответу. Я бы их бросил в яму! — Лицо старого улема выражало крайнее возмущение.

«Нет, он не оставит этого еретика при дворе Мамуна. Завтра же он скажет хорезмшаху: либо он, почтенный и уважаемый улем, либо этот безвестный бродяга. И откуда это он взялся? Воистину сын сатаны! Что он говорит? Для него не существует корана. И как может это допустить хорезмшах Мамун? Но, может быть, и шах заражен ересью? Тогда надо писать донесение в Багдад, самому халифу».

— Не думаешь ли ты, что мало кто понял рассуждения Абу-Райхана? — спросил у дабира хорезмшах Мамун, когда ученые, взволнованные спором, громко переговариваясь, покинули дворец.

— Думаю, что единственный человек, который способен понять истину, — это наш умнейший и образованнейший хорезмшах Мамун, — ответил за дабира вазир. — Однако в короне твоей, великий шах, есть и более ценные жемчужины!

На хитром, не лишенном приятности лице вазира расплылась угодливая улыбка.

* * *

Спор на медресисе долго еще занимал мысли шаха Мамуна. Ему было лестно, что ученый, обладающий многообразными знаниями, оказался при его дворе. Но тревожила мысль: может быть, прав старый улем и все эти рассуждения ученого богословы могут назвать ересью? Если прислушаться к голосу багдадских богословов, то ал-Бируни вместе с ибн Синой должны быть всенародно объявлены еретиками. Однако эти тонкие знатоки корана нисколько не интересуются тем, что Хорезм потеряет ученых, могущих принести пользу. Не случайно посланник султана Махмуда Газневидского спрашивал дабира об ученых, собранных при дворе, и почему-то очень уж дотошно интересовался судьбой Абу-Райхана. Один аллах ведает, правоверный он ученый или еретик. Одно ясно: это кладезь знаний и эти знания нужно использовать для Хорезма. Такой ученый должен быть не только украше-

нием дворца, он должен и делом заняться. Решив так судьбу Абу-Райхана, хорезмшах вызвал его к себе.

— Твои познания в области хорезмийского календаря мне известны, — сказал Мамун. — Ты тонко подметил все то, что делали земледельцы для плодородия своих земель. Я думаю, ты будешь достойным мирабом¹. Я облачу тебя властью над всеми водами Хорезма. Отныне от тебя будет зависеть урожай плодов земных. Кто лучше тебя сумеет предсказать раннюю весну? Что ты скажешь об этом?

— Я весьма польщен, великий шах. Поистине от знаний мираба немало зависит урожай нашей щедрой земли. Я готов отдать свои знания этому почетному делу. Поверь, я по справедливости распределю воды каналов. Я постараюсь изучить повадки нашей своенравной реки. Недаром ее прозвали бешеной. Но для устройства дела мне нужны помощники. Будут ли у меня люди, которые станут выполнять мои указания? Поможет ли мне диван вазира?

— Все будет по-твоему, — согласился хорезмшах. — Аллах велик, он поможет тебе в этом большом деле. Делай как знаешь. Только это занятие не должно помешать тебе изучать небосвод. Я верю, за стенами Хорезма ты сделаешь больше того, что сделал в Гургане. Воистину тебе оказаны большие милости.

— Я дорожу благорасположением великого шаха, — отвечал ал-Бируни, низко склонившись перед правителем Хорезма.

Он и в самом деле ценил доверие. Просвещенность хорезмшаха Мамуна, его стремление разумно использовать науку нравились ученому. И сейчас, когда правитель Хорезма предложил ему трудную и ответственную должность мираба, которая должна была отнять у него много времени и оторвать от очень важных научных опытов, он с радостью брался за эту работу. Абу-Райхан, так же как и правитель страны, желал Хорезму процветания и богатства. Но ведь главное богатство страны — это плодородная земля: не случайно персы прозвали Хорезм «Землей Солнца».

Все эти мысли мгновенно пронеслись в голове ученого, когда он, отвечая хорезмшаху, должен был сказать «да» или «нет». Конечно, «да» — он будет мирабом и астрономом, но пусть будет мир на земле Хорезма.

— Я хотел бы многое сделать, великий шах, — сказал ал-Бируни, — но трудно предвидеть, что ждет нас впереди. Я с большой верой начинал свой путь в науке в дни моей юности в Хорезме. Помню, это

¹ Мирáб — ведающий распределением воды на оросительных каналах.

было еще в 384 году хиджры¹, я производил астрономические измерения на левом берегу Джейхуна. Я только успел установить крайнюю высшую точку эклиптики² для селения Бушкатыр, как началась смута. Знать Хорезма не поладила с шахом, а мне, начинающему вникать в науки, пришлось прервать свои занятия и искать убежища на чужбине. Долго еще бушевала буря в сердцах людских. Не скоро время сжалилось над нами. Когда все умирилось, я принялся за свое дело. Если будет покой на нашей земле, поверь, великий шах, я не оставляю своего дела. Для того я и прибыл сюда, в твоё царство.

— Теперь другие времена, — ответил с уверенностью хорезмшах. — Могу тебя заверить, все будет хорошо. Небо Хорезма ясно и безоблачно...

Они долго еще вели беседу — правитель великого Хорезма и ученый. Они расстались добрыми друзьями, но каждый постарался показать другому, что он верен себе. Мамун хотел показать великому ученому, что он не только правитель прекрасного Хорезма, но и человек, сведущий в тонкостях математики и астрономии, а Бируни хотел показать хорезмшаху, что наука для него священна и что нет такой силы, которая бы заставила его изменить ей.

Ал-Бируни был увлечен мыслью сделать Хорезм страной изобилия. Он принялся изучать систему орошения. Стараясь вникнуть в причину неудач, которые привели к гибели некогда цветущие оазисы, ал-Бируни понял, что люди, занимающиеся распределением воды, не всегда сознавали, сколь важно их дело. Они нередко забывали, что владеют главным сокровищем Хорезма. Они экономили на недозволенном и зачастую от скарденности и тупоумия делали преступные вещи. Ученый долго в задумчивости стоял среди занесенных песками земель, которые совсем недавно были садами и виноградниками. Как это случилось? Почему пустыня отобрала у людей эту землю? Почему она оказалась сильнее людей? И ученый сам себе отвечал: незнание тому причина, невежество!

Мало кто мог ему сказать, в какое время зарождается бурный поток воды, идущий от снежных вершин. А если узнать об этом точно, то можно предсказать большую или малую воду и соответственно подавать ее в каналы.

Когда ученый потребовал у сахибдивана³ людей, которых надо

¹ 384 год хиджры (мусульманской эры) соответствует 996 году новой эры.

² Эклиптика — большой круг небесной сферы, по которому происходит видимое годовое перемещение Солнца.

³ Сахибдиван — начальник дивана.

было расселить вдоль берегов реки, тот удивился: для чего так много людей? И ал-Бируни объяснил ему, что, если вдоль реки поселятся люди, которые будут постоянно жечь костры и давать сигналы, говорящие о том, какая идет вода, тогда мирабу удастся разумно распределить воду по всей оросительной системе. Вначале сахибдиван не соглашался, посчитал, что будет дорого, но потом согласился, и замысел ал-Бируни воплотился в жизнь.

На берегах Джейхуна были установлены наблюдательные посты. Люди следили за движением воды. Они передавали свои сообщения при помощи костров. Один, два, три дыма означали известное количество воды, которого можно было ожидать в ближайшее время. Имея эти данные, можно было разумно распределять воду реки по каналам и подавать ее на пахотные поля, в сады и виноградники. Ученый сделал много ценных наблюдений, ознакомился с опытом старых земледельцев и на основании всего этого хорошо рассчитал работу всей оросительной системы. Настало время, когда он мог отлично предвидеть успех земледельческих работ и сообщить хорезмшаху Мамуну, какой предвидится урожай плодов и злаков, будет ли урожайным год.

Видя по ночам пламя костров на берегах реки, хорезмийцы знали, что от костра к костру передаются сведения, которые собираются в одном диване и позволяют шаху знать, сколь богатые дары даст ему хорезмийская земля.

— Не займет ли это слишком много времени? — спрашивал Абу-Райхана его друг, математик абу-Наср Аррак. — Когда же ты займешься небосводом?

— Вода поистине главное сокровище Хорезма, — отвечал ал-Бируни. — А для звезд небесных есть ночь, я не оставляю их без внимания. Поверь, друг мой Аррак, тайны небесных светил не дают мне покоя.

ОЖИДАНИЕ

Мухаммад ал-Хасияд возвращался в Бухару счастливым. Он с точностью выполнил все указания ученого и покинул караван-сарай ровно через неделю, когда Якуб был уже совершенно здоров и весел. Мухаммад непрерывно думал о том удивительном дне, когда судьба столкнула его с ученым-хорезмийцем. Он воспринимал это как чудо. И, как только они тронулись в путь, он почувствовал, как радость обуяла его, словно он обрел бесценный дар. Да и в самом деле, может ли быть дар более драгоценный! Ведь он обрел сына, который погибал. И чем отчетливее он представлял себе то страшное утро, когда ему казалось, что Якуб уже никогда не подымется, тем радостнее было ему сейчас.

О встрече с великим хорезмийцем вспоминал и Якуб. Чудодейственное исцеление и разговор с благородным ученым надолго запомнились юноше. Как прост и приветлив ал-Бируни! А ведь этот человек обладает такими знаниями, что мог бы гордиться. Разве мало есть ученых, которые, возомнив себя великими, стали недоступны простым людям? Юноша вспоминал прочитанную им книгу ученого и все ду-

мал о том, с каким бесконечным терпением ученый собирал все эти сведения о жизни и быте разных народов. Сколько же он знает языков? Ведь надо было прочесть книги, рассказывающие о прошлом этих народов. И где он добывал эти книги?

— Эта была счастливая встреча, — говорил Мухаммад сыну.

— Воистину посчастливилось! Но эта встреча что-то сделала со мной, отец. Я почувствовал, что мысли мои уходят все дальше от базаров и все больше приближаются к книгам. Ты знаешь, о чем я задумался, отец?

— О чем, сын мой?

— О недозволенном, отец. Я знаю, что это мне недоступно, однако думаю об этом. И даже во сне не забываю.

— О чем же это, сынок? — Счастливый отец с любовью смотрел на сына, только недавно возвращенного к жизни. Сейчас он был на все готов, только бы порадовать сына. — Что же недозволенное манит тебя?

— Мне хотелось бы, отец, проникнуть во дворец бухарского хана. Я знаю, туда не попадешь, но если бы ты знал, что рассказывал о библиотеке хана наш старый мударис! Он говорил, что там собрано все, что написано мудрейшими людьми на земле. И нет такой области знаний, какая не раскрылась бы жаждущему, как только он попадет в эту сокровищницу. Правда, многое сгорело во время большого пожара, но и то, что осталось, — это бесценные сокровища.

— А я думаю, что не так уж трудно попасть туда. Я давно уже убедился, сынок, — деньги открывают путь к самому недозволенному. А разве хранителю этих сокровищ не нужны деньги?.. В этом я могу тебе помочь. Но меня другое тревожит, Якуб. Ты забыл, что судьба твоя связана с торговыми делами, и я думаю, что тебе сейчас не до книг. Как только вернемся, ты тотчас же примешься помогать мне сбывать товары, закупленные в Булгаре. Тебе надо побывать при дворе хана, но совсем по другому делу: мне хотелось бы узнать, нужны ли хану пушистые шкурки соболей. Я знаю, наш правитель любит дорогие и редкие меха. А ведь соболя и горностаи не всегда встречаются на бухарском базаре. Пока оставим развлечения, сынок. Я понимаю, ты хочешь позабавиться веселым чтением, но десять лет в медrese — вполне достаточно для сына купца. Ведь ты будешь купцом, а не вазиром...

Якуб молча слушал отца и все думал о том, как объясниться с ним, как убедить его в том, что не следует бросать учение. А может быть, даже... Якуб и сам боялся признаться себе в том, что пришло ему в

голову. А что, если бы ал-Бируни согласился приблизить его к себе, сделал его своим учеником?.. Нет, это невозможно! Такой важный ученый, такой знаменитый человек!.. Сам хорезмшах пригласил его к своему двору. А ведь хорошо получилось бы! Что-то есть в этом человеке покоряющее твою душу и заставляющее думать о важном и значительном. Но ведь есть и другие ученые, думал Якуб. Иные его сверстники стремились попасть в ученики к знаменитому ибн Сине. Некоторые из них даже последовали за прославленным медиком из Бухары в Хорезм. Они отправились в чужую страну, чтобы постичь тайну исцеления. Почему бы и не попытаться приблизиться к ал-Бируни? Он астроном и математик. Он строг и благороден. Хорошо бы стать его учеником. Это недозволено? Ну и что же?.. Старый мударис не раз говорил: «Якуб, тебя манит недозволенное». Да... недозволенное заманчиво! Но как упротить ученого согласиться? Якуб долго не решался и все же снова обратился к отцу и снова получил ответ, который говорил о несбыточности его надежд.

— Я уважаю науку, — говорил Мухаммад ал-Хасияд, — но пойми, сын, у каждого своя судьба. Мое занятие заранее определило твой путь в жизни. Этот путь я начертал тебе своими неустанными трудами. Разве не смешно, не глупо отказаться от этого пути? А наше путешествие в Булгар? Сколько трудностей и превратностей судьбы! Разве это путешествие я предпринял не для тебя? Зачем же ты хочешь отречься от всего этого? Почему ты пренебрегаешь моими трудами? Поверь, когда я думаю об этом, сердце мое наполняется скорбью.

Якуб долго не отвечал, и долго отец с сыном, каждый по-своему, предавались печальным мыслям. Якуб боялся одного: если он сейчас не договорится с отцом, то, пожалуй, никогда уже ничего не изменится в его судьбе. Но ведь отец любит его. Может быть, он уступит... И чем больше Якуб думал об этом, тем больше ему верилось, что отец непременно уступит и все будет именно так, как он задумал.

Караван медленно шел по горячим пескам пустыни, а Якуб словно перенесся куда-то. Мысли уносили его в медресе, к занятиям со старым мударисом. Чем они заняты сейчас, его сверстники? Неужто снова повторяют одни и те же суры корана? Однако своим любимцам старик нередко давал тайком от других хорошие книги. Эти книги помогли ему, Якубу, открыть глаза на загадочный мир окружающего. Если бы отец знал, с каким радостным волнением он открывает каждую новую книгу! И как много он ждет от нее! И снова Якуб заговорил с отцом:

— Когда я впервые пошел в медресе, ты говорил мне, отец: «Учись,

мой сын. Знания пригодятся тебе. Ведь может случиться и так, что торговля покажется тебе занятием не столь привлекательным. Тогда ты займешься наукой...» Я запомнил твои слова, отец. И теперь мне хотелось бы... Не сердись, отец, но если бы твои мысли пошли сейчас по тому пути, по которому они шли тогда, десять лет назад...

И снова умолкли отец и сын. Теперь призадумался Мухаммад. Он говорил себе: «Видит аллах, я не хотел бы огорчать своего единственного сына, но кто поведет мои караваны, когда я состарюсь? Мне нужен человек молодой, бодрый, с зоркими глазами. Где мне его взять? Аллах дал мне трех дочерей и только одного сына. Дочки ушли к мужьям. Кто же будет моим помощником?»

— И все же ты неправ, сын мой. Ты говоришь о торговом деле как о занятии недостойном, а ведь это неверно. Это занятие вполне благородное. Ты знаешь, я никогда не склонен был обманывать покупателя или нечестно извлекать выгоду. Многие люди оказывали мне доверие. Однако я всегда стремился выгодно продать свои товары, и тебе известно, что я постоянно возвращался домой с барышами. Вот почему, сын мой, я никогда не отказывал тебе в твоих прихотях и не жалел денег на твоё учение. Я хотел, чтобы мой сын стал самым уважаемым из купцов мусульманского мира. Я хотел, чтобы перед тобой открылись ворота дворцов самого халифа. И разве не благородное занятие — доставлять величайшему правителю на земле товары всех стран Востока?

— Это очень благородно, отец. И все же мне хотелось бы заниматься совсем другим делом. Я хотел бы быть астрономом и вникнуть в тайны небесных светил... И еще бы я хотел составлять календари и предсказывать урожай плодов земных, а для этого надо изучать не только звезды, но и трудные математические науки. Нужно делать расчетные таблицы с большой точностью. А ведь это делают только очень знающие и сведущие математики. И разве, отец, тебе не хотелось бы услышать от меня кое-что о загадочном и непостижимом: отчего в небе туманности и отчего по-разному выглядят восход и закат в Бухаре и в стране Булгар. И ты обратил внимание на то, что в чужой стране небо было совсем светлое, словно ночь вдруг потеряла свое темное покрывало, усеянное звездами. Я над многим призадумался, отец. А где найдешь ответы на загадочные вопросы? Только книги могут приподнять завесу.

— Я не спорю, Якуб. Знания могут приподнять завесу над темнотой и невежеством. Мне ли не ценить достоинства образованного человека! Только несколько дней назад мы были с тобой свидетелями

тому, сколь ценны и благородны сокровища знаний. Когда аллах послал нам тяжкое испытание, не помогли ни знахари, ни колдуны. Ты погибал на моих глазах, и, если бы судьба не привела к нам ал-Бируни, не знаю, что было бы. Одно скажу: я преклоняюсь перед его мудростью.

— И я преклоняюсь, отец. И если ты веришь в его знания, в благородство его дела, то сделай так, чтобы я стал его учеником. Сделай, отец, и ты заслужишь хвалу всемогущего аллаха! Ты сам говорил мне, что только он видит все добрые дела на земле.

Наконец-то Якуб отважился сказать то, что больше всего волновало его воображение. Да, именно так должна измениться его судьба. Если уж случилось чудо и Бируни вернул его к жизни, то пусть аллах сделает невозможное и пусть благородный ученый станет его духовным наставником. Может быть, на всем свете есть только один такой Абу-Райхан, однако он повстречался им на караванном пути. Разве в этом нет какого-то предначертания судьбы, намек на перемену?.. Вот когда бы ему хотелось иметь гороскоп! Пожалуй, он бы и не отказался от предсказания старого цирюльника, который частенько навещает отца и постоянно хвастает тем, что он лучший из звездочетов Бухары.

Якуб ни слова не прибавил к своей просьбе, но про себя он решил ни в коем случае не сдаваться. Если отец откажет ему и будет настаивать на своем, он не уступит старику. Пусть аллах их рассудит.

А Мухаммад ал-Хасияд совсем приуныл. Он понял, что вот сейчас, в пути, между ним и сыном поднялась какая-то стена, которая разлучила их, и теперь волею аллаха случится так, что каждый пойдет своим путем. А ведь вся жизнь его была посвящена тому, чтобы у них с Якубом был один путь. Видит аллах, как он любит свое занятие и как он предан ему! Иной раз и сил нет, и охоты нет идти с караваном. Казалось бы, полжизни отдал, чтобы сидеть под навесом в прохладе в своей Бухаре и продавать златотканую парчу богатым людям, толковать с купцами о чудесах, увиденных в чужих краях, торговаться и вдруг купить то, что совсем не собирался покупать, а он ходит с караванами, не щадит себя в знойной пустыне и на холодном ветру. И все для того, чтобы побольше было товаров, чтобы Якубу дать большее достояние для торговли. Однако в душе Мухаммада что-то говорило ему, что Якуб по-своему прав и что его интерес к наукам не следует осуждать. В сущности, ему льстила самостоятельность юноши в решении такого важного вопроса. Может быть, и надо было прислушаться к словам Якуба... Но кто отважится изменить себе, своим предкам?..

И дед и прадед прожили жизнь на караванных путях. Они были достойными людьми. И по сей день их помнят старые купцы Бухары. Нет, Якуб не должен отказываться от торгового дела. Он должен стать именитым купцом. Юность легкомысленна и неверна. Сегодня ему хочется заниматься науками, а завтра он охотно пойдет в лавку и будет продавать драгоценности богатым царедворцам.

Домой Мухаммад вернулся огорченный и сердитый.

— Ты словно что-то потерял, — говорила ему жена. — Чем ты недоволен, Мухаммад?

Узнав о том, что Якуб тяжело болел и чуть не погиб в пути, Лейла всполошилась и стала требовать от сына, чтобы он побольше ел иправлял свое здоровье. Заботливая мать постоянно сокрушалась, когда сын уходил из дому, а Якуб уходил каждый день и подолгу отсутствовал. Как-то мать спросила его, где он проводит дни. И Якуб, сверкая веселыми глазами, рассказал, как ему посчастливилось. Отец сумел подкупить хранителя сокровищ во дворце хана.

— Хранителя сокровищ? — изумилась Лейла. — Помилуй аллах? Подкупить?..

— Сокровищ знаний! — воскликнул Якуб. — Отец дал деньги старому библиотекарю, и он сделал недозволенное. Ведь библиотекой дворца могут пользоваться только очень знатные люди.

— И ты там бываешь? — удивилась Лейла. — Ты коснулся недозволенного?

— Теперь передо мной раскроются многие тайны. Раньше я считал, что единственная сокровищница знаний — это книга Абу-Райхана ал-Бируни. Правда, старый мударис со мной не соглашался; он говорил, что единственная сокровищница знаний — это коран. А вот теперь я вижу много мудрых книг, которые читал сам Абу-Райхан ал-Бируни. Я видел книги, откуда он черпал знания о народах и племенах.

Лейла не знала, радоваться ей или печалиться. Она постоянно помнила слова своего отца: «Не надо стремиться к недозволенному». Якуб стремился к недозволенному, и мысль об этом была тревожной.

— Ты поменьше рассказывай об этом, сынок, — просила Лейла. — Как бы не вышло беды!

Якуб пообещал молчать, но, как только встретил своего мудариса, не стерпел — тут же все ему рассказал. Якубу очень хотелось удивить старика, и он удивил. Ведь сам мударис ни разу не проник в библиотеку бухарского хана.

— Ты видел сундуки с драгоценными книгами? — Старик не ве-

рил. — А знаешь ли ты, Якуб, что эта библиотека имеет на всем свете только одну соперницу — библиотеку в Ширазе, созданную правителем Шираза Адуд ад-Даулем?

— Такого нет нигде! — воскликнул с убежденностью Якуб. — Я видел сундуки с книгами по мусульманскому праву в таких драгоценных переплетах...

— Сундуки? .. Ты не выдумываешь, Якуб?

— Клянусь! Целая комната полна сундуков с такими книгами, а в другой комнате — сундуки с книгами по астрономии и математике. Они доставлены сюда из Багдада, Дамаска, Кашмира и Нишапура. А сколько книг с прекрасными стихами поэтов восточных стран! Но больше всего богословских книг. И когда только успели все это переписать? Откуда столько переписчиков?

— Переписчиков на свете много, — сказал в задумчивости мударис.

Он явно завидовал своему счастливому ученику. Книги по богословским наукам и мусульманскому праву заинтересовали старика. Но мысли его были прерваны словами Якуба:

— А знаешь, мударис, что писал ученик Рудаки, Шахид Балхи? Он писал: «Ученость и богатство — нарцисс и роза. Вместе никогда они не распускаются. У кого есть ученость — нет богатства, у кого есть богатство — учености мало». И еще он писал, — вспомнил Якуб:

О знание, как мне отказаться от тебя?

Ты лишено цены, и вся цена от тебя.

Пусть не будет у меня сокровищ без тебя.

Пусть лучше такая же жалкая жизнь, но с тобой.

— Все это хорошо, — сухо заметил мударис, — но ты помни, сынок, что подлинная сокровищница знаний — это коран.

Расставшись с мударисом, Якуб тотчас же забыл слова старика, но зато много раз читал про себя стихи Шахида Балхи, которые ему понравились. Ему нравилось, как поэт говорит об учености и как уважительно относится к знаниям. Правда, вчера его смутила книга другого поэта — Фаррухи. Он прочел его стихи о бедности и тут же призадумался. Стоит ли отказываться от торговых дел отца, которые сулят большие барыши и беспечную жизнь ему и его семье? Но полно, Якуб, не рано ли ты думаешь о своей семье? Ты похож на того бедняка, который, продавая стеклянные сосуды на базаре, так размышлял о будущем своем богатстве и мысленно уже достиг таких высот, что стал свататься к дочери самого эмира. Сидя на земле среди шумной базарной толпы, бедный продавец стеклянных сосудов возмнил себя богатей-

шим человеком и, разгневавшись на кого-то, одним ударом палки разбил сосуды и лишил себя последнего достояния. Он покинул базар нищим, не имея за поясом даже медной монетки. Когда это еще будет — семья... А Фаррухи писал:

Я видел все блага Самарканда, от края до края.
Поглядел на сады, луга, равнины и степи,
Но так были пусты от денег киса¹ и пазуха,
Что сердце мое свернуло ковер веселья с площади надежды.
Когда глаз видит благо, а в руке нет денег, —
Это отрезанная голова в золотой чаше.

Возвращаясь после занятий в библиотеке, Якуб бродил по книжному базару Бухары — искал для себя книги. Отец еще не дал ему ответа на его вопрос, но и не притеснял сына. Он не заставлял его сидеть целыми днями в лавке, где продавались дорогие бухарские ткани. Он больше не посылал сына к золотошвеям, которые делали по заказу Мухаммада парчовые вышивки, совсем особенные, равных которым не было на всех восточных базарах. Только изредка отец посылал Якуба к менялам менять дирхемы из красной и желтой меди на серебряные. За сто медных дирхемов менялы давали один серебряный дирхем. А когда отец клал в кожаный мешок сто серебряных дирхемов, Якуб думал о том, как отец богат.

¹ К и с á — грубая шерстяная одежда дервиша и пастуха.

ЗАЖГИ СВЕТИЛЬНИК РАЗУМА!

С радостью приходил Якуб под резные своды прохладного зала библиотеки. Здесь его ждали новые чудесные друзья — книги. «Нужна долгая жизнь, чтобы все это прочесть», — думал юноша. В это утро он снова заглянул в сундук, где лежали драгоценные фолианты с золотым тиснением. Тут были и сборники притч, и древние сказания, казалось, сохранившие дыхание ушедших поколений. И вдруг Якуб увидел небольшую книжку, столь пышно украшенную, что невозможно было оставить ее без внимания. Он прочел название: «Калила и Димна», и тут же надпись, сделанную кем-то арабской вязью:

«Книга эта драгоценна своими необычайными иллюстрациями, сделанными китайским художником. Этот художник прибыл в Бухару вместе с китайской принцессой в дни царствования Насра ибн Ахмеда, который пожелал женить своего сына Нуха на знатной принцессе. Китайская принцесса сумела добыть книгу прославленного ал-Мукаффы, переведенную поэтом Рудаки на язык дари, и для этой книги велела сделать самые великолепные иллюстрации, какие могли бы украсить эту сокровищницу притч и рассказов».

Якуб перелистал книгу, полюбовался тонкими, изящными рисунками, сделанными китайским художником более пятидесяти лет назад, и подумал: уже нет в живых Нуха ибн Насра, нет в живых и китайской принцессы, которая сделала своему жениху столь изысканный подарок, а вот книга лежит перед ним и манит к себе своей таинственностью, и хочется ее читать и думать о ней. Якуб полистал книгу и стал читать:

«Мудрые всех народов и люди всех языков домогаются, чтобы их поняли. Разного рода хитростями они стремятся открыть всю мудрость, что у них есть. Одной из таких уловок было составление совершенных и прекрасных речей на языке животных и птиц, и в этом объединились для них разные преимущества. Они сами здесь нашли пути и тропинки для слов, которыми могли пользоваться, так что стала книга и забавой и мудростью. Мудрые брали ее ради мудрости, а невежды — ради забавы. Что же касается до учащихся из юношей и других, то они с радостью изучали и запоминали ее легко. Когда же юноша, накопив опыт, всмотрится и вдумается с размышлением о том, что закреплено и воспитано в его груди, а он и не знает, что это такое, то он поймет, что овладел сокровищами великими. И будет он как тот человек, который, возмужав в свой срок, нашел, что отец собрал ему сокровища из золота...»

Якуб читал и думал о том, как была умна неведомая и забытая китайская принцесса, которая подарила молодому эмиру такую поучительную и мудрую книгу. И как хорошо, что эта книга сохранилась во дворце правителя Бухары. Он с увлечением перечитывал притчи из «Калилы и Димны», стараясь запомнить наиболее поучительные, чтобы потом блеснуть перед отцом своими знаниями. Ему очень хотелось приобщить отца к тому удивительному и прекрасному миру, который открывался перед ним на потемневших страницах старинных книг.

«Мой отец умен и благороден, — думал Якуб, — но ему не дано было узнать то прекрасное и таинственное, что хранит разумная книга. А если бы он узнал это, то многое открылось бы ему в другом свете. И не стал бы он мечтать об умножении богатства, пренебрег бы знатностью и пожелал бы пить из драгоценной чаши знаний. Однако нелегко постичь эти премудрости, находясь в плену повседневных забот. Для начала я расскажу отцу кое-что из прочитанного. А что бы рассказать? Может быть, о старой Бухаре? Он любит свой город, и ему это будет любопытно».

Переписав страницы из книги историка ан-Наршахи, Якуб в тот же вечер предложил отцу послушать его.

— Знаешь ли ты, отец, — спросил Якуб, — как жили в нашей Бухаре в те далекие времена, когда бухарцы были еще огнепоклонниками и на месте нынешних мечетей стояли храмы огня?

— Кое-что знаю, сынок. Мне известно, что тогда люди молились Ахурамазде¹ и никто из них не знал о величии всемогущего аллаха.

— А я прочел любопытную историю про то, как в давние времена правила мать Тахшады. Послушай, что пишет о ней ан-Наршахи. Он написал целую книгу о прошлом Бухары.

«Каждый день царица выезжала на лошади за пределы бухарского кухендиза² и останавливалась у ворот регистана³, которые теперь называются «Воротами продавцов сена», садилась на трон. Около нее собирались гулямы⁴ и придворные. Царица установила правило, согласно которому к ней на службу приходили от жителей селений около двухсот юношей из числа декхан и царевичей, опоясанных золотыми кушаками, с подвешенными через плечо саблями. Царица выходила к ним, все ей прислуживали и выстраивались в два ряда. Она с ними советовалась о делах царства, давала распоряжения и кого хотела одаряла, а кого желала наказывала. Так она сидела здесь с утра до завтрака, потом возвращалась в крепость и посылала оттуда угощение своим приближенным. Когда подходил вечер, она тем же порядком выезжала из кухендиза и садилась на трон. Декханы и царевичи снова выстраивались в два ряда и несли службу. Когда солнце заходило, она вставала, садилась на лошадь и ехала во дворец. Декханы же и царевичи возвращались к себе домой, в свои селения. На другой день приходил другой каум⁵ и в том же порядке выполнял службу...»

— Занятно это, — сказал Мухаммад. Он был очень доволен тем, что сын прочел ему эту историю. — Однако многое изменилось с тех пор, — заметил он. — Теперь уже редко можно встретить правителя, который сидит на троне среди площади и разговаривает с каждым, кто к нему обратится. Зато нынешние правители не только стараются окружить себя гулямами в золотых кушаках, но также учеными, поэтами и музыкантами, чтобы слыть среди знати людьми просвещенными.

¹ А х у р а м а з д а — верховное божество зороастрийцев, последователей Заратустры, основателя древнеиранской религии. Зороастрийцы почитали огонь как священную стихию.

² К у х е н д и з — крепость.

³ Р е г и с т а н — площадь вблизи дворца.

⁴ Г у л я м ы — придворные воины.

⁵ К а у м — отряд.

Мудрые говорят: времена другие и правители другие. Хотелось бы тебе, сынок, быть гулямом? — спросил Мухаммад.

— Нет, не хотелось бы быть гулямом, как и сейчас — хаджибом¹, — ответил сын.

— Тогда мне непонятно твое стремление к наукам, сынок. Разве не для того они нужны, чтобы возвыситься?

— Насколько доступно моему пониманию, науки нужны не только для этого, — ответил Якуб.

* * *

Прошло несколько месяцев, и вместе с весной к Якубу пришла надежда. Его не покидало радостное настроение, хотя отец не сказал ему долгожданного «да». Но одно то, что Мухаммад не стал упрекать его за безделье, не поручал ему дел, связанных с торговлей, говорило Якубу о многом. «Ожидание требует терпения, — думал юноша, — но ожидание всегда связано с надеждой».

Как-то Мухаммад ал-Хасияд обратился к сыну:

— У меня к тебе дело, сынок. Поезжай-ка ты в Ведар и закупи двести кусков ведарийской ткани. Ты ведь помнишь, я обещал переслать ее с караваном Хасана ибн Сулеймана в Булгар. А потом заглянешь в Самарканд к стеклодуву Али. Ты помнишь его? Он живет вблизи базара, Проток стекольщиков. Недалеко от южных ворот.

— Помню, помню! Ведь я с тобой ходил смотреть, как выдувают флаконы для благовоний.

— Вот эти сосуды для благовоний мне и нужны, — сказал Мухаммад. — Надо постепенно готовить товары для каравана в Китай, а за эти красивые сосуды можно будет получить китайские шелка.

— Я охотно поеду, отец. Я просто рад побывать в Ведаре. Ты давно мне ничего не поручал.

— Я выполнил твое желание, Якуб. Ты хотел быть с книгами, и твое желание исполнилось. Но говорят, что знания завершаются только делом и что знание — дерево, а дело — плоды. Обладатель знания обращается к делу, чтобы воспользоваться этим; а если он не исполняет на деле того, что знает, то и не называется знающим.

— Я надеюсь, отец, что мои знания, которые я стараюсь почерпнуть из мудрых книг, пригодятся для дела.

Якуб отправился в Ведар, а Мухаммад ал-Хасияд тут же, немедленно, собрался в столицу Хорезма, чтобы встретиться с ал-Бируни. Мухам-

¹ Х а д ж и б — придворный чин.

мад ничего не сказал сыну, ничего не обещал ему, но за прошедшие со дня приезда месяцы он много думал о судьбе Якуба и пришел к выводу, что, если ученый-хорезмиец согласится стать духовным наставником сына, значит, на то воля аллаха. И кто знает, не сделает ли всевышний единственного сына купца Мухаммада ученым, который прославится при дворах султанов и сделает честь не только своему роду, но и всему племени? Станный у него сын. Он не стремится ни к богатству, ни к знатности. Но время придет, и разум его окрепнет. Он поймет, что каждый человек должен стремиться идти к той вершине, какую он себе облюбовал. И, если эта вершина манит его, он легче переносит трудности пути. Настанет день и его Якуб, познавший многие науки, будет призван ко двору правителя. Эта сияющая вершина должна звать его к себе. Для такого, может быть, стоит изменить своим устремлениям. Пусть будет трудно без помощника. Годы странствий не сделали его, Мухаммада, крепче и бодрее. Ему будет трудно без Якуба, но он готов терпеть невзгоды, пусть только ученый-хорезмиец пожелает взять его в помощники. Только бы дожить до того счастливого дня, когда свершится желаемое и Якуб займет достойное место при дворе бухарского хана. Но, подумав так, Мухаммад словно услышал слова мудрого шейха из арабов, которого он повстречал когда-то в Багдаде.

«Знатность — это не самое главное, — говорил мудрый шейх. — У избранных всемогущего есть три бесценные вещи. Первая — разум, вторая — правдивость, третья — человечность. Эти свойства приущи каждому человеку, но тупость и порывистость мешают многим проявлять эти ценные качества. И тогда мы встречаем ложь, лицемерие и стяжательство...» Мудрый шейх сказал тогда много разумного. Вот если бы Якуб постиг нечто от такой мудрости!

* * *

Через неделю Мухаммад ал-Хасияд был уже в столице Хорезма. Он нашел ал-Бируни в его новом доме, предоставленном ему шахом Мамуном. При дворе был хороший сад и бассейн. Цвели яблони, и весна была такой нежной и благоуханной, что, как ни был занят ученый, он время от времени отрывался от своей книги и смотрел в ясное, безоблачное небо.

— Мир и благоденствие твоему дому, — сказал Мухаммад, переступая порог дома и низко кланяясь ученому. — Да будет над тобой милость аллаха!

— Приветствую тебя, Мухаммад ал-Хасияд! Здоров ли твой сын? — спросил Абу-Райхан, приглашая купца присесть на суфе рядом с собой.

— Твоя доброта сделала тебя хозяином моего сердца, — ответил Мухаммад. — Сын мой здоров и полон благодарности. Мы твои должники до конца наших дней. Однако я осмелюсь обратиться к тебе, мудрый человек. Я к тебе с низким поклоном. Не возьмешь ли ты в ученики моего Якуба? Зажги светильник разума! Не дай ему остаться незамеченным. С тех пор как мы встретили тебя в караван-сараях на пути в Гургандж, Якуб только и думает о том, как приблизиться к тебе, стать твоим помощником, выполнять твои поручения и слышать иногда твои мудрые слова. У него самые благородные намерения. Согласись взять его к себе!..

Купец торопливо и сбивчиво объяснял, почему он решил прийти. Ему казалось, что если он остановится, сделает паузу, то от смущения и растерянности забудет слова. Но он и без того забыл их. Ранее продуманная пышная и цветистая речь вылилась лишь в несколько тусклых фраз. Мухаммад умолк и, вглядываясь в спокойное и умное лицо ученого, мучительно вспоминал: что же еще надо сказать? Ведь совсем не просто явиться к знаменитому ученому с такой просьбой. Нужно сказать что-то очень значительное... Мухаммад почувствовал, как обильные капли пота струятся по лбу и щекам, словно он в знойной пустыне, а не в этом прохладном красивом доме. Лицо его выражало душевную растерянность, которая вовсе не вязалась с его обычной уверенностью в себе.

«Он не похож на купца-стяжателя, который готов все купить за деньги, даже честь и совесть, — подумал Абу-Райхан. — Он, видимо, скромный человек. К тому же он весьма предан своему сыну. Но к чему мне такая обуза? Я всегда избегал связывать свою судьбу с учениками».

— Мне трудно выполнить твою просьбу, почтенный Мухаммад ал-Хасияд, — сказал Абу-Райхан. — Я затрудняюсь сказать «да», потому что ни разу еще не сказал так многим, кто хотел сопутствовать мне в моих научных исканиях. Мой путь очень трудный и очень тернистый. Сомнения и заботы одолевают меня. Я всегда в исканиях. Постоянно стремлюсь делать опыты, не всегда мне доступные в силу больших затрат. Я и представить себе не могу, когда смог бы уделить внимание твоему сыну. Он юноша, не лишенный интереса к наукам, мысленный, начитанный. Я узнал об этом, беседуя с ним в караван-сараях. Мне понравилось, что он приметил в Булгаре такое, что не вся-

кий сумеет увидеть. Он обратил внимание на долготу дня и ночи, отличную от долготы наших мест. Он поинтересовался нравами и обычаями неведомого ему племени и рассказал мне много любопытного. Но каждый по-своему понимает свою цель и труд своей жизни. Одни ученые окружают себя учениками и стараются передать им свои знания, а я считаю, что, если человеку удалось познать что-нибудь загадочное, непонятное, он должен об этом написать. Пусть об этом узнают не только современники, но и потомки, и пусть его труд служит на благо людей.

— Ты высказал мысль столь благородную и справедливую, — заметил Мухаммад, — что против нее не скажешь и слова, однако я не вижу помехи в твоём деле, если у тебя появится юноша на побегушках, который с полным уважением станет выполнять твои поручения. Сын мой одержим мыслью о тебе и твоих трудах. Он думает, что я не знаю, чем он занимался долгие месяцы, которые я предоставил ему, сделав вид, будто я ничего не знаю. Он сидел в библиотеке бухарского хана и целиком ушел в книги. За несколько монет старый хранитель библиотеки дал мне список книг, которые Якуб изучал все это время. Посмотри, здесь и твои книги значатся. Он не переставал заниматься математикой, а ведь это наука, требующая весьма трезвого разума. Он говорил мне, что хочет изучать звезды небесные.

— Уж не для того ли, — воскликнул Абу-Райхан, — чтобы стать астрологом и предсказывать судьбу по небесным светилам? Я дурного мнения о людях, которые пытаются все явления жизни объяснить влиянием звезд. Наша жизнь на Земле, скорее, связана с влиянием Солнца. Мне кажется, что в этом убедился каждый землепашец, который видит, что ни одно растение не может вырасти без солнечного тепла. Я знаю, многие арабы приписывают все изменения погоды влиянию восхода и захода звезд. Но они делают это только от невежества.

— Подобные вещи могут быть понятны только людям науки, — заметил Мухаммад.

— Не всегда, — ответил Абу-Райхан. — Однажды я увидел человека, который считал себя знаменитым и ученым в искусстве предсказания по звездам. Он искренне верил, что на судьбу человека влияют небесные светила. Я хотел было удержать его от ложного пути, но он не оставил своих неправильных мыслей, несмотря на то что по своим познаниям стоял ниже меня. Он даже стал со мной спорить. Он был богат и имел положение, и это давало ему возможность восхвалять все осуждаемое, а я был беден и ничтожен, отчего и порицалось всякое мое превосходство. Но это к слову, а к делу — я должен

сказать, что если бы приблизил к себе юношу, то лишь для научных наблюдений, которые помогли бы нам приподнять завесу над загадками небесных светил. И все же мне трудно выполнить твою просьбу, Мухаммад...

— Мой сын стремится к тебе, потому что читал твои труды, — сказал Мухаммад. — Не отказывайся от него. Поверь, ты не пожалеешь! Почтенный наш друг, уважаемый угод! ¹ — уговаривал купец. — Моего Якуба больше всего в жизни интересуют науки. Не знаю, стремится ли он научиться предсказывать судьбу людям. Мне известно, что он хочет научиться составлять календарь, понять движение небесных светил. Он хочет научиться делать сложные математические вычисления. А что касается предсказываний судьбы, то, право же, это дело неплохое. Я и сам пользуюсь услугами моего удивительного цирюльника. Он имеет астрольбию и отлично составляет гороскоп. Поверь, он уже не раз предсказывал мне добрый путь с караваном. Насколько мне известно, Якуб не к этому стремится. И потому, должно быть, он пожелал стать твоим учеником.

— Я в большом затруднении! — вздохнул Абу-Райхан.

Он слушал купца в глубокой задумчивости и старался во всех подробностях предвидеть все то хорошее и дурное, что принесет с собой такое новшество в его жизни. Он должен был сам себе признаться, что Якуб ему понравился и ничем не внушает опасений. Но сможет ли он стать помощником?

А Мухаммад тем временем продолжал:

— Поверь, я был далек от этой мысли, когда впервые встретил тебя и воспользовался твоими знаниями для спасения сына. Я всю жизнь лелеял мечту вырастить себе помощника в торговых делах. Отдавая тебе Якуба, я отрываю от себя кусок живого мяса. Я прибыл в столицу Хорезма, хотя дела ждут меня совсем в другом месте...

— Скажи сыну: если он готов трудиться неустанно, если согласен делить со мной горести и заботы — они неизбежны в нашем деле, — если хочет в тяжком труде добывать очень редкие, дорогие радости, пусть идет ко мне. Я не сулю ему ни богатства, ни славы. Я только смогу поделиться теми скромными знаниями, которыми овладел, не щадя себя и отдаваясь науке постоянно и неизменно каждый день и каждый час своей жизни...

Абу-Райхан ал-Бируни говорил это тихим голосом, очень сдержанно, но Мухаммад понимал, что за внешним спокойствием скрывается

¹ У с т ó д — учитель.

тревога. Прижимая руки к сердцу, Мухаммад без конца кланялся и благодарил Абу-Райхана. Он был достаточно умен, чтобы понять колебания ученого и все благородство его души. Ученый пожалел юношу, но поверил в него и потому согласился принять его к себе.

«Этот Мухаммад, пожалуй, лучший из купеческого сословия, — подумал про себя Абу-Райхан. — Его настойчивость в этом вопросе удивительна. Он ведь далек от науки. Что она даст сыну, ему неизвестно. Однако он старается, позабыв свою гордость и отбросив чванство, свойственное многим богатым людям». Ал-Бируни рассеянно посмотрел на руки Мухаммада, сложенные на груди, и обратил внимание на перстень с изумрудом. Перед ним был камень редкой красоты.

— Покажи мне этот изумруд, — обратился он к Мухаммаду. — Мне кажется, он из тех редких камней, которые добываются в аравийских копях.

— Ты совершенно прав, Абу-Райхан, — ответил Мухаммад, подавая ученому перстень.

— Да, этот изумруд добыт в руднике Джебель Забарх¹, — подтвердил Абу-Райхан. — Но ты купил его в Индии. Я вижу здесь руку искуснейшего индусского гранильщика, а такая работа дорого стоит.

— Как много сказал тебе мертвый камень, уважаемый Абу-Райхан! Все верно. Именитый купец из Багдада купил этот камень в Индии у магараджи, а спустя много лет продал мне. Как видишь, он оправлен в золото и может служить печатью. Имея его, я был застрахован от морской язвы, от чар любви и от бессонницы. Я буду счастлив подарить тебе этот перстень. Прими его в память о нашей встрече. Ты, такой тонкий знаток драгоценных камней, оценишь его красоту. — Мухаммад был счастлив сделать приятное ученому.

— Я тронут твоим вниманием, Мухаммад ал-Хасияд, — ответил с поклоном Бируни. — Твоя щедрость похвальна. Но я не приму твой дар. Таков мой нрав. Не посчитай себя обиженным, если я попрошу тебя передать этот драгоценный перстень твоему сыну. Он послужит ему неким доказательством его самостоятельности. Ведь он верит в волшебную силу камня? Твой сын впервые покинет родной дом?

— Впервые, — пробормотал огорченный Мухаммад.

Он от всей души хотел подарить этот перстень ученому. Но поистине этот человек был недостижим.

Однако, как ни огорчился Мухаммад, ничто не могло затмить его радость. Он возвращался домой с такими добрыми надеждами, каких

¹ Д ж е б ё л ь З а б а р х — гора на Аравийском полуострове.

прежде никогда не испытывал. У него появилась уверенность, что сын его станет большим человеком. Видит аллах, самое неожиданное оказалось возможным! В сущности, он спешил сюда лишь для того, чтобы убедиться в невозможности осуществить замысел сына. Поистине судьба бывает благосклонной! Вот теперь, пожалуй, не избежать ему посещения Мекки. Он и тогда, в караван-сараях, у изголовья больного Якуба, обещал совершить хаджж¹, а теперь, хоть он и не давал этого обещания, он должен выполнить задуманное. Если поразмыслить, то свершилось второе рождение Якуба. Стать учеником столь ученого и благородного человека — величайшее счастье. Пусть убавятся барыши, пусть реже идут в путь караваны, зато с Якубом произойдет чудесное превращение. Кто бы мог еще так умело зажечь светильник разума? Вряд ли кто может уподобиться в учености хорезмийцу ал-Бируни. Пройдет время, и сын Мухаммада ал-Хасияда станет знаменитым ученым. Кто знает, быть может, Якуба также призовут ко двору правителя. И тогда Мухаммаду, купцу из Бухары, смогут позавидовать многие купцы, которых он повстречал на пыльных караванных дорогах.

¹ Х а д ж ж — паломничество в священный город Мекку.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ, ЯКУБ!

В памяти Якуба то и дело всплывали слова, сказанные Мухаммадом: «Знание — дерево, а дело — плоды». «Отец пожелал отведать плодов от моего дерева знаний, — думал Якуб, — вот он и послал меня с поручением. Ну что ж, я должен показать свое умение, я буду усердным! А сумею ли? Совсем недавно я был в Самарканде с отцом, и незнакомые люди говорили мне: «Эй, мальчуган, покажи свою ловкость, принеси хороший арбуз, мы угостим тебя». А теперь я сам уже хозяин трех верблюдов и два погонщика будут помогать мне таскать ведарийские ткани и укладывать вьюки. Хотелось бы скорее все сделать!»

Юноша с нетерпением ждал, когда же покажутся южные ворота Самарканда. Его караван шел по зеленой степи, благоухающей весенними цветами. Чем ближе к городу, тем чаще встречались сады и рощи тутовника, который еще не раскрыл своего прохладного зеленого шатра. Все вокруг сверкало весенними красками и пело свою веселую, беззаботную песню. Во всем Якуб видел радость возрождения. И щебет птиц, и блеяние овец, и ржание молоденькой серой кобылки говорили ему, что настал хороший день и таких дней впереди много.

«Чудесно все это! Весело!» — подумал Якуб, любуясь зеленой долиной и выбирая место для отдыха.

— Надо ближе к воде, — предложил один из погонщиков. — Отдохнем, напоим верблюдов и в Самарканд войдем бодрыми, освеженными.

Они остановились, и Якуб вдруг призадумался, заглядевшись на мутные воды канала, пересекавшего степь: «Эта вода не отражает солнечных лучей. В ней не играют веселые, резвые зайчики. Она не поет, не журчит — тяжело идет по узкому ложу канала, как идет раб под хлыстом надсмотрщика. Пленница! В ней нет веселья и радости горного потока, освобожденного от ледяных оков. И все же она — источник жизни».

Якуб посмотрел на отару овец, устремившуюся к воде. Овцы жадно пили воду, смешанную с илом, а пастух, отбросив посох, уселся поудобней и, окунув в поток усталые ноги, зажмурился, блаженно щурясь от солнца.

«Поистине источник жизни! — подумал Якуб. — Сидит где-то в Самарканде уважаемый человек — главный мираб — и распределяет воду по каналам. Он заранее знает, какая будет вода — большая или малая, он может предсказать богатый урожай или скудный». Хорошо все это знать! Может быть, и он, Якуб, поймет это через несколько лет. Но без учения не постигнешь таких премудростей. Как печально, что отец не хочет помочь, не соглашается поговорить с ученым. А если поговорит, то можно ли быть уверенным, что ал-Бируни пожелает его принять? Но, если отец не собирается помочь ему в этом деле, почему же он столько времени молчал и не давал никаких поручений, не заставлял сидеть в лавке с шелками? Ведь он давно хотел поручить ему эту лавку, еще до поездки в Булгар. Отец молчит. Что он задумал? Сейчас не узнаешь, но что бы он ни задумал, а на сердце уже нет той печали, какая была зимой. Не от весны ли пришла надежда?

Дорога, весенняя и праздничная, шла вдоль вишневых садов и виноградников. Вечерело. Справа протянулась цепь гор, таинственная и красивая. Якуб смотрел на эти горы и старался представить себе селения, что раскинулись за ними, людей, которые там живут. Когда сумерки сгустились, юноша увидел, как солнце ушло за высокую синюю гору, осветив ее чудесным заревом. Сказочная картина представилась Якубу. Казалось, что за синей горой расположено царство неугасимого солнца. «Вот почему так верны своей вере зороастрийцы, — подумал Якуб. — Как им не верить в великую живительную силу солнца, столь прекрасного и всеильного!» Но вскоре все погрузилось во мрак. Ис-

чезла синяя гора, и погасло оранжевое зарево, которое, казалось, будет вечно светить.

— Как жалко, что все это неподвластно человеку! — сказал юноша погонщику.

— Что ты говоришь! Не гневи всемогущего! Разве не аллаху подчиняется все земное и небесное? Плохо тебя учили, если в голову тебе приходят такие мысли.

Погонщик остановил верблюда, сошел на землю, разложил на песке молитвенный коврик и, повернувшись лицом в сторону Мекки, стал читать вечернюю молитву. Ему последовали Якуб и второй погонщик. Юноша честно выполнял все обряды мусульманской веры, но прочитанные им книги заставляли его иногда призадуматься и высказывать мысли, которые были бы осуждены старыми богословами.

В селении Ведар Якуб остановился у знакомого ткача Ибрагима ибн Фарука, который постоянно работал на Мухаммада. У Ибрагима была самая большая в селении ткацкая. Все женщины его дома — жена, три дочери, две племянницы и старуха мать — были ткачихами. Никто в селении Ведар не выделял так много мягких красивых тканей, как в этой семье. Сам Ибрагим вместе с сыном доставлял к станкам шерсть и хлопок, красил ткани в желтый цвет, сушил их и отвозил на базар или отдавал купцам. Большой заказ Якуба очень обрадовал хозяина. Он просил юношу побыть в Ведаре, чтобы можно было подготовить побольше тканей. Кое-что у него было припасено к весне. В эту пору уходило много караванов, и купцы закупали товары.

Якуб оставил в Ведаре погонщиков, а сам отправился в Самарканд к стеклодуву. Теперь он был совершенно самостоятельным. У него были деньги за поясом, и он мог купить любую вещь. Даже погонщиков нет с ним рядом. Как приятно ходить по шумному богатому городу и сознавать, что все тебе доступно!

«А что бы ты купил, если бы деньги принадлежали тебе, а не твоему отцу?» Якуб сам себе задал этот вопрос, но не сразу смог ответить. Много здесь соблазнов, но к чему это? Вот седло для рослого коня и сбруя посеребренная. Но ведь нет у тебя коня. Вот красивые ковры, доставленные сюда кочевниками... А дома разве мало ковров? Здесь много дорогой шелковой одежды, но это для знатных царедворцев. Очень хорош белый ослик с большими печальными глазами. А чем плох Серый, верный помощник Абдуллы? «Кроме засахаренного миндаля, тебе и покупать нечего?..» Якуб посмеялся сам над собой и купил себе лакомство. Теперь можно идти к стеклодуву Али.

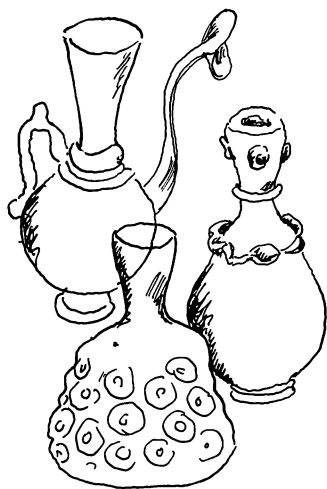

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА
БРОНЗОВОГО ЗЕРКАЛА.

МЕДНЫЕ ПОДВЕСКИ.

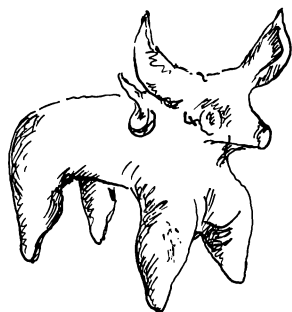
ХОРЕЗМИЙСКИЙ МЕДНЫЙ
КУВШИН.

СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ
ИЗ САМАРКАНДА.

БРОНЗОВЫЙ СОСУД
ИЗ НИШАПУРА.

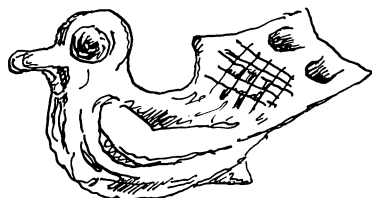
ГЛИНЯНАЯ
ИГРУШКА.

САМАРКАНДСКАЯ
ВАЗА.

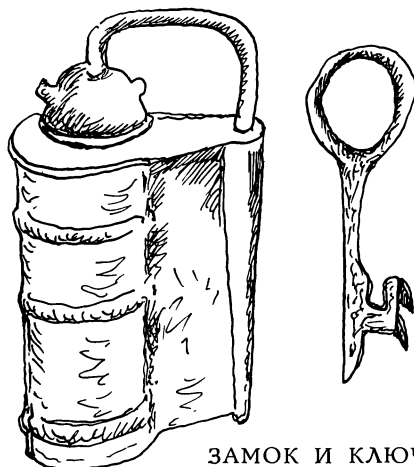
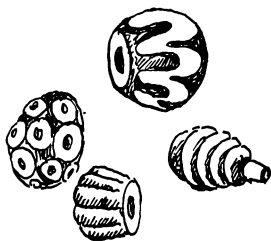

БРОНЗОВЫЙ.
КОТЕЛОК.

БРОНЗОВЫЙ АМУЛЕТ.

СТЕКЛЯННЫЕ
И КЕРАМИЧЕСКИЕ БУСЫ.

ЗАМОК И КЛЮЧ.

Мастер радостно приветствовал Якуба. Да, он отлично помнил шустрого черноглазого мальчугана, сына уважаемого Мухаммада. Но, право же, трудно узнать в этом достойном молодом господине того мальчишку, который разбил голубую вазу для цветов.

— Не помнишь? — смеялся Али. — Но ведь это было давно! Ты был маленький.

Али повел Якуба в крошечное помещение, совсем лишенное воздуха, где было жарче, чем в бане. Но какие красивые вещи стоят на полках! Тут и вазочки для цветов из голубого стекла, крошечные сосуды для лекарств, пузырьки для мазей, масел и благовоний. Одни гладкие, нежных, приятных цветов, другие с барельефами и украшениями. Умелый стеклодув Али с гордостью показывал свою работу. Он хвастал, что сделанные им сосуды для благовоний не раз уже увозили ко двору китайского императора. Заметив недоверие в глазах Якуба, Али стал сыпать клятвами и уверять, что слова его справедливы. К тому же совсем недавно к нему прибыл гонец от самого хорезмшаха и пожелал купить голубые флаконы для благовоний. «Этот гонец, — уверял стеклодув, — говорил мне, что в мои флаконы будут налиты благовония, доставленные жене шаха из Египта».

Али бережно упаковывал драгоценные сосуды. Он завертывал их в мягкую вату, а затем осторожно укладывал в ивовую корзинку, устланную сеном.

— В такой упаковке ты можешь доставить это стекло даже в Китай, — говорил он Якубу. — Здесь его никак не повредишь.

Возвращаясь в Ведар, Якуб радовался тому, что сумел выполнить поручения отца. Ему казалось, что он сделал это очень уверенно и разумно. Правда, он совсем не стал торговаться с Али и уплатил стеклодуву ровно столько, сколько тот потребовал. Подумав об этом, Якуб вдруг приуныл. Он вспомнил, как благодарил и низко кланялся ему стеклодув, прощаясь с ним. Не потому ли, что дорого взял за свою работу? И как это он, Якуб, мог поступить так легкомысленно — отдал деньги, нисколько не поторговавшись! Так не делает ни один уважающий себя купец. И где это видано, чтобы товар продавали без запроса! Ох, и хитер же этот болтливый Али! Совсем заморочил голову своими хвастливыми рассказами о дворе китайских императоров. Где уж тут торговаться! Голова пошла кругом. А отец, наверно, будет браниться. А может быть, и не будет... Ведь он не знает, какие сейчас цены на стеклянные сосуды. В Бухаре мало стеклянных сосудов. Купцы продают их с большим барышом. К тому же отец приготовил их для каравана, который должен пойти в Китай. Нет, отец не должен сердиться

за то, что он сделал это упущение. Если бы он часто занимался этим делом, то сумел бы торговаться до хрипоты. Уходил бы и возвращался, как делают на базаре. . .

Пробыв несколько дней в Ведаре и получив нужные ему товары, Якуб стал собираться домой. Но ткач Ибрагим предупредил его, что в пути может случиться неприятность, если попадешься в руки телохранителей правителя Самарканда. Вот уже несколько дней, как они рыщут по городу в поисках лазутчиков, будто бы прибывших в Самарканд под видом купцов, странников и суфиев¹. Только вчера Ибрагим стал свидетелем такой несправедливости: при нем был уведен в тюрьму молодой красивый купец из Нишапура. Его называли лазутчиком, хотя он клялся именем всемогущего аллаха, что понятия не имеет об этом скверном деле.

— И его увели? — спросил испуганный Якуб. — Бросили в яму?

— Увели! Бедняга кричал на всю улицу, доказывал, что ни в чем не виноват, а его потащили. . .

— Как же мне уехать от тебя? — забеспокоился Якуб. — Я знаю: если угодишь в яму, то живым оттуда не уйдешь. Я видел яму у дворца бухарского хана. Я приносил несчастным еду. Там был старик, прикованный к столбу. Он лежал рядом со скелетом давно умершего узника и сам был похож на скелет. Я не слышал его голоса. За долгие годы от крика и воплей старик совсем потерял голос и что-то бессвязно бормотал синими губами. А рядом с ним был совсем молодой. Он не переставал плакать и стелать. Я бросил им свежих лепешек и немного плодов инжира. Я видел, как они ели, обливаясь слезами. Знаешь, Ибрагим, надо что-то придумать. Я не хочу попасть в яму.

— Я помогу тебе. Я попрошу самаркандского купца, который поведет караван в Бухару, взять тебя с собой. Этот человек всегда имеет охрану. Он так богат, что не может подвергнуться опасности. Его знает правитель Самарканда. С ним ты можешь спокойно возвращаться домой.

— Спасибо тебе, Ибрагим, ты добрый человек.

Наср ал-Балхи, о котором говорил Якубу ткач, был очень богат. Он делал поставки самому султану и пользовался всеобщим уважением. Наср хорошо знал Мухаммада ал-Хасияда и, когда услышал, что сын его в опасности, велел своим погонщикам заехать за Якубом в Ведар. Люди, посланные Насром, задержались в караван-сараях, дожи-

¹ С ъ ф и и — аскеты, проповедники.

даясь горячей похлебки. Они не торопились в Ведар, и Якуб, не дождавшись их, стал раздумывать, не отправиться ли ему в путь одному со своими людьми. Он навьючил верблюдов и пошел к воротам посмотреть, не едут ли за ним погонщики Насра. И вдруг у двора Ибрагима появились всадники в одежде охранников самаркандского хана. Они спешили, окружили Якуба и стали расспрашивать, кто он, откуда, и тут же стали кричать, что поймали лазутчика. Они бросились к поклаже и стали развязывать выюки. Но в это время из дома вышел Ибрагим. Он уже успел предупредить своего сына. Тот вылез в окно, пробрался к навесу за домом и, вскочив на коня, помчался в Самарканд за купцом ал-Балхи.

— Зачем торопиться? — спросил Ибрагим у непрошенных гостей. — У меня есть хорошее угощение. Вы очень кстати пришли в дом ткача, когда он празднует окончание большой работы. Все, что моя семья наткала за весь год, уложено в эти выюки, и все это должно быть отправлено в Бухару. Давайте отпразднуем такое событие.

Старший в отряде остановился, бросил выюк и внимательно посмотрел на ткача.

— А ты не врешь? Не выдумываешь? Разве все это не принадлежит молодому лазутчику?

— Какой же это лазутчик? И разве не видно, что здесь нет ничего, кроме ведарийской ткани?

Ибрагим стал развязывать узлы и вытащил несколько кусков желтой ткани. Якуб, бледный, с глазами, полными ужаса, ждал, чем же закончится этот разговор.

А старший отряда не унимался. Он громко кричал, что нарушен порядок и ткач, осмелившийся спрятать в своем доме лазутчика, предстанет перед судьями хана.

— Я готов предстать перед ханом, но зачем вам отказываться от доброго угощения? Отведайте медового питья и свежего барашка...

Ткач знал, что люди из охраны хана прослыли в округе не только стяжателями, но и обжорами. Он не поскупился на угощение, и охранники, позабыв о Якубе и его поклаже, пожирали молодого барашка. Якуб видел, как Ибрагим подливает охранникам крепкое медовое питье и предлагает им печеные овощи. Развалившись на мягких кошах и перебивая друг друга, они стали рассказывать о том, как много лазутчиков поймано в Самарканде и как доволен этим сам правитель.

— Они называли себя и купцами, и знахарями, и суфиями, — рассказывал низкорослый коренастый человек с круглыми, как у быка, глазами, — но все они прибыли с недоброй целью и угодили в яму...

Язык у него заплетался, а он все хвастал, не давая другим рассказать о своих доблестях. Якуб с ужасом прислушивался к этому разговору. Он уже видел себя в яме, где узники похожи на скелеты и где несчастным нет спасения.

— Однако пора заняться и поклажей, — предложил человек с бычьими глазами. — Мы уже отдохнули и довольны угощением...

— Пора! — поддержали его спутники.

Им не терпелось поскорее приняться за дележку. Но хмель сковал им ноги, а жирная, обильная пища сделала их ленивыми и неподвижными. Так они и застряли здесь, в доме Ибрагима, до самого вечера. А тем временем прибыл купец Наср ал-Балхи. Его тотчас же узнал старший из отряда, которому не раз приходилось видеть ал-Балхи во дворце хана. Когда ал-Балхи громким голосом назвал имя чиновника дивана, который покровительствует ему в торговых делах, незваные гости вскочили и попяtilись к двери. Они понимали, что подвергают себя опасности быть вызванными к вазиру. Якуб был счастлив и не знал, как благодарить Ибрагима, оказавшего ему такую услугу. Вскоре караван Якуба объединился с пятьюдесятью верблюдами ал-Балхи. Купец Наср был приветливым человеком, и приятная беседа скоро тала им путь.

— Я и не знал, что отец твой вырастил такого хорошего помощника, — сказал Наср ал-Балхи Якубу. — Когда у купца вырастет сын, то можно считать, что поддела обеспечено — будет помощник.

Якуб хотел было признаться, что не собирается стать помощником отца, но подумал, что ал-Балхи посчитает его самонадеянным, и промолчал. А купец стал рассказывать Якубу о своем уже взрослом сыне, который успешно ведет торговлю с дальними странами и нередко предпринимает морские путешествия, намного более опасные сухопутных.

— Я не рад его увлечениям, — признался ал-Балхи. — Я говорил ему, что в морском путешествии барыш — по щиколотку, а убыток — по горло, и не нужно пускать на ветер свое состояние. Если на суше случится несчастье и добро погибнет, то, может быть, жизнь останется. А на море угроза тому и другому. Добро можно снова нажать, а жизнь не вернешь.

— И на суше всякое случается, — заметил с горечью Якуб. Он не мог не вспомнить свои злоключения, которые привели его к ал-Балхи. — Ведь и я мог угодить в яму, откуда нет возврата...

— Почему нет возврата? Если бы и случилась с тобой такая беда, то отец быстро выкупил бы тебя. Но нельзя допускать подобные вещи,

и в места небезопасные надо отправляться с охраной. Это стоит денег, но зато дает спокойствие. Отец твой не знал, что в Самарканде такие новшества и что злоба и стяжательство зашли так далеко. В следующий раз он даст тебе охрану и ты не будешь рисковать своим благополучием. А вот когда мой сын вдруг неожиданно для меня предпринял путешествие из Басры в Индию, вот тогда я забеспокоился!

— Но ведь Индия — страна чудес! — воскликнул Якуб. — И я бы с радостью отправился туда, даже рискуя своим благополучием.

— Всем нам известно, что всемогущий аллах разделит чудеса света на десять частей, — сказал ал-Балхи. — Восемь из них он назначил Индии и Китаю, одну часть — Западу, и лишь одну — остальному Востоку. Если мудрые так говорят, то можно себе представить, как богата Индия. Мне рассказывали купцы да и сын говорил мне, что самые удивительные драгоценности и редкие алмазы добываются в стране Кашмир. Есть там долина среди гор, недоступная людям, оттого что там постоянно горит огонь. Пламя бушует днем и ночью, а вокруг него кишат змеи. И все же находятся смельчаки, которые, рискуя жизнью, пробираются к сокровищам и доставляют их богатым магараджам.

— Там можно разбогатеть, не правда ли? — спросил Якуб.

— Можно разбогатеть, но к богатству нужно еще и счастье. А бывает, что великими трудами добудешь богатство и от него нет счастья, а только одни беды. Рассказали мне один случай про неудачливого купца. Он пробыл на чужбине в скитаниях тридцать лет и вернулся в Оман¹ с великим богатством. На собственном корабле он привез дорогие ткани, драгоценные камни, амбру и мускус. Весть о его богатствах дошла до ушей халифа. Не успел неудачливый купец выплатить пошлину правителю Омана, как прибыл от халифа слуга с приказом арестовать купца и доставить его в Багдад.

— И его никто не спас? — Якуб проникся жалостью к неизвестному купцу.

— Слава аллаху, за него вступились все купцы Омана. Они пригрозили халифу, что прекратят торговлю с Багдадом. Купец был спасен и все же сумел насладиться своим богатством.

— Я рад за него! — воскликнул Якуб.

— Это было давно, — рассмеялся Наср ал-Балхи. — Только надо об этом помнить и не страшиться, когда беда приходит на порог твоего дома. Одно скажу тебе, сынок: не бойся великих трудностей и вели-

¹ Оман — так называли в средние века главный город в области Оман на востоке Аравийского полуострова.

ких опасностей, и тогда тебе будет удача. Старайся привыкнуть к холоду и жаре, к голоду и жажде. На отдыхе не роскошествуй, чтобы потом было легче терпеть нужду. Посмотрел я на своего сына после возвращения из Индии и подумал, что если бы он всего этого не знал и не привык к такому, то не смог бы перенести трудности морского путешествия. Там всякое было. И никогда в самой страшной пустыне не было таких опасностей, какие сопутствовали им в море.

Так беседуя, они незаметно очутились у стен Бухары. Якуб сердечно благодарил доброго купца за то, что он предотвратил несчастье. А расставшись с ал-Балхи, он долго еще думал о том, может ли быть, чтобы вдруг, без всякой причины, человека лишили свободы и бросили бы в яму на верную смерть.

Как только Якуб очутился на знакомой улице, он тотчас же забыл все тревоги и волнения. Все дурное, случившееся с ним в пути, вспоминалось теперь, как неприятный сон. А явью был дом и его любимая Бухара, всегда красивая и праздничная. Уже цвели белые акации, протягивая к прохожим свои душистые гроздья цветов. Солнце весело играло в журчащих арыках, а на крышах глинобитных домов ремесленников алели никем не посаженные дикие маки. В ясном небе четко рисовались купола мечетей и минаретов. Якуб прошелся по оживленным улицам и подумал, как ему все здесь близко и дорого. Вот гнездо аиста на куполе минарета. Вот медленно передвигается на общипанном ишачке старый горшечник. Даже непонятно, как он умудрился так нагрузить крошечное животное. А вот спешит на базар башмачник. Через плечо у него висят связки сафьяновых башмачков для юных красавиц, на голове целый тюк выделанных кож. Он идет стройный, слегка покачиваясь под своей ношей, и седая борода никак не говорит о его старости. Глаза у него веселые и молодые. Прошли две женщины в легких накидках, небрежно наброшенных на черные косы. Звякнули серебряные браслеты, сверкнуло янтарное ожерелье. Они весело смеются. А может быть, ему кажется, что все так веселы? Он заглянул в калитку своего медресе, где втайне от мудариса мальчуганы гоняли тряпичный мяч. Святотатство!.. Но они этого не помнят, они боятся только наказания старого мудариса, а не кары господней.

У мавзолея Исмаила Самани Якуб остановился и залюбовался каменным кружевом строения. Здесь было пустынно, и Якуб остановился под цветущей яблоней и подумал, что вот сейчас, когда здесь благоухают розовые цветы яблони, кажется, что мавзолей этот говорит не о смерти великого правителя династии саманидов, а напоминает о жизни, которая была и будет на этой древней земле.

На базаре все привлекает взор. Глаз не нарадуется на златотканые шелка, словно созданные для царского праздника. А разве не красивы яркие полосатые ткани для халата, циновки и ковры, горы сушеных фруктов, орехи и халва, самая сладкая на свете, какую умеют делать только в Бухаре!

Тучи мух носятся вокруг сластей, расставленных на земле и манящих к себе оборванных мальчишек. Дым и чад вокруг жареной баранины, которую только что разделали и тут же обжарили на раскаленных углях. Веселый звон в рядах медников и чеканщиков, предлагающих свои сверкающие на солнце светильники, чаши, чайники и кувшины, блюда и тазы, сделанные навечно, на три-четыре поколения. Об этом и кричат медники, зазывая к себе покупателей. И покупатели идут. Вот остановился высокий осанистый всадник на черном коне. На нем алая чалма и темный шелковый халат. Он выбирает большое блюдо красивой чеканки и долго торгуется с мастером-чеканщиком, который клянется всеми святыми, что целых полгода делал эту замысловатую чеканку. Почтенный всадник, должно быть, покупает подарок невесте. Под ним резвый конь в богатой сбруе, на нем дорогой шелковый халат, но он не любит бросать деньги на ветер и несколько раз уходит, прежде чем, получив изрядную уступку, отсчитывает чеканщику серебряные дирхемы.

Но вот и дом. Навстречу к нему спешит мать. Она легко коснулась лица сына, погладила щеки и вдруг зарыдала.

— Что случилось, какая беда стряслась?

— Прости, сынок! Мне бы радоваться, а я печалюсь.

— О чем же? .. — недоумевал Якуб.

— Ну, вот и Якуб вернулся! — воскликнул радостно Мухаммад.

Он был на складе, где хранились товары, и, услышав голос сына, поспешил к нему.

— Что-нибудь случилось, отец?

Но и отец как-то непривычно, с печалью посмотрел на Якуба и только кивком головы дал понять, что ничего не случилось.

— Как же до вас дошло, что я был в опасности и чуть не угодил в яму? — удивился Якуб. — Не горюйте! Я не боюсь. Я снова поеду с твоим поручением, отец.

— О чем ты говоришь, Якуб?

И Якуб долго и подробно рассказывал обо всем, что приключилось с ним во время пути, и тут Лейла, уже не сдерживаясь, плакала, думая о том, какая могла случиться беда с ее сыном. А Мухаммад похлопал

Якуба по плечу, похвалил его за то, что он не испугался и вел себя так разумно, и сказал:

— Нет у меня поручений, сынок. Теперь у тебя одно важное дело: отправляйся ты в столицу Хорезма. Великий ал-Бируни согласился взять тебя в ученики.

— И это правда, отец! Он согласился?! Ты ездил к нему втайне от меня? Какой же ты подарок приготовил мне! Ты печалишься о разлуке, отец? И мать об этом плачет? Зачем же! Я буду писать вам письма. Каждый раз, когда будет случай послать вам письмо с каким-нибудь приезжим человеком, я воспользуюсь этим случаем. Поверьте мне, вы не почувствуете разлуки. Но зато я вернусь с богатством, которое не боится ни огня, ни грабителей, ни времени. Я знал это, отец, и потому у меня была радость на сердце. Право же! Надежда не покидала меня все это время.

МОЖНО ЛИ ОБЪЯТЬ НЕОБЪЯТНОЕ?

Прощаясь с сыном, Мухаммад ал-Хасияд говорил ему:

— Знай, сынок, если аллаху всемогущему неуютно будет сделать из тебя человека науки, если ты не сумеешь постигнуть тайны звезд, я думаю, твои труды не пропадут. Скажу тебе от души: если всемогущему угодно было оторвать тебя от дел торговых, поставь своей целью стать достойным дабиром. Это сделало бы честь нашему роду потомственных купцов. Ты первый тогда вышел бы на благородную дорогу служения эмиру.

— Я к этому не стремился, отец. И почему бы мне не постичь науки, которые манят меня и привлекают? Разве я в чем-либо проявил тупость?

— Помилуй бог! — воскликнул Мухаммад. — Я хочу лучшего для тебя. Мне известно, за хорошую службу дабир имеет хорошее вознаграждение и почет от людей. Довелось мне как-то встретиться с почтенным дабиром при дворе багдадского халифа. Я доставил тогда ко двору халифа большую партию самаркандской бумаги. А тебе известно, что, не имея бумаги, сидели бы без дела писцы дивана. И вот пого-

ворил я тогда с дабиром и понял, что это человек глубокого ума и острого суждения. Он обладал познаниями в разных науках, легко читал на память стихи великих поэтов. Он был так вежлив и сдержан, что казался недоступным, но, встретив с моей стороны сердечность, он стал шутить и забросал меня остроумнейшими пословицами и поговорками. Я представляю себе, как умело он вел переписку с людьми, подвластными халифу, да и с людьми, знатностью своей не уступающим правителю. Для каждого у него были нужные слова и ясные мысли. Разве плохо, сын мой, стать таким значительным лицом у правителя Бухары или Самарканда?

— Я думаю, отец, что только к старости может стать приметным служитель дивана, а пока он молод. . .

— Вот уж ты неправ, сынок! Дабир рассказывал мне, как быстро может возвыситься молодой недим¹. Случилось так, что султан Махмуд Газневидский, да помилует его аллах, написал письмо к багдадскому халифу:

«Ты должен подарить мне Мавераннахр. . .² Или я покорю область мечом, или же подданные будут повиноваться мне по приказу твоему».

А багдадский халиф сказал:

«Во всех странах ислама нет у меня более набожных и покорных людей, чем те люди. Избави боже, чтобы я это сделал, а если ты нападешь на них без моего приказа, я весь мир подниму на тебя».

Султан Махмуд нахмурился и сказал послу:

«Скажи халифу — что я, разве меньше Абу-Муслима? Вот вышло у меня с тобой такое дело, и смотри, приду я с тысячей слонов, растопчу твою столицу ногами слонов, навьючу прах столицы на спины слонов и отвезу в Газну».

И сильно пригрозил мощью слонов своих. Посол уехал, а через некоторое время вернулся. Султан Махмуд сел на престол хаджибы, и гулямы построились рядами, а у ворот дворца держали яростных слонов и поставили войско. Затем допустили посла багдадского халифа. Посол вошел, положил перед султаном Махмудом письмо и сказал: «Повелитель правоверных письмо твое прочел, о мощи твоей услышал, а ответ на твое письмо вот это. . .»

Ходжа Бу-Наср-и-Мишкан, который заведовал диваном переписки, протянул руку и взял письмо, чтобы прочитать. В нем было написано: «Во имя аллаха милостивого, милосердного», а затем на строке так:

¹ Не д í м — лицо, развлекающее повелителя беседой.

² Ма вер а н н а х р — междуречье Амударьи и Сырдарьи в средние века.

«Разве...» И в конце было написано: «Слава аллаху и благословение на пророке нашем Мухаммеде и всем роде его». А больше ничего не было написано. Султан Махмуд и все почтенные писцы задумались, что же значат эти загадочные слова. Все стихи корана, которые начинаются со слов «разве», они перечитали и растолковали, а никакого ответа для султана Махмуда не нашли. И вдруг молодой недим говорит: «Господин наш пригрозил слонами и сказал, что прах столицы перевезет на спинах слонов в Газну, вот халиф багдадский в ответ господину и написал ту суру, где говорится:

«Разве ты не видишь, что сделал господь твой с обладателями слона?» Так он отвечает на угрозу господина.

Султан Махмуд так расстроился, что долго в себя не приходил, все плакал и стонал. Такой он богобоязненный. Много просил он прощения у повелителя правоверных.

А молодому недиму пожаловал он драгоценный халат, приказал ему сидеть среди почтенных недимов и повысил его в сане. За это одно слово получил он два повышения.

— Знания — великая сила, — согласился Якуб. — Я бы хотел приобрести знания, но только для другой цели. Мне не хотелось бы служить при дворе и угождать грозному султану. Разве знания нужны только правителям?

И вдруг Якуб увидел себя в роли молодого недима. Будто он в самом деле стоит перед тронном грозного Махмуда Газневидского и трепещет... Нет, не к этому он стремится и не для этого покидает свою Бухару. Он не станет объяснять отцу, что отвратило его от желания быть дабиром. Пусть отец думает по-своему, а он должен на деле показать, что знания нужны для пользы людям. И разве не лучше употребить знания на благо многих людей, чем на службу одному правителю...

* * *

В Гургандж Якуб отправился с попутным караваном. Стоя рядом с навьюченным верблюдом, Мухаммад и Лейла, не скрывая слез, давали сыну последние наставления.

— Береги себя! — просила мать.

— Будь рассудительным! — наставлял отец.

— Какая нужда бросать родителей и селиться на чужбине? — спрашивал Мухаммада старый купец Сулейман. — Ал-Бируни?.. Может быть, он и почитаемый человек, но если бы он жил в Бухаре. А ездить в Гургандж — причуда!

В дороге спутники с любопытством расспрашивали Якуба о его знаменитом устоде. Они не очень поверили, когда юноша сказал, что устод призван самим хорезмшахом Мамуном и к тому же согласился взять Якуба к себе в ученики.

А Якуб и не старался их убедить. Не верят — не надо! Одна мысль заботила его: что он скажет человеку, который вызывает у него величайшее уважение и величайший трепет? «Я не могу сказать о том, что боюсь его, — думал Якуб. — Нет. Я даже не стесняюсь. Но меня охватывает какое-то необъяснимое смущение при мысли о том, что я должен предстать перед ним. Ведь я должен сказать ему, чему я намерен посвятить дни своей жизни, а я и сам не знаю. Если говорить о делах самого Абу-Райхана, — думал Якуб, — то воистину нет таких наук, в которых он не был бы сведущ. Стоит увидеть его книги, чтобы понять это. Вряд ли кто может с ним соперничать в науках. Но что может сказать немой? Что может увидеть слепой? Как могу я сказать, что для меня лучше? Предложу ему свои услуги для любого дела».

Сейчас, когда уже близка столица Хорезма и вот уже надо перешагнуть порог дома, где живет Абу-Райхан, Якуб вдруг растерялся. Он понимал, что имеет одинаковую возможность заниматься астрономией или наукой о драгоценных камнях. Ведь Бируни не только астроном, но и самый большой знаток драгоценных камней. Если постичь науку о драгоценных камнях, то, пожалуй, она пригодится и в торговых делах отца. Даже среди бывалых купцов мало кто знает, откуда берутся прекрасные камни, как их обрабатывать и каковы их свойства.

«А посвятить себя астрономии, научиться составлять календарь, — думал Якуб, — разве это плохо? Все хорошо и все удивительно, а что сказать, не знаю. В шестнадцать лет трудно решить, что лучше и что нужнее. Пусть всемогущий аллах подскажет, осенит. Ведь без его воли ничего не происходит на земле... Я не должен страшиться, — сказал сам себе Якуб. — Когда идешь к доброму человеку, это все равно как к отцу родному. К тому же отец подарил такой перстень, который предохраняет от печалей и неудач. Не следует отчаиваться».

В дом ученого Якуб прибыл уже несколько смелее. Устод принял его сердечно и приветливо. Выслушав юношу и поняв его колебания, вполне объяснимые в таком возрасте, Абу-Райхан сказал:

— Я астроном. Я стремлюсь познать тайны небесных светил. Но, прежде чем сделать свои исследования и выводы, вытекающие из них, я считаю своим долгом изучить многие труды древних астрономов — все, что мне доступно. С иными учеными древности я не согласен. Есть и такие, которые заставляют меня задуматься и по-новому уви-

деть загадочные явления неба. Но, зная все то, что сделали в этом деле мои предшественники, я могу идти дальше. И ты, юноша, помогай мне в моих опытах. Знакомясь с трудами древних астрономов, ты постигнешь непонятное, то, что прежде казалось тебе недоступным.

— Мой благородный угод, я и прежде стремился понять то загадочное, что являет собой небо, сверкающее звездами, но что можно понять без знаний? Все, что ты велишь, я выполняю. И еще — я хочу разгадать тайны камней, созданных так удивительно искусно, что, когда берешь в руки иной камень, тебе кажется, что ты не можешь с ним расстаться, так он прекрасен.

— Все эти науки так велики и значительны, что вряд ли хватит человеческой жизни, чтобы раскрыть хоть частицу неведомого, — сказал Абу-Райхан, — но они стоят того, чтобы потратить на них жизнь. А вот астрология не стоит того. Надеюсь, юноша, что ты не станешь тратить время на занятия астрологией?

— Астрология казалась мне заманчивой, — ответил в смущении Якуб. — Ведь многие считают, что расположение звезд говорит звездочету о судьбе человека...

— Должен тебе сказать — и ты запомни это раз навсегда, Якуб! — звезды существуют независимо от нас и никак не влияют на нашу судьбу. Мы только можем следить за их движением, за их яркостью, за восходом... Но о звездах мы еще поговорим. А сейчас я хочу тебе сказать — твой день будет начинаться весьма рано и заканчиваться довольно поздно. Ведь иные опыты надо производить и ночью. А теперь ступай займись собой. Разыщи для себя жилище, купи еды впрок. Помни, что я трачу на закупку одежды и еды не более двух дней в году. И это кажется мне чрезмерной роскошью. Наука требует безраздельной преданности, даже большей, чем возлюбленная. Наука не терпит ни объяснений, ни извинений. Ей нужна преданная работа, повседневная, ежечасная. Вот как, мой друг! Ты свободен сегодня.

Якуб даже не нашел слов для ответа учителю. Что мог он сказать, неоперившийся птенец? Все, что говорил Абу-Райхан, казалось ему столь верным и незыблемым, что даже в мыслях своих он не осмелился бы противоречить ему. Не может быть сомнений — преданность науке прежде всего. Когда бы смог написать ал-Бируни свои удивительные книги, если бы не отдавал этому занятию каждый час своей жизни! И он, Якуб, должен пойти по такому же пути. Он не знает, чему отдают свое время сыновья хорезмийских купцов, какие у них занятия и развлечения, но у него теперь должно быть одно занятие. И разве оно не благороднейшее из всех занятий на свете?

У Якуба началась новая жизнь, совсем не похожая на то, что ему было привычно и знакомо до прихода к великому устоду. Чем больше Якуб узнавал Абу-Райхана, тем больше он верил в его величие. Но это величие было совсем другое, не то, что выделяло среди простых смертных шахов и султанов. Здесь не было казны, не было войска, а сила была великая и сокровища неоценимые.

— Помни, юноша, — говорил ученый Якубу, — прежде всего мы должны очистить свой ум от всех тех случайных обстоятельств, которые портят большинство людей, от всех причин, которые способны сделать людей слепыми перед истиной, а именно — от устарелых обычаев, фанатизма, соперничества, страстного желания приобрести влияние. Я придаю большое значение трудам людей давно ушедших и забытых. Они помогают нам познать истину, их опыт для нас драгоценный клад.

— Увы! Я знал другое, — признался Якуб. — Только теперь я чувствую, подымается пелена незнания, которая мешала мне видеть мир. Мударис все объяснял божественным велением, и ничто, по его мнению, не менялось и не изменится до скончания века.

— Но ты, Якуб, не поддался суеверию? Тогда есть надежда, что ты прозреешь.

Абу-Райхан подумал немного и продолжал:

— Есть верный путь к познанию. Надо изучить историю и предания древних народов и поколений, потому что нам досталось многое, что исходит от них. Принимать все предания и свидетельства за несомненную истину нельзя из-за множества бредней, примешанных ко всем историческим летописям. Эти бредни не всегда можно распознать, поэтому нужно принимать за истину лишь то, что допустимо с точки зрения естественных законов и порядка.

Нельзя сказать, что Якуб смог сразу постичь все те туманные для него понятия, какие свалились на его голову в первые же дни его пребывания в доме ученого. А углубленный в науку Абу-Райхан не очень считался с тем, все ли доступно пониманию юноши. Иной раз он поручал ему вещи чрезмерно сложные, и Якубу приходилось целыми ночами сидеть у мигающего светильника и в толстых фолиантах, которые громоздились на суфе учителя, искать ответы на загадочные вопросы.

Книги, написанные некогда в древней Иудее, привезенные из далекой Греции, доставленные из Персии, Индии и Афганистана, тол-

пились вокруг ученого. Каждая утверждала что-то свое. Каждая убеждала в правоте своей единственной истины. А ученый, собрав их воедино, умудрялся делать совсем другие выводы и выносить новые суждения, доселе никому не ведомые.

Шли дни и месяцы, и Якуб все больше проникался доверием к своему суровому учителю, который редко дарил его улыбкой и еще реже позволял себе сказать слово, не имеющее отношения к тем опытам, которыми он занимался в этот час. При такой сосредоточенности и при таком постоянстве в занятиях ал-Бируни действительно достигал того, чего не смогли достигнуть другие ученые, которых хорезмшах пригласил ко двору.

Углубляясь в ученые труды Птолемея и Аристотеля, Якуб все больше понимал, что суждения богословов не только не верны, но и зачастую вредны. Они отвлекают от сущности явления и мешают его понять. Как-то Якуб спросил учителя:

— Как же понять слова моего старого мудариса, который говорил, что изучать то, что не написано в коране, — излишне и преступно.

— Твой старый мударис читал слишком мало. Как же он может судить об ученых трудах людей, которые изучали и наблюдали явления природы? Надо тебе сказать, что и три столетия до него тысячи таких же богословов знали только коран и проповедовали только эту незыблемую истину. И получилось так, что эта, на мой взгляд, сомнительная истина стала во главу познания всего сущего. Это прискорбно, друг мой.

«Воистину можно объять необъятное! — писал Якуб отцу, рассказывая о своих занятиях в доме великого ученого. — Ал-Бируни неутомим, он постоянно занят опытами и чтением труднейших книг, многие из которых мне недоступны, оттого что я не знаю другого языка, кроме арабского. Когда я думаю о том, сколь многие области наук пытается объять мой устод, я только диву даюсь. Представь себе, он хочет доказать невозможное — будто наша Земля движется! Я сам читал в трудах великого Птолемея, что Земля неподвижна, но мой уважаемый устод не согласен с ним. И вот мы занимаемся сейчас таким необычайным делом, о котором я даже боюсь тебе сказать. Мы должны определить величину наклона эклиптики. Для этого ал-Бируни давно уже построил специальный инструмент. Абу-Райхан уже дважды использовал его для наблюдений и дважды устанавливал время летнего и зимнего солнцестояния. Один раз устод вел свои наблюдения в городе Кяте. Но сейчас он уверен, что наши астрономические измерения будут более точными. Как только будет установлена величина наклона

эклиптики, мы займемся исследованием векового изменения этой величины. Многое мне непонятно в этом деле, и я по ночам читаю книги ученых Багдада, Дамаска, Шираза и Александрии. Я не всегда решаюсь задавать вопросы моему устоу. Я вижу, как он углублен в свои занятия, и, право же, иной раз боюсь к нему подойти. Мне здесь трудно, отец, я не скрою от тебя этого, но я горжусь тем, что принимаю хоть малое участие в трудах великого Абу-Райхана. И, если хочешь, я признаюсь тебе — я, как праздника, жду опытов. Наука о камнях весьма привлекает мое сердце».

В другом письме Якуб писал:

«Отец, аллах милостив, и я понемногу прозреваю. То, что совсем недавно казалось мне непостижимым, сейчас кажется совсем простым и понятным. Особенно я увлечен опытами с драгоценными камнями. Недавно мы повторили опыт с изумрудами. Ты, наверно, слышал о том, что при взгляде на изумруд у ядовитых змей выпадают глаза. Иные богатые люди для того и покупают этот драгоценный камень, чтобы не бояться ядовитых змей. Но теперь мой учитель убедил меня в том, что все это выдумки. Мы опоясывали змею изумрудным ожерельем, рассыпали перед ней драгоценные камни на подстилку, размахивали перед ней нитками изумрудов. Мы проделывали это и в жаркое и в холодное время, и ничего с ней не сделалось. Змея осталась при своих зорких глазах, и мы увидели, что камень изумруд вовсе не предохраняет от ядовитых змей и может лишь служить украшением. Я спешу тебе сказать об этом, отец, чтобы ты, продавая изумруды, никогда не говорил покупателю о свойствах камня, которыми он не обладает. А всемогущий аллах покарает невежд, которые говорят небылицы и наживаются на этом.

А еще я хотел сказать тебе, отец, что иной раз, когда я встречаю своих сверстников и слышу их беззаботный смех, мне вдруг становится грустно. Вчера я даже подумал, что уже состарился намного против этих молодых бездельников. И я почувствовал, что мне не хватает веселья. Должно быть, в семнадцать лет человеку положено смеяться, а мне через месяц минет семнадцать. Но я доволен своей судьбой и призываю милость аллаха на всех вас, близких мне людей. И еще грущу я о разлуке с вами».

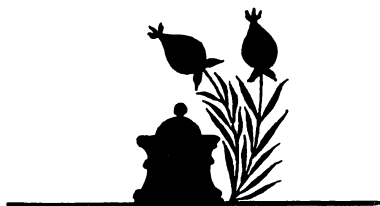
— О чем ты призадумался, юноша? — услышал Якуб голос учителя, когда отложил лист желтоватой бумаги и калам, которым делал выписки из книги ал-Фараби. — Печаль коснулась тебя своим крылом, а ведь грешно печалиться, когда жизнь только начинается и все еще впереди. Ты чем-то огорчен?

— Я вспомнил о разлуке с родителями, и тревога ранила мое сердце. Уже скоро год, как я не видел их. Мне кажется, что глаза моей матери потускнели от слез.

— Зачем же сидеть в печали? Не лучше ли устранить ее?

Ал-Бируни был в добром настроении, и Якубу показалось, что даже голос у него какой-то необычно веселый.

— Вот что, юноша, — предложил Абу-Райхан. — На той неделе я буду занят делами хорезмшаха. Воспользуйся этим случаем — поезжай-ка ты в Бухару на несколько дней, утоли свою печаль и возвращайся веселым и довольным. Вот тебе мой совет!

ЗВЕЗДОЧЕТ НЕПРАВ

Через несколько дней Якуб уже входил в калитку знакомого с детства двора. Никто не ждал его, и никто не встретил у порога. Только серый осел Абдуллы, привязанный к изгороди, протрубил что-то.

Уж не приветствие ли это?

Якуб погладил ослика, поднял с земли только что упавшее с дерева румяное яблоко и весело закричал:

— Мир и благоденствие этому дому!

Тотчас же показалась Лейла, а вслед за ней и Мухаммад. На лицах родителей Якуб увидел и радость и недоумение.

— Ты внял моим мольбам, Якуб! — обрадовалась Лейла. — Я так тебя ждала!

— Не случилось ли чего? — забеспокоился отец.

— Устод сказал: «Утоли свою печаль», и вот я здесь. Что это ослик Абдуллы совсем отощал? Устод учил меня жалеть животных. А где Абдулла?

И, не дожидаясь ответа, Якуб тотчас же обратился к Мухаммаду:

— Знаешь, отец, я задумал выпросить у тебя для опыта те лалы, которые ты хранил в красной сафьяновой шкатулке. Они нам очень

нужны. Ал-Кинди пишет, что если лал нагревать постепенно, а потом оставить тигель в печи, пока он не остынет, тогда огонь увеличивает его красноту и чистоту его цвета. Я бы хотел это проверить.

— Ты одержим, сын мой, — рассмеялся отец. — Ты готов сжечь целое состояние для того, чтобы что-то проверить. Но кто же даст для этого драгоценные камни? Я продал свои лалы, но должен тебе признаться, что при всей моей любви к тебе я бы не позволил их сунуть в печь. Это ведь богатство! Помилуй аллах, какие причуды!

— Для того чтобы постичь истину, нужны затраты. Я видел, как Абу-Райхан тратит на свои опыты все свое достояние, и я подумал, что тоже должен тратить.

— Но у тебя нет достояния, сынок, — возразил Мухаммад. — Я смогу дать тебе совсем немного. Да и нужны ли твоему учителю траты? Ему покровительствует сам хорезмшах...

— Я почти год пробыл в Хорезме, — ответил Якуб, — но ни разу и слова не слышал о щедрости Мамуна. Устод тратит на опыты все, что имеет, а достояние у него самое скудное... Как жалко, что ты продал лалы!

Ребячество и бескорыстие сына даже позабавили Мухаммада. Он видел, что Якуб всем существом захвачен своими благородными занятиями, и подумал, что при такой преданности делу сын непременно достигнет тех вершин знания, которых достиг Абу-Райхан.

— Я дам тебе янтарь для опытов, это будет мой подарок устоду. Но почему, сынок, вместо приветствия ты сразу же принялся просить лалы? Я вижу, что в голове у тебя только опыты.

— Я всю дорогу думал об этом. Мне хочется помочь моему благородному устоду.

— Боюсь, что Якуб наш забывает даже о еде, — сказала Лейла. — Не слишком ли много забот у юноши в такие годы?

— Какие годы? — возразил Якуб. — Мне известно, что в моем возрасте врачеватель ибн Сина уже лечил эмира бухарского, а я еще ни на что не годен, кроме того, что послушно выполняю поручения Абу-Райхана.

— Но ты ведь учишься, сынок? — спросила мать. — Отец говорил мне, что нет числа тем премудрым книгам, которые ты постиг. Да удалит от тебя аллах заботы, горе, беду и печали.

Кроткая и тихая Лейла, всю жизнь привыкшая к мысли, что сказанное мужем — закон, не преклонила, но в душе горевала о своем Якубе. Ей казалось, что сын похудел и побледнел в чужом городе, его занятия казались ей ненужной причудой.

— Грустно мне, сынок, — говорила Лейла. — Прискорбно мне, что не вижу тебя. Тебе, сыну купца, надо сидеть в лавке. Продавал бы ты златотканую парчу, и каждый почтенный житель Бухары смог бы увидеть, какой достойный сын растет у Мухаммада. А что толку от этих премудростей? Ни денег, ни почета тебе не даст твоя ученость. Я молчала, сынок, но душа моя в печали, и я говорю тебе это.

Якуб понял, что сердце матери изболелось о нем. Никогда прежде мать не решалась в чем-либо прекословить отцу. «И почему это она так тревожится? — думал Якуб. — Ей кажется, что если сын не поел вдоволь, то это беда вроде стихийного бедствия. А какая там беда! Все это пустое! Надо только объяснить ей, чтобы не проливала слез напрасну». Она никогда не понимала его, и потому он был скрытен, у него всегда были тайны. Когда он стал постарше, он боялся ее огорчить. А тайны накапливались, и Якуб наконец понял, как далеки они друг от друга. Сейчас, когда Лейла убеждала его в тщетности намерений, ему очень хотелось от всего сердца объяснить ей, что она неправа. Ему хотелось рассказать ей, как много интересного он узнал за время, проведенное вблизи ученого. Он бы охотно рассказал про астрономические измерения, которые показались ему не только очень важными, но и таинственными. Но поймет ли она, он не знал, и потому не стал ничего рассказывать.

Настала пятница. Незадолго до вечерней молитвы мать позвала цирюльника и стала просить Якуба, чтобы он немедленно постриг волосы.

— Сынок, ты ведь знаешь: кто подрежет волосок в пятницу, от того будет отвращено семьдесят болезней. Прошу тебя, не откладывай, — говорила мать.

— Зачем торопиться? — отвечал Якуб. — Я пробуду здесь еще три дня. Времени хватит и для стрижки.

— Ты неправ, юноша, — вмешался цирюльник. — Ведь в пятницу как раз и следует стричь волосы. Вот я поставил сегодня отцу твоему пиваки, да будет над ним благословение аллаха, и теперь он будет в безопасности от потери зрения и множества болезней. Поторопись, юноша. К тому же со мной астролябия с семью дисками, выложенными серебром, я хочу предсказать тебе твою судьбу на ближайшее время. Пользуйся тем, что я призван к вам в пятницу.

— Теперь я понимаю, — рассмеялся Якуб, — дело тут совсем не в стрижке, а в том, чтобы сделать мне предсказание. Но что ты можешь мне предсказать, почтенный брадобрей? Откуда тебе ведома моя судьба, когда я и сам о ней мало что знаю.

— Ты молод, юноша, что ты можешь знать об этом таинственном и загадочном? Ты отлично знаешь, что я говорю не вымысел, а основываюсь на расчетах по звездам.

— А я с некоторых пор не верю в эти предсказания, — ответил Якуб. — Я считаю их вымыслом и болтовней.

— Как ты смеешь так говорить! — рассвирепел старик, и его нижняя челюсть задрожала. — Я, старый человек, которого многие считают мудрым, должен выслушивать дерзкие слова от неоперившегося птенца.

— Помилуй аллах! — воскликнула Лейла. — Не надо ссориться. Ты устал, сынок, и потому так говоришь. Ты ведь знаешь, что почтенный брадобрей уже не первый год предсказывает отцу удачу в торговых делах. Он же разумным врачеванием сохраняет здоровье отца. Почему же ты ему не веришь? Я говорила доброму цирюльнику о своих сомнениях, и он сказал мне, что в его власти рассеять мои сомнения и внести ясность в мое сердце. Позволь ему, сынок, сделать тебе предсказание по астрологии с семью дисками, выложенными серебром.

— Какая причуда! А если мне не хочется выслушивать предсказания брадобрея, почему я должен покорно внимать его глупым речам? Какая будет мне польза?

— Не хочешь ли ты сказать, что отцу твоему не было пользы от моих предсказаний? — Теперь цирюльник уже не говорил, а кричал, потрясая кулаками.

Он был зол и сейчас просто ненавидел упрямого юношу, но он и не подумал покинуть поле битвы. Он решил во что бы то ни стало сделать свое предсказание. Это было нужно ему не только из упрямства, но и потому, что Лейла пообещала ему хорошее вознаграждение, если предсказание поможет ее сыну избрать истинный путь. А истинный путь, каким его представляла себе Лейла, должен был увести Якуба далеко от дерзкого мыслителя, который сумел за короткий срок внушить юноше, что звездочеты — болтуны и шарлатаны. На этот раз кроткая Лейла решила всеми средствами добиться задуманного и сделать так, чтобы Якуб по своей воле отказался от поездки в Хорезм и чтобы пожелал стать помощником отца.

— Поистине ты шакашик!¹ — кричал цирюльник, тыкая в Якуба указательным пальцем.

— Аллах тому свидетель, — кричал Якуб, — ты настоящий альбакук!²

¹ Шакаши́к — пустомеля.

² Альбаку́к — болтун.

— Не прекословь старому человеку, — взмолилась Лейла. — Он пришел к тебе с добрыми намерениями, к тому же я его позвала. Мне стыдно будет, если он уйдет с обидой в сердце. Сделай милость, сынок, покорись, и добрый человек выполнит свое намерение.

— Пусть сделает свое предсказание и скорее оставит меня в покое! Ведь не для этого я прибыл домой? Клянусь всемогущим, я не думал, что в Бухаре мне будет такая неудача! Я так стремился домой, и сердце мое предвкушало радость...

— Какая же в этом неудача, Якуб? Тебе хотят сделать добро, у матери сердце разрывается от тревоги, а ты недоволен.

Лейла посмотрела на сына своими большими выразительными глазами.

А тем временем цирюльник взял астролябию и стал предсказывать:

— От нынешней пятницы, пятого дня сафара¹, пройдет три дня, и ты будешь иметь дело с верблюжатником. Он будет способствовать твоей встрече с человеком, но тебе лучше его не встречать. Я это говорю с полным знанием дела, потому что мои расчеты по звездам сулят неудачу в этой встрече. Ты покинешь свой родной город Бухару и пойдешь по караванным тропам для своего дела, но тебе не предвидится удачи. Согласно расположению звезд над тобой путешествие следует отложить до лучшего времени.

— Слова нашего уважаемого цирюльника близки к истине, — сказала Лейла, увидев, как старик прячет за пазуху свою астролябию.

— Я предвижу, что встреча с верблюжатником принесет один только вред. Ты должен остаться дома, сын мой. К чему торопиться? Как говорят умудренные опытом, поспешность — от дьявола, а медлительность — от милосердия.

— И все же через три дня я добуду верблюдов и доберусь до Хорезма. Я снова примусь за книги. Только они способны открыть мне путь к знаниям и снять покров невежества, который мешает нам видеть прекрасный мир.

Лейла с плачем покинула сына и дрожащей рукой отсчитала цирюльнику несколько дирхемов за предсказание. Оно не было добрым, это предсказание, но оно справедливо предостерегало ее сына от грозящей опасности. Лейла всей душой надеялась, что сын внемлет голосу истины. И вот оказалось, что все ее усердие ни к чему не привело. Что же ей делать? Как помочь сыну распознать истину, поверить звездочету? Лейла решила на этот раз превозмочь свою робость и погово-

¹ Сафар — второй месяц мусульманского календаря.

рить о делах Якуба с Мухаммадом. Он, конечно, удивится и скажет, что это не женское дело, но, узнав, что звездочет предсказывает неудачу, отец постарается уговорить Якуба не покидать родной дом, остаться в Бухаре. В тот же день Лейла обратилась к мужу и со слезами на глазах рассказала ему о предсказании, сделанном цирюльником.

— Помилуй аллах, — удивился Мухаммад. — Я всегда верил моему брадобрею, человеку честному и знающему свое дело. Но ведь он сделал хорошее предсказание, когда Якуб еще только собирался в Хорезм. Когда же его предсказание было верным — в эту пятницу или в ту пятницу? Я хорошо помню, как в ту пятницу, почти год назад, старик говорил, что начало пути у юноши будет светлым, вселяющим радость. Он предсказывал, что никакие помехи не стоят между ним и задуманным желанием. А теперь он говорит, что сыну моему не предвидится удачи. Поистине мне надоел старый аль-фашшар¹. Я больше не стану его звать к себе и пивок ставить не буду.

— Как ты можешь так обижать преданного тебе человека! — Лейла расстроилась и от огорчения уже не могла сдерживать себя. — Одна беда другую погоняет. Мухаммад, ты не должен гнать от себя старого цирюльника. Якуб назвал его аль-бакбуком, ты назвал его аль-фашшаром. А чем он провинился перед вами? Не тем ли, что сказал истину? Разве он виноват в том, что небо отказало нам в своем покровительстве? Пусть аллах прибавит нам силы и терпения.

— И я верил своему звездочету! Но согласись, что он неправ.

Впервые за много лет родители Якуба поспорили, и Мухаммад впервые подумал о том, что его кроткая Лейла уже перестала быть кроткой.

— Звездочет неправ! — воскликнул Якуб вслед за отцом.

В душе он праздновал победу.

Размышляя перед сном о случившемся, Якуб подумал о том, что его учитель полон мудрости, если осуждает занятия звездочетов. Конечно, он, Якуб, поедет в Хорезм. Бредни старого цирюльника не остановят его. Ему только жалко мать, он бы не хотел ее огорчать. Она не виновата, ей с детства забивали голову всякими вымыслами. Но отец — он больше понимает, он теперь уже не должен верить в лживые слова звездочета. Отец не станет препятствовать сыну в его добром начинании. Пройдет еще два дня, и он сговорится с верблюдом.

В эту ночь Якуб спал сладко и безопасно, а проснувшись поутру,

¹ А л ь - ф а ш ш а р — брехун.

он прежде всего подумал, что ему очень хочется в Хорезм к мудрым книгам устода, к трудным и заманчивым занятиям. Не прошло еще и года с тех пор, как он впервые покинул дом своего отца, и как сильно все изменилось вокруг него! То, что прежде казалось ему важным и значительным, выглядело сейчас пустым и ненужным. Ведь совсем еще недавно он с трепетом выслушивал предсказания старого цирюльника, которые неизменно предшествовали выезду отца с караваном. Если старик предостерегал отца, Мухаммад покорно слушался и откладывал свою поездку, будучи уверен, что старому звездочету заранее известны удачи и беды, подстерегающие путника. И он, Якуб, прежде так думал. А сейчас что-то изменилось, и он уже больше не верит глупым рассуждениям самонадеянного старика. И доверчивость матери кажется ему нелепой.

Размышляя о происшедшем, Якуб думал о том, что приезд в Бухару не доставил ему радости, какую он предвкушал, покидая Гургандж. Впрочем, он неправ. Есть все же в Бухаре человек, к которому стремится его сердце. Вот кто доставит ему истинную радость — его добрый старый мударис. Он сегодня же навестит старика и с удовольствием поговорит с ним. Кстати, и подарок есть. Старик всегда очень любил жареный миндаль, вот хорошо будет угостить его миндалем, привезенным из Хорезма.

Якуб пришел к мударису в полдень, после дневной молитвы, когда старик, утомившись от утренних занятий, имел обыкновение отдыхать.

— Добро пожаловать, Якуб! — приветствовал юношу мударис. — Я рад тебя видеть. Исполнилось ли твое желание? Достиг ли ты того, к чему стремился?

— Я весьма доволен, — отвечал Якуб. — Поистине у меня открылись глаза, и я стал видеть окружающее так, будто сняли пелену, которая заслоняла белый свет.

— Чем же ты увлечен, Якуб? Расскажи о твоих занятиях. Мне весьма любопытно знать, чем занимается при дворе Мамуна прославленный хорезмиец Абу-Райхан ал-Бируни.

— Легче сказать, чем он не занимается. Ученость уважаемого Абу-Райхана удивительна. Он пытается распознать такие загадки природы, что просто диву даешься. Я рядом с ним песчинка на бескрайнем берегу, маленький камешек у высокой горы, но я кое-что делаю и кое-что вижу. Из всех занятий, разнообразие которых может удивить любого ученого, моему сердцу дороже всего наука о камнях. Когда мой учитель делает опыты с драгоценными камнями, я готов дни и ночи помогать ему. Очень это заманчиво — увидеть своими глазами, как влияют

на драгоценные камни жар и холод, узнать их свойства и особенности.

— Это любопытно! — оживился мударис. — Ну-ка, расскажи, как вы определяли качество драгоценных камней.

— Мы многое делали, но вот совсем недавно мы пытались изменить окраску некоторых камней, нагревая их. Мы взяли сердолик, поместили его в жаровню, переложив кусками кизяка, и накаливали. Затем оставили до охлаждения и после этого извлекли. От огня кусок сердолика несколько уменьшился, но цвет его стал лучше. Чтобы очистить красный цвет рубина от фиолетового оттенка, его нагревали закатанным в глину столько времени, сколько нужно для того, чтобы расплавить один мискаль¹ золота. Огонь уничтожает все цвета, кроме красного цвета яхонта. Изумруд не выдерживает нагревания и теряет цвет, а зеленый лал не меняется.

— Все это удивительно, Якуб! Но помилуй бог, где же взять такие богатства, чтобы сжигать на огне драгоценные камни? Ученый должен обладать несметными сокровищами, если он вздумает таким образом проверить правоту своих суждений. Неужто так богат ал-Бируни?

— Представь себе, он вовсе не богат. Наоборот, я бы сказал, что он подобен бедному, неизвестному человеку, у которого есть только насущный хлеб и халат, чтобы в пристойном виде предстать перед великими мира сего.

— Откуда же эти лалы, сердолики и яхонты? Ведь их не подберешь на пыльной дороге?

— Насколько мне известно, все это достается Абу-Райхану с величайшим трудом. В одном случае он тратит на покупку камней все свое достояние, в другом — пользуется подарком хорезмшаха. А бывает и так, что гранильщик или ювелир рискнет небольшим камешком из любопытства. От каждого понемногу, а в результате можно сделать опыт. Мы делаем много опытов, прежде чем ал-Бируни сделает свои выводы, раньше никому не ведомые. Но опыты делаются после того, как прочитаны горы книг. Многие люди посвятили себя этой благородной науке и написали о своих опытах. Есть книги индусов, древних греков, персов.

— И вы читаете такие книги? — удивился мударис. — Да ведь это святотатство! Разве ученый-хорезмиец забыл слова правоверного халифа Омара? Он говорил: «Если науки учат тому, что написано в Коране, они излишни; если они учат другому, они безбожны и преступны». И я давал тебе книги, но то были книги правоверных мусульман.

¹ М и с к а л ь — мера веса, 4 грамма.

Увы, как я ошибался, считая Абу-Райхана ал-Бируни правоверным мусульманином! И опыты ваши нечистые! Не говори мне больше об этом ученом, Якуб! Я слушать не хочу о нем! Боюсь, что он отступился от веры аллаха, а ты последуешь за ним. Для того ли я учил тебя долгие годы и внушал веру и уважение к священной книге мусульман?

— Помилуй, мударис! Для чего же я учил грамоту? Неужели только для чтения корана?

— Ступай! Сердце мое наполнилось горечью сомнений. Не говори мне больше о дерзком хорезмийце.

Мударис был разгневан. Он вскочил так быстро и порывисто, что задел поднос с жареным миндалем, и Якуб увидел, как покатались по комнате орешки миндаля.

— Воля твоя, мударис... Я не хотел вносить смятение в твои мысли. Аллах знает, я пришел с добрыми намерениями.

С этими словами огорченный Якуб покинул медресе и даже не взглянул к своим сверстникам, которые, пользуясь отсутствием мудариса, весело играли в кости.

Через два дня, покидая Бухару, Якуб с горечью думал о том, что теперь его уже ничто не влечет в родной город. Встречи и разговоры, связанные с его занятиями, вдруг совсем неожиданно раскрыли перед ним невежество близких и дорогих ему людей. Ему было обидно и больно, словно он потерял что-то очень дорогое его сердцу. Но зато он по-новому видит все то значительное, что он обрел в обществе своего устода. Он понял, что теперь не скоро захочет приехать в Бухару, а благородному Абу-Райхану он смело сможет сказать, что излечился от печали. Да, он скажет: «Разлука с близкими больше не тревожит меня».

СВЕТИЛЬНИК ГОРЕЛ ВСЮ НОЧЬ

Лунный свет серебряным потоком залил узкую, пыльную улочку с ее глиняными оградами, развесистыми тутовниками и домиками ремесленников, за которыми прятались плодовые сады. Здесь, на окраине Гурганджа, пахло созревшими плодами и пряным запахом согретой солнцем листвы. Если бы порой не доносилось зловоние, идущее от сваленных в кучу отходов, здесь было бы так же душисто и прохладно, как в садах богачей.

Когда утих лай собак и плач младенца, доносившийся из-за глиняной стены, Якуб отчетливо услышал дружный хор кузнециков. Их давно знакомая песня напомнила ему детство и такую же песнь кузнециков в саду, за которым ухаживал старый погонщик верблюдов Абдулла.

«Ах, Абдулла, — вздохнул Якуб, — каждую свободную минуту ты отдавал саду. Я помню, как ты говорил, что зеленые растения — это те же дети аллаха и потому их надо любить, как мы любим всякое живое создание. И я полюбил их всем сердцем. С тех пор я никогда не прохожу равнодушным мимо цветущей яблони или красного мака,

сорванного в поле. Я любил забираться в твою глиняную хижину, запрятанную в глубине тенистого сада. Я никогда не знал, когда ты просыпаешься, Абдулла. Мне казалось, что ты поднимаешься вместе с цветами и пьешь ту живительную росу, которую им посылает небо. Может быть, от этого ты был всегда веселым и добрым, Абдулла?»

Так, мысленно обратившись к дням своей юности, Якуб представил себе на мгновение родной дом и Абдуллу, согнувшегося над грядкой душистой мяты.

«Хорошо бы увидеть сейчас старика, — подумал юноша, и от этой мысли даже потеплело на сердце. — Если бы свершилось чудо и Абдулла вдруг очутился здесь! Постоять бы рядом с ним и услышать хорошее слово. Ведь добрее Абдуллы нет человека на свете».

Оглядываясь по сторонам, словно надеясь увидеть Абдуллу, Якуб обратил внимание на стену, посеребренную лунным светом и увитую виноградными лозами.

— О, совсем как дома! — воскликнул радостно Якуб. — У нашей калитки так же. — И, поднявшись на цыпочки, он сорвал кисть сочного винограда, почти черного в лунном свете.

Ему показалось, будто он у калитки своего дома. Там такая же стена с виноградными лозами. Тенистая аллея ведет от калитки до порога дома. А на пороге в эту пору всегда сидит мать, отдыхает от дневных забот.

«Как дома», — подумал Якуб, общипывая сочные виноградины. Эти лозы годны для красного душистого вина. Давно уже он не пил этого вина. Если бы он был дома, то, наверно, как и прежде, стал бы теперь срезать виноград. А потом он пошел бы в давяльню. Там Абдулла делал вино. Вместе с мальчишками из соседнего двора он всегда помогал Абдулле. Вначале они долго мыли ноги в арыке, где плескались утки. А потом прыгали и плясали на виноградных кистях, стараясь раздавить каждую ягоду. Он так трудился, что никто из мальчишек не мог с ним сравниться в усердии. И, когда красная виноградная струя стекала по желобу в громадный глиняный сосуд, настил в давяльне становился лиловым.

Хорошее было время, подумал Якуб, но оно ушло безвозвратно. Скоро уже два года, как он в последний раз навестил родителей. И, хотя он тогда рассердился на мать и вознегодовал на старого цирюльника, сейчас он бы охотно повидал их и сказал им, что любит всех по-прежнему. И еще сказал бы, что ему стыдно за те дерзости, которые он позволил себе сказать в минуту гнева. И как он мог подумывать тогда, что душа его не будет стремиться к порогу родного дома!

Она стремится туда постоянно. И дня не проходит, чтобы ему не вспомнился родной дом. В письмах к отцу он говорит об этом без утайки. А отец умный, он все понимает и нисколько не осуждает сына. Наоборот, он говорит, что так и должно быть. Что нельзя забывать родной дом и не следует пренебрегать памятью о людях, которые желают тебе добра и помнят о тебе. На что же намекает отец? На свои заботы или на доброту старого погонщика? Но видит всемогущий — он не пренебрегает памятью о своих близких. И если бы можно было отделить сердце от разума, то разум его остался бы здесь, а душа вернулась бы к порогу родного дома. О, если бы учитель знал, с какой радостью он пошел сейчас к ювелиру Юсуфу, на эту пыльную улочку, напоминающую чем-то улицу Ткачей в Бухаре! Она такая же кривая, узенькая и пыльная. Сейчас, при луне, даже не поверишь, что это Хорезм, а не Бухара. Только нет за этой улочкой тех мечетей и минаретов, как в Бухаре. Здесь все по-другому.

«Однако мне взгрустнулось, — подумал Якуб. — Я тоскую, но ни за что не покину Хорезм. Я не хочу расставаться с моим благородным устом. Мне трудно, но и радостно». С чем можно сравнить радость ожидания? Иной раз во время опыта так и ждешь чего-то, волнуешься, все думаешь: вот перед тобой откроется что-то таинственное. И сегодня будет что-то новое. Так хочется скорее увидеть этот опыт с красными камнями! Хорошо, что ювелир Юсуф прислал мальчонку с добрыми вестями. Он велел скорее идти к нему за красными камнями. Это будут хорошие образцы для сравнения, когда устод станет нагревать лалы. Абу-Райхан обрадовался, как младенец, когда увидел мальчонку. Он захлопал в ладоши, радостно засмеялся и велел тут же пойти к Юсуфу, чтобы немедля начать опыт. Хорошо, что камни уже здесь, за поясом. Якуб нащупал их в маленьком мешочке и вспомнил слова ювелира: «Скажи усту, что я всегда рад ему услужить. Я знаю, что он делает опыты для науки, не для своей прихоти. А когда Абу-Райхан сделает свои опыты, пусть вернет мне эти камни».

Якуб был рад передать усту добрые слова Юсуфа. Ему нравился ювелир; нравился тем, что, не зная никаких наук, он с величайшим уважением относился ко всем причудам ученого и, уважая ал-Бируни, всегда хотел помочь чем-либо.

«Такой скромный, бескорыстный друг, пожалуй, дороже, чем богатый чиновник», — подумал Якуб.

Миновав узкие, извилистые закоулки квартала ремесленников, Якуб вышел на широкую улицу, где высились дома чиновников дивана. Вот и дом дабира. Из-за высокой стены, скрывающей от прохожих

тенистый сад, слышен веселый смех и звуки арфы. Якуб подумал, что у дабира, должно быть, весело и приятно. У бассейна, среди цветов, стоят низкие удобные суфы, покрытые дорогими коврами. Слуги подают гостям вино и фрукты. Кто-то услаждает их слух игрой на арфе. А хозяин блещет потоком остроумия. Якубу как-то пришлось побывать у дабира по поручению устода, и он видел этот богатый дом, более изысканный, чем у самого вазира.

«Напрасно устод не бывает в его доме, — подумал Якуб. — Надо когда-нибудь отвлечься, отдохнуть. Абу-Райхан никогда не позволяет себе такой роскоши. Он поистине одержимый».

Якуб не мог вспомнить случая, когда бы ученый по собственной воле покинул свой дом, чтобы воспользоваться гостеприимством своих добрых друзей. Единственным исключением был дом его друга Хасана, человека знатного и богатого. Но и к нему ал-Бируни приходил в тех редких случаях, когда ему не терпелось поделиться своей удачей в исследованиях. Хорошо, что ал-Хасан сам нередко заглядывал в дом ученого. Его очень интересовали опыты Абу-Райхана, его успехи в астрономических исследованиях. Перед уходом ал-Хасан неизменно передавал привет от своей дочери Рейхан и приглашал ученого к себе в гости.

— Ты ведь знаешь, Абу-Райхан, — говорил ал-Хасан, — как мы всегда хотим тебя видеть. Каждый твой приход приносит нам радость.

Как-то, покидая дом ученого, ал-Хасан сделал знак Якубу, давая понять, что просит его проводить. Когда они вышли за калитку, ал-Хасан сказал Якубу, что просит его зайти к его дочери Рейхан.

— У Рейхан есть к тебе дело, — сказал он. — Может быть, ей хочется порасспросить тебя о ваших опытах с драгоценными камнями? Моя Рейхан очень любит красные камни. У нее есть перстни и браслеты с яхонтами и рубинами. Зайди к ней, поговори.

Якуб был радостно удивлен. На следующий же день он поспешил в дом ал-Хасана. Якуб слышал, что дочь ал-Хасана очень красива, но он никогда не видел ее и представления не имел, для чего она могла его звать к себе. Сейчас было смешно подумать об этом, но тогда, еще до того, как Якуб встретился с ней, в душу его закралась надежда: а вдруг она зовет его лишь для того, чтобы познакомиться? Может быть, она из уст Абу-Райхана узнала о том, что он, Якуб, не очень глуп, недурен собой и подает надежды... стать настоящим ученым... О, как наивны юношеские мечты! Как он мог придумать такое? Короткий путь к дому Хасана показался ему тогда бесконечным. Ему не тер-

пелось узнать, зачем же его вызывает Рейхан. В радостном волнении он отворил калитку и вошел в прохладный благоуханный сад.

«В самом ли деле она так красива?» — думал юноша, с любопытством оглядываясь и нерешительно шагая по дорожке, ведущей к бассейну. Там он увидел легкое покрывало девушки и стройный стан, склоненный над кустом алых роз. Длинные косы опустились до земли и небрежно лежали на траве. Юноша не видел лица Рейхан, он видел только, каким грациозным движением она срезает громадные благоухающие розы. Услышав шаги, девушка подняла голову и обожгла юношу взглядом больших лучистых глаз.

«Чудо, как хороша!» — подумал Якуб, от смущения не находя слов для приветствия.

— Не правда ли, красивы? — спросила девушка, протягивая Якубу розы. — Тебе нравятся эти цветы?

— Очень нравятся. Я в жизни не видывал таких больших ароматных роз! — воскликнул в восхищении Якуб.

Ему еще хотелось сказать, что он в жизни не видел подобной красавицы, но он не знал, можно ли говорить такие слова.

Глядя на розы и чувствуя необычайное смущение, Якуб думал о том, что глаза Рейхан излучают свет, подобный звездам, и хотелось бы стоять здесь целую вечность, но он не знал, может ли стоять рядом с ней и слышать ее голос, такой мелодичный и нежный. . .

— Вот ты какой, ученик нашего Абу-Райхана! — воскликнула девушка, не скрывая своего удивления. — Ты совсем молод, а отец говорил мне, что ты хороший помощник. Я рада тебя увидеть. А ты... можешь сохранить тайну?

— Могу!

«Какое счастье! Она рада видеть меня! — думал, все более смущаясь, Якуб. — Какая прекрасная, какая чудесная Рейхан...»

— Я была бы тебе благодарна, Якуб, если бы ты согласился время от времени заходить ко мне за розами. . .

Девушка перебирала только что срезанные розы и, любуясь каждой из них, говорила:

— Они прекрасны, не правда ли? . .

С замиранием сердца слушал Якуб эти слова. Розы для него? . . Какое счастье! . . И какое волнение. . . Что сказать? Откуда взять слова? Как вспомнить стихи Рудаки? Поистине никогда еще он не попадал в такое трудное положение. Пожалуй, сейчас страшнее, чем в тот час, когда он впервые предстал перед великим Абу-Райханом. А девушка продолжала:

— Ты возьмешь эти розы, Якуб, и поместишь их в сосуд с водой, чтобы они долго стояли и чтобы... — Девушка вдруг остановилась, призадумалась и, опустив глаза, сказала: — Чтобы Абу-Райхан, занимаясь своими трудами, мог хоть изредка любоваться их красотой.

Так вот для чего розы! Как это грустно и печально! Но почему же на сердце вдруг стало легко и спокойно, словно с плеч свалился камень?

— Я передам, охотно передам, Рейхан. Но в чем же тайна?

— В моей просьбе, Якуб. Я не хочу, чтобы ал-Бируни знал о том, что я посылаю ему цветы. Пусть он думает, что ты сам приносишь их ему. И еще я попрошу тебя не говорить ему о том, что ты был у меня и еще будешь бывать. Пусть это останется между нами. А я, пользуясь твоей добротой, смогу узнавать о здоровье твоего устода. Ты будешь рассказывать мне о ваших опытах. Ты не удивляйся, Якуб. Я прошу тебя об этом лишь потому, что много раз видела твоего устода в нашем доме и всегда он казался мне чрезмерно озабоченным и даже печальным. Ему, должно быть, тоскливо. Ведь он одинок...

— Ему некогда тосковать, — пробормотал Якуб, — он очень занят. Бывает так, что он по многу дней не подымается со своей суфы и все пишет, пишет...

Якуб наконец осмелился поднять глаза и посмотреть в лицо прекрасной Рейхан. И он увидел, как оно печально. Девушка стояла перед ним удивительно красивая и таинственная, протягивая ему цветы.

— Тебе не трудно это сделать, Якуб?

— Не трудно, Рейхан! Хотя каждый день буду приходить за розами. Разве это трудно? Я уверен, моему устоду будет приятно видеть перед собой такие красивые цветы.

С этими словами Якуб поклонился Рейхан и поспешил уйти. С тех пор он частенько заходил в сад ал-Хасана, и каждый раз, когда он приносил благоуханные розы своему учителю, ему бывало очень грустно от того, что клятва, данная девушке, сковывает ему уста и запрещает выдать тайну. А так хотелось, чтобы устод узнал, какая чудесная, красивая девушка посылает ему эти розы! Но и не зная этого, Абу-Райхан радовался цветам.

— Посмотри, Якуб, — говорил учитель в минуту отдыха, — как добра, как щедра к нам природа, создавшая такие сокровища. Какой аромат, какие краски, сколько в этом красоты и благородства! И все это на несколько дней. Роза увянет, но в саду уже расцветает ее сестра, призванная доставить нам новую радость. Знаешь, Якуб, — заметил шутливо ученый, — эти розы навевают неясные мечты, и мне

вдруг захотелось отложить математические вычисления и приняться за стихи. А времени мало, надо многое успеть сделать для науки. Нельзя позволить себе роскошь писать стихи. Ведь это усада для сердца. А кто же закончит сложные вычисления, над которыми я сижу уже целую неделю?..

Но вот и дом Абу-Райхана. Бронзовый светильник озаряет большую глинобитную суфу, покрытую потертым ковром, кипу книг, разбросанных на сундуках, и ученого, склонившегося над своими сложными вычислениями. Ал-Бируни долго еще не подымает головы и молча что-то пишет. И только тогда, когда Якуб вынимает из мешочка драгоценные камни и кладет их на чистый лист бумаги, ал-Бируни подымает голову и счастливая улыбка озаряет его усталое лицо.

— Отличные лалы, — говорит он, рассматривая камни на свет. — Превосходные камни! Посмотри, как они хорошо полированы, какой чистый блеск. Искусная полировка сделала эти камни как бы прозрачными. Они блестят так, словно смочены водой. А теперь сравним лалы, присланные Юсуфом, с нашими. Посмотрим их сейчас и после подогрева в тигле. Разожги очаг, Якуб!

— Юсуф говорит, что название этого лала указывает не столько на место добычи, сколько на место торговли этими камнями. Верно ли это? — спрашивал Якуб.

— Это давно известно, — заметил ал-Бируни. — Известно, что их привозят в Бадахшан¹ и там обрабатывают — шлифуют и гранят. Для этих лалов Бадахшан — ворота, откуда они распространяются по другим странам. А сами рудники находятся в местности, под названием Барзкандж, на расстоянии трехдневного пути от Бадахшана...

И ал-Бируни стал с увлечением рассказывать о том, как добываются эти лалы в шахтах. Якуб узнал, что проходка шахт — это дело рискованное и подобно игре в карты или путешествию в пустыне, где нет уверенности в достижении цели, если нет хорошего проводника. Но поиски облегчались тем, что были известны породы, сопровождающие драгоценный камень.

— Надо быть терпеливым, — говорил Абу-Райхан. — Можно долго и безуспешно искать, но если найдешь белый камень, похожий на мрамор, только гладкий и мягкий, значит, можно питать надежду найти благородный лал...

Якуб внимал каждому слову устода. Ему очень хотелось все это сейчас же записать, как он делал это всегда, но он был занят разжи-

¹ Бадахшан — горная область на северо-востоке Афганистана.

ганием очага и приготовлением тигля, в котором надо было нагревать камни. «Ничего, — подумал юноша, — я ночью все запишу. Теперь я уже привык запоминать сказанное устомом, чтобы потом, на досуге, все тщательно записать».

Опыты с драгоценными камнями все больше привлекали внимание Якуба. Он нередко засиживался над книгой ал-Кинди и тогда неизбежно обращался к усту — верно ли сказанное этим знатоком драгоценных камней.

«Камень хоть и загадочен, но он тут, его можно взять в руки и что-то сделать с ним; — думал Якуб. — Это не то что звезды небесные. Они мерцают в далеком небе — попробуй проверь, верно ли сказали о них индусские астрономы. Они манят своей загадочностью, но отвращают своей недоступностью. Я заблуждался, когда мечтал стать астрономом. Увы, мне не постичь непостижимое! Аллах сотворил небосвод и светила, и только ему доступно понимание этого. Камни — они привлекают меня. Только бы запомнить все сказанное устомом р лалах!»

Пока Якуб возился с очагом, ал-Бируни внимательно осматривал каждый камешек и все время что-то записывал, словно обнаружил какое-то замысловатое явление.

«О чем скажешь, глядя на такой крошечный красный камень? — подумал Якуб и захотел было задать вопрос, но не спросил: подумал, что может выдать свое невежество, которое сейчас, через три года пребывания рядом с ученым, казалось ему недопустимым. — Завтра же прочту все, что найду о лалах и разных красных камнях, — подумал Якуб. — То, что я прочел в старинной книге об изумрудах, было чудесно! Как хорошо, что и я владею изумрудом, добытым в сказочном индийском царстве. И как славно, что перстень предохраняет меня от моровой язвы и от чар любви!»

Якуб усмехнулся собственной мысли. В самом деле, он был как бы застрахован от чар любви. Как не поверить, когда это доказано! Устом не верит в таинственную силу драгоценных камней. Сколько опытов он сделал для того, чтобы с полной уверенностью сказать, что разговоры о волшебном действии разных камней — все это глупые выдумки! А напрасно. Хочется верить.

Когда очаг нагрелся, ал-Бируни сам положил красные камни в тигель и велел нагревать их на медленном огне. Сделав все необходимое для опыта, Якуб напомнил Абу-Райхану, что настало время ужинать. Он знал, что без напоминания устод забудет поесть. Во время ужина Якуб снова заговорил о лалах и, когда ученый рассказал ему

еще много разных подробностей о способах поисков и добычи этого камня, юноша был просто в восторге.

С нетерпением ждал Якуб той минуты, когда можно будет извлечь из тигля подогретые камни и сравнить их с теми, которые прислал Юсуф. Абу-Райхан взял в руки камешки, еще не совсем остывшие. Он нашел, что их цвет стал гуще и красивей. Якуб тоже заметил разницу к лучшему. Ал-Бируни бережно сложил в мешочек камни, присланные Юсуфом, и попросил Якуба утром доставить их ювелиру.

— Мы славно потрудились, — сказал учитель Якубу, — а теперь ступай домой, тебе ведь рано вставать. Береги драгоценный мешочек Юсуфа.

— Я все сделаю, мой угод, только позволь долить масла в светильник, он может тебе понадобиться. Вчера он горел всю ночь...

— Как хорошо, что ты вспомнил, Якуб! Моя забывчивость иной раз отнимает много времени. Да удалит от тебя аллах заботу, горе и беду.

Вернувшись в свою каморку, Якуб зажег светильник и взял в руки калам. Он с удовольствием погладил лист желтой самаркандской бумаги, подарок отца, и принялся записывать все, что узнал сегодня о красных камнях. Он подробно написал о том, как происходил опыт, как бережно и осторожно они нагревали красные камни в тигле и как потом охлаждали их и сравнивали с другими камнями такого же цвета. Он записал о бадахшанских лалах, добываемых высоко в горах. А когда кончил все свои записи, то надумал написать письмо отцу и рассказать ему об индийских изумрудах. Он давно собирался это сделать, ему было приятно, что в перстне, подаренном ему отцом, есть камень, о котором так хорошо написано в старинной книге.

«С желчью царя Данавы устремлялся Васука, царь змей, рассекая надвое небо. Подобно огромной серебряной ленте, он отражался в раздолье моря, и зажигалось оно огнем отблеска его головы.

И поднялся ему навстречу Гаруда, ударяя крыльями, как бы обнимая небо и землю. Индра-змей сейчас же выпустил желчь к подножию горы — владельницы Земли, туда, где деревья благоухают каплями сока, а заросли лотосов наполняют воздух своим запахом.

Там, где упала она на землю, где-то там вдали, в стране варваров, на границах пустыни, близ берега моря, — там положила она начало копиям изумрудов.

Но Гаруда схватил в свой клюв часть упавшей на землю желчи и, вдруг охваченный слабостью, выпустил ее через свои ноздри обратно на гору.

И образовались изумруды, цвет коих подражает цвету шеи молодого попугая, молодой травке, водяной тине, железу и рисункам пера из хвоста павлина.

Эту копь, расположенную на том самом месте, куда упала желчь короля Дайтьев, брошенная пожирателем змей, очень трудно отыскать».

И еще Якуб сообщил пять достоинств и семь пороков камня, восемь оттенков и двенадцать цен. Он был счастлив, когда перечел свое письмо адресованное купцу Мухаммаду ал-Хасияду из Бухары. Но, подняв голову, юноша увидел, что наступило ясное, свежее утро и крошечный фитилек светильника едва мерцает.

«И я просидел всю ночь подобно великому Абу-Райхану. Поспешу же скорее к нему, ведь мысли мои постоянно там, у сундуков со старинными книгами, у длинных, мелко исписанных свитков, над которыми неустанно сидит мой устод».

Когда Якуб вошел в дом Абу-Райхана, он увидел ученого склонившимся над длинным свитком. Но вместо формул юноша заметил стройные ряды стихов. Глаза устода горели, на щеках был румянец, а рядом с ним на суфе догорал тусклый огонек светильника. В лучах солнца он был таким жалким и беспомощным!

— Ты был прав, Якуб! — воскликнул устод. — Светильник горел всю ночь. Но не подумай, что я закончил свои расчеты. Формулы были отложены, и калам мой, не подчиняясь больше моей воле, стал писать стихи. Не розы ли тому виной?

МОГУЩЕСТВУ ХОРЕЗМА УГРОЖАЕТ МАХМУД

На закате, когда голос муэдзина, всегда пронзительный, а иногда и зловещий, призывал рабов аллаха к молитве и когда все правоверные, живущие в Гургандже, обращали свои взоры к Мекке, ал-Бируни, следуя обычаю всех мусульман, опускался на маленький потертый коврик. Стоя на коленях, он повторял слова вечерней молитвы, всегда одни и те же, давно знакомые и привычные. Без особых мыслей к аллаху, не переставая держать в памяти начатую формулу расчета, ученый выполнял свой долг мусульманина, а затем снова принимался за работу.

Когда наступала вечерняя прохлада, Абу-Райхана нередко навещал его друг ал-Хасан, занимающий почетное место в диване вазира. Обычно он приходил с новостями, которые казались ему значительными, и это, как он думал, давало ему право нарушать занятия ученого.

В последнее время становилось все больше и больше новостей, которые волновали ал-Хасана. Много было тревог у Мамуна, появилось много забот у служителей дивана. Спокойствие покинуло дворец

правителя. Этого не мог не видеть Абу-Райхан, близкий ко двору хорезмшаха. У ал-Бируни появилось такое ощущение, словно над ясным небом Хорезма нависли зловещие тучи.

На этот раз, когда в настежь распахнутых дверях, ведущих в сад, появился ал-Хасан, Абу-Райхан тотчас же отложил свой свиток с формулами и, приветствуя друга, как-то многозначительно сказал:

— А вот сегодня я знаю, о какой грозе ты хочешь сказать. Больше того — я сам в какой-то мере призван разогнать тучи и очистить от мрака синее небо Хорезма.

— Не тебе ли, Абу-Райхан, поручено встретить посла халифа Кадира? Мне известно, он послан в Хорезм с почетной одеждой шаху Мамуну и титулом «Око государства и украшение религиозной общины».

— Мне доверено встретить этого посла, — ответил Абу-Райхан. — Мамун хочет перехитрить халифа Кадира. Он понимает, что все эти почести пожалованы ему не от доброго сердца, а для того чтобы вызвать ярость султана Махмуда. К чему это, когда султан и без того со злобой взирает на удачу Мамуна? Поручив мне встретить посла где-то в пути, хорезмшах надеется скрыть от султана Махмуда внимание, оказанное ему халифом. Мамун понимает: как только султан узнает о почестях, дарованных хорезмшаху халифом, он не стерпит обиды и затаит недоброе против Хорезма.

— Я давно уже думаю об этом, — сказал Хасан. — От султана Махмуда можно всего ждать. Жестокость и коварство уживаются в нем с фанатичной преданностью аллаху, но мне иной раз кажется, что и преданность его не лишена корысти. Может, правду говорят, будто он устраивает походы для грабежей и прикрывает их знаменем священной мусульманской войны? Да и как понять отношение султана Махмуда к хорезмшаху? Казалось бы, что здесь проявилась его благосклонность: иначе почему же султан отдал в жены Мамуну свою сестру? И почему он так сердечно называет Мамуна зятем, своим братом?

— Боюсь, что добрые слова прикрывают дурные помыслы. Это очень прискорбно.

Ал-Бируни тут же пояснил это:

— Но если бы Махмуд Газневидский не был таким, то вряд ли ему, простому тюрку, сыну саманидского гуляма Себуг-Тегина, удалось бы стать всемогущим султаном. И все же нам неведомо, чего хочет султан Махмуд. Не задумал ли он завладеть Хорезмом?

— Но разве мало ему земель, которые простерлись от северной

Индии до южного берега Хазарского моря? — заметил ал-Хасан. — Ведь все это под пятой Газневида. Нет, нет! Это вымысел. Он не пойдет на Хорезм. Но лазутчики хорезмшаха лишили Мамуна покоя. Их ложные донесения сделали его чрезмерно осторожным. Я не знал, кому поручено встретить почетного посла халифа Кадира, но мне известно, что хорезмшах не пожелал принять его во дворце, боясь, что вся эта затея станет известна в Газне.

— Мне неизвестно, какие козни готовит Хорезму султан Махмуд, — ответил ал-Бируни, — но я видел тревогу на лице хорезмшаха. Он был озабочен необычным вниманием халифа Кадира и принял сообщение о наградах как некий вызов. Он не ждет добра и за этими почестями ничего хорошего не видит. Он говорил мне о своих тревогах. А мне трудно понять, что задумал коварный Махмуд. Но что-то он задумал!

— Одно могу сказать, — воскликнул ал-Хасан, — могуществу Хорезма угрожает Махмуд!

Последние слова услышал Якуб, вернувшийся с книгами для устода. С его появлением разговор прервался, но по лицам собеседников Якуб видел, что они чем-то взволнованы и, возможно, еще не все сказали. «Не помешал ли я им?» — подумал Якуб и, оставив книги, хотел уйти.

— Не торопись, — остановил его ал-Хасан. — Меня ждут, я все равно уйду.

Прощаясь с Абу-Райханом, ал-Хасан, как всегда, просил посетить его дом. Против обыкновения, ал-Бируни пообещал. Это было настолько необычно, что Якуб в изумлении уставился на устода. К тому же в ушах звучали слова, сказанные ал-Хасаном. Они словно повисли в воздухе, казалось, что они звенят: «Могуществу Хорезма угрожает Махмуд...» Если так сказал человек, близкий ко двору хорезмшаха, то слова эти что-то означают. Но как узнать, что они означают? Об этом не спросишь ал-Бируни. Устод не имеет обыкновения говорить с ним о делах хорезмшаха. За четыре года, проведенных в Хорезме, Абу-Райхан ни разу не говорил с Якубом о шахе Мамуне и его дворе. И то, что ал-Бируни делал для самого правителя, также оставалось тайной для Якуба. В доме устода велись весьма скупые и немногословные разговоры. Они касались лишь опытов, исследований, книг. Якуб долгое время не обращал на это внимания. Он был слишком занят и увлечен наукой. Постоянные занятия, чтение книг, опыты — все это отнимало время с утра до поздней ночи. И бывало так, что долгие месяцы Якуб не знал о том, что делалось при дворе хорезмшаха и что занимало жителей Гурганджа.

Но случилось так, что Якуб свел знакомство с одним молодым чиновником из дивана переписки, и этот приветливый молодой человек, по имени Хусейн, нередко рассказывал Якубу о том, что знал. Бывало так, что они встречались на дворцовой площади, когда Хусейн возвращался домой после своих занятий. Иной раз Якуб встречал Хусейна на базаре, у продавца книг. Хусейн увлекался поэзией и частенько заходил к продавцу посмотреть, нет ли новой книги стихов. Якубу было приятно узнать, что Хусейн любит Рудаки, читал ал-Балхи и Фирдоуси. Но он был несколько разочарован, когда узнал, что все это не бескорыстно. Как-то при встрече Хусейн сказал Якубу:

«Для того чтобы стать дабиром, надо быть сведущим в поэзии. Дабир Мамуна читает на память стихи всех поэтов Востока».

Хусейн любил поговорить и не терял случая показать себя всезнающим. Послушав его, можно было подумать, что диван переписки вершит судьбу государства, а он, Хусейн, главный в диване. Якуб понимал, что Хусейн хвастлив, но ему было так интересно говорить с ним, он был так далек от государственных интриг, которые были известны Хусейну, что неизменно радовался встрече с юношей.

Якуб как-то не задумывался над тем, сколь богат и могуществен Хорезм. А вот Хусейн рассказал ему, что Хорезм самая богатая и могущественная страна среди стран Востока и соперничает с ней в богатстве только Газна.

О султанах Махмуде Газневидском и его походах Хусейн мог рассказывать бесконечные истории, но все они были похожи на сказку, и как-то не верилось, что так в самом деле бывает. Но это было очень занятно, и при встречах Якуб уже сам спрашивал, а что говорят о великом завоевателе Махмуде.

— А ты знаешь, как пришел к власти султан Махмуд? — спросил как-то Хусейн. — Он был старшим сыном Себуг-Тегина, правителя небольшой и бедной страны. Еще совсем юным Махмуд считался преемником Себуг-Тегина. Но перед смертью Себуг-Тегин объявил наследником младшего сына, Исмаила. Представляешь, в какой ярости был молодой Махмуд? Он двинулся с войском на Газну и завладел страной. Тогда еще мало кто слышал о Газне и о Махмуде. Но вот Махмуд Газневидский выступил против Саманидов¹ и овладел всем Хорасаном². Настало время, когда багдадский халиф признал Махмуда и наградил его почетными титулами. После этого Махмуд почувствовал

¹ С а м а н и́ д ы — правящая династия в Средней Азии в 875—999 годах новой эры.

² Х о р а с а́ н — область на северо-востоке Ирана.

себя всесильным и двинулся в поход на северную Индию. Он совершил несколько походов, называя их «священной войной во имя ислама», но все знали, что Махмуд жаждет богатства. Ох, и поживился же он тогда!..

— И войско его обогатилось? — спросил Якуб.

— Не думаю, — ответил с важностью Хусейн. — Люди знающие говорят, что сокровища Махмуда неисчислимы.

— Что же, он строит города? — спрашивал Якуб.

— Говорят, что Газна богата и красива, но больше всего добра идет в сокровищницу султана. О жадности Махмуда Газневидского знает весь свет. Слышал ли ты о страшном голоде, который загубил многих людей Хорасана?

— Нет, не слышал.

— Это было года три назад. Стоило султану Махмуду пожелать, и не было бы этого несчастья. Но он ничего не сделал. В Нишапуре и его окрестностях от голода погибли тогда тысячи людей. Люди до того обнищали, что не могли себе позволить купить хоть немного зерна, которое изредка появлялось на базарах и продавалось втридорога. В эти страшные дни люди съели всех кошек и собак, а иные даже стали людоедами.

— А султан не велел доставить зерна голодным?

— Нет, не велел. Он был занят украшением своей столицы. Тысячи рабов таскали на себе мраморные плиты, чтобы замостить двор в соборной мечети. Дворец султана в Газне был завален драгоценными украшениями, доставленными сюда из дальних стран. А рабов было согнано такое множество, что для них пришлось построить целый город за пределами Газны.

— Куда же девать все это? — удивлялся Якуб.

— Говорят, что в часы досуга Махмуд приказывает приносить мешки, наполненные серебряными дирхемами и золотыми динарами, шкапулки с драгоценными камнями. Он раскладывает все это вокруг себя и любит сокровищами. Должно быть, и теперь так забавляется.

— А какая от него польза халифу Кадиру?

— Польза большая: завоевав страну, султан Махмуд силой заставляет людей принять веру ислама. За это его и ценит багдадский халиф.

Размышляя над словами, брошенными ал-Хасаном, Якуб думал о том, что Хорезм может быть в опасности, если султан Махмуд посягнет на его могущество. Ему очень хотелось спросить, что думает об этом Абу-Райхан, но он не решился и предпочел поискать Хусейна.

И на этот раз Хусейн был у продавца книг.

— Я провожу тебя, — предложил Якуб. — Мне хотелось кое-что спросить. Я видел дурной сон, и в нем султан Махмуд предстал предо мной в черном. Я проснулся и подумал: «Не к добру это».

— Да ты ясновидящий! — воскликнул Хусейн. — Если ты умеешь хранить тайну, я расскажу тебе такое... Только не выдай меня. Ведь я перед аллахом давал клятву хранить в тайне все, что проходит мимо меня в диване переписки. Но пойми, иной раз невозможно умолчать. Я верю тебе... Ну вот, знай: твой устод ал-Бируни не сегодня-завтра встретится с послом багдадского халифа Кадира и примет от него почетную одежду и титул «Око государства и украшение религиозной общины» для шаха Мамуна. А знаешь ли ты, почему такое почетное дело поручено ал-Бируни и почему встреча будет где-то на дороге, а не во дворце?

— Не знаю, — признался Якуб.

И тогда Хусейн на ухо шепнул Якубу:

— Чтобы лазутчики султана Махмуда не узнали об этом. Но теперь можно всего ждать от Махмуда. Вот пройдет немного времени, я тебе кое-что сообщу. Не может быть, чтобы все прошло тихо, спокойно, без козней.

Когда они расстались, Якуб впервые позавидовал Хусейну. Может быть, и хорошо сидеть в диване переписки и первым узнавать важные государственные тайны? Якубу было очень интересно, как его устод отправится навстречу послу из Багдада. Ведь превыше халифа багдадского, наверно, нет человека на свете. Должно быть, и посол важный. Посмотреть бы на этого посла!

Нет, лучше на халифа! А каков из себя султан Махмуд? О нем идет дурная молва, но воин он хороший, если так успешно вел свои походы.

Как Абу-Райхан выполнил поручение хорезмшаха, Якуб так и не узнал. Через несколько дней устод снова принялся за работу и по-прежнему сидел за своими свитками с рассвета до полуночи. Ученый ничего не говорил о делах хорезмшаха, но забота омрачила его лицо и сделала его еще более суровым, чем прежде.

«Неспокойно на душе устода, — думал Якуб. — Чем ему помочь? Может быть, узнать у Хусейна новости?»

Якуб внушал себе, что ему нужны новости для того, чтобы помочь чем-либо благородному устоду, но на самом деле он просто сгорал от любопытства и был страшно рад, когда наконец встретил Хусейна. Занятия и заботы, связанные с ними, не оставляли ни минуты свободного времени, и он уже целый месяц не мог увидеть Хусейна, хотя думал о нем чуть ли не каждый день.

— Я узнал столь удивительное, — говорил при встрече Хусейн, — что едва дождался свидания с тобой. Душа моя горела! Подумать только: Махмуд, называющий себя братом хорезмшаха Мамуна, потребовал прочесть хутбу¹ на свое имя и в честь халифа багдадского.

— Я, право, не пойму, что в этом удивительного.

— Ну где уж тебе понять! Я понимаю, потому что узнаю все из донесений. Поверь мне, все самое важное проходит через мои руки. При дворе Мамуна нет дивана, который бы так сосредоточил в себе все нити заговоров и козней, как это случилось в диване переписки.

— Ты отошел от своей мысли! — Якуба раздражала хвастливость Хусейна. — Ты хотел сказать другое, Хусейн.

— А ты не прерывай меня, — рассердился молодой чиновник. — Уж если хочешь послушать новости, так слушай! Началось с того, что посол Махмуда Газневидского пришел к хорезмшаху Мамуну и предложил ему прочесть хутбу в честь правителя Газны и халифа. Он настаивал, чтобы это было сделано в придворцовой мечети, в присутствии всей знати Гурганджа. Он уверял хорезмшаха, что султан Махмуд ничего не знает об этом и он предлагает сделать это от себя, чтобы тем самым доказать и дружбу и преданность Мамуна Газне. Но ведь и хорезмшах имеет лазутчиков. И вот они донесли Мамуну, что вовсе не посол настаивает на этой хутбе, а что это козни коварного вазира из Газны. Нашлись люди, которые присутствовали при разговоре вазира с султаном. И слышали, как вазир советовал Махмуду таким образом испытать верность хорезмшаха Мамуна. Узнав это, Мамун не стал торопиться с ответом. Но посол из Газны не унимался и, должно быть, угрожал. И вот на днях...

Хусейн, склонившись над ухом Якуба, зашептал что-то невнятное, озираясь по сторонам и страшась, как бы прохожий не услышал недозволенное слово. Они были на тихой улочке, и ни один прохожий не мешал их беседе.

¹ Х у т б а — проповедь в честь правителя.

— И вот на днях, — шептал Хусейн, — хорезмшах Мамун созвал всю хорезмийскую знать, всех своих военачальников и стал спрашивать у них совета. И что же ты думаешь? Все, как один, вскочили и, обнажив свое оружие, стали угрожать Мамуну смертью. Никогда еще стены дворца не слышали таких воплей и таких угроз. «Ты что же, — говорил ему один из старых недимов, — ты соглашаешься выполнить требование своего родственника Махмуда и с легкостью забираешься под его башмак!»

— Отчего же? — удивился Якуб.

— Оказывается, что хутба, прочитанная при всей знати в дворцовой мечети, означала бы признание власти Газневида... Ты понял, Якуб, что это означает? Это означает... Не могу этого сказать... Ну, словом, все равно, что отдать Хорезм в руки султана Махмуда. Но ты не подумай, Якуб, этого еще не произошло. И молчи, не вздумай кому-либо сказать...

Якуб с восхищением выслушал новости. Этот безусый молодой человек с горящими глазами, должно быть, был значительным лицом в диване переписки, если ему было известно все это.

— И ты говоришь, что они стали угрожать Мамуну смертью? — переспросил Якуб.

Закатив глаза, Хусейн с важным видом повторил слова безвестного мудреца: «Суть этого мира — печали и заботы, а лучшая часть жизни без омрачения невозможна».

— Эти слова мудреца как нельзя более кстати, — заметил Якуб, — но я жажду узнать, чем же кончилось все это. Не мучь меня, Хусейн!

— А дальше произошло самое удивительное. Я своими глазами видел письмо султана Махмуда Газневидского хорезмшаху Мамуну. Я запомнил каждое слово, но боюсь здесь говорить тебе. Пойдем вон к тем тутовникам. Пойми, это тайна, которую никто не знает, кроме меня и вазира.

— Пойдем, — поспешил Якуб, — я не могу больше ждать. Мне кажется, что у меня все волосы дыбом встали.

— Если не встали, то встанут дыбом! Есть чему удивиться. Но я не стану читать тебе все подряд. Оно слишком длинное, это письмо. Да и к чему лишние слова! Он писал: «Известно, на каких условиях был между нами заключен договор и союз и насколько хорезмшах обязан нам. В этом вопросе о хутбе хорезмшах оказал повиновение нашей воле, зная, чем для него может кончиться это дело. Но его люди не позволили. Я не употребляю выражения «гвардия и подданные», так как тех нельзя назвать «гвардией» и «подданными», которые в со-

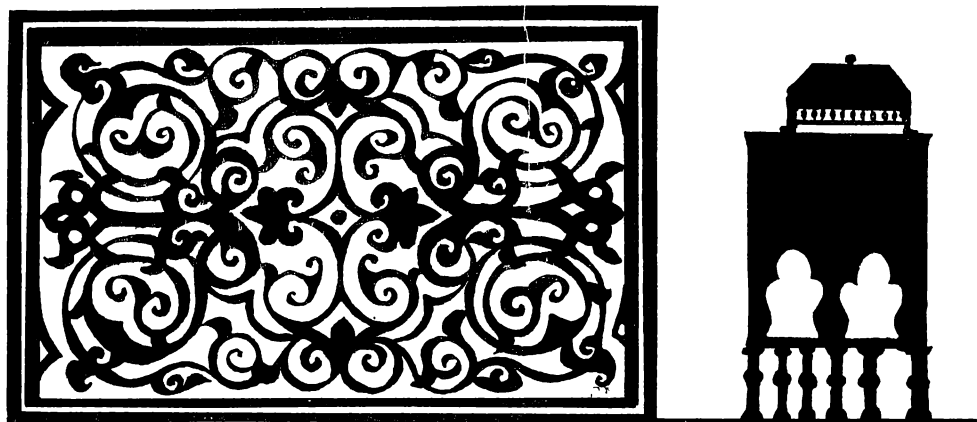
стоянии говорить правителю: «Делай это!», «Не делай того!..» В этом видны слабость и бессилие власти. Так оно и есть! На этих людей я разгневался. Долгое время пробыл я здесь, в Балхе, и собрал сто тысяч всадников и пехотинцев и пятьсот слонов для этого дела. Надо наказать мятежников, оказывающих сопротивление воле правителя. Надо наставить их на истинный путь. В то же время мы разбудим хорезмшаха, нашего брата и зятя, и покажем ему, как надо управлять государством. Слабый правитель не годится для дела...»

Вот теперь Якуб почувствовал, что у него волосы поднялись дыбом. А Хусейн, видя, как взволнован его приятель, торопился рассказать все, что ему было известно. Оказалось, что Махмуд предупредил, что может вернуться в Газну из Балха лишь при условии, если хорезмшах прочтет хутбу в честь него, Махмуда Газневидского, или пришлет достойные его, султана, подарки и деньги, которые потом будут тайно отосланы обратно хорезмшаху, так как он, Махмуд, настолько богат, что в них не нуждается. И еще он предлагал Мамуну выслать в Газну знатных вельмож с просьбой о милости, чтобы люди Махмуда видели степень покорности Хорезма и его правителя.

Хусейн с волнением потирал руки. Не спуская глаз с Якуба, он повторял страшные слова:

— Очень шатко могущество Хорезма! Хорезму угрожает Махмуд!

«ДВЕРЬ БЕДСТВИЙ ШИРОКА!»

Тревожные дни наступили в Гургандже. Беспокойно было на душе устода. Якуб не мог не видеть этого. Но в то же время он не мог не удивляться тому, с каким упорством Абу-Райхан занимается своими опытами, не щадя себя и не думая об усталости.

Как-то Якубу пришло в голову сравнить день Абу-Райхана с днем любого труженика. Тогда он многому удивился. Он отлично помнил, что отец его, примечательный своим трудолюбием, всегда жарким полднем прерывал свои занятия и возвращался домой, чтобы полежать часок-другой. Он был из тех купцов, кто не тратил времени понапрасну. Но Якуб не помнил случая, чтобы он провел на базаре подряд все часы с рассвета до полуночи. А вот Абу-Райхан изо дня в день занимался своими книгами с рассвета до полуночи. Этого не делал ни один ремесленник, ни один пахарь и ни один чиновник дивана.

«Он всех превзошел в своем усердии, — писал отцу Якуб. — Его неутомимость и нетерпение познать загадочное просто удивительны. Я ничтожен рядом с ним, — признавался Якуб. — Мне никогда не до-

стичь того, чего достиг мой устод. Его богатство досталось ему очень тяжким трудом. И мне кажется, что я не способен на такое».

Якубу казалось, что он ничтожен рядом с устодом. Это естественно. Чем больше он узнавал, тем больше он понимал, как велики, как обширны и необъятны познания ученого-хорезмийца. Якуба очень тревожил вопрос: кто же сотворил мир? Книги, прочитанные им, не отвечали на этот вопрос. По совету Абу-Райхана, Якуб внимательно читал труды знаменитого тюркского ученого ал-Фараби. Тот как будто признавал бога, но в то же время говорил о вечности материи и о том, что невозможно было сотворить мир в несколько дней. Где же истина? И не потому ли так поносили великого философа служители мусульманской веры?

Размышляя над этим, Якуб все же обратился к устоду и был рад, когда узнал у него, что бог есть и он превыше всего, но существует естественная сила, которая присуща самой природе, и благодаря этой силе в природе происходят всякие изменения.

Устод говорил, что одни вещи превращаются в другие и все живущее изменяется и развивается. А в этом он видел великую силу природы.

Занимаясь различными опытами, наблюдая за звездами, интересуясь переменами погоды и объясняя их очень разумно и необычно, Абу-Райхан нередко говорил Якубу, что сама материя творит и управляет всем тем, что происходит в природе.

— Ты приглядишься, — советовал он ученику, — и увидишь, что материя сама связывает и изменяет форму вещей. Значит, материя есть творец.

— Из чего же состоит окружающий нас мир? — спрашивал Якуб.

И устод отвечал:

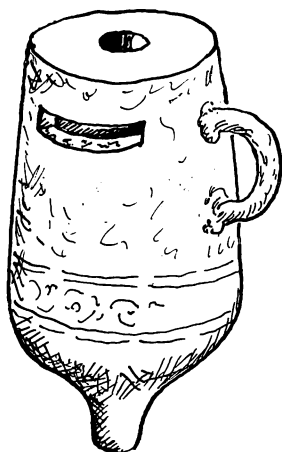
— Мир состоит из пяти элементов: пустоты (пространства), ветра (воздуха), огня, воды и земли. Материя в пространстве соединяется или разъединяется, и на наших глазах материя превращается в какие-то вещи, а потом эти вещи уничтожаются. И так постоянно и неизменно все меняется вокруг нас.

— А как же ученые, философы? Они говорят, что мир состоит из воображения, из мысли... Может ли быть, что мир состоит из чего-то духовного? — снова спрашивал Якуб.

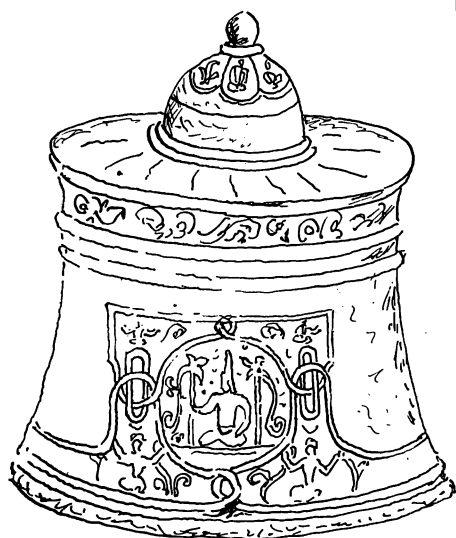
— А разве ты не убедился, юноша, в том, что мир существует вне зависимости от ощущения и мышления? Мыслящее существо, человек, живое существо, которое способно чувствовать, появилось не сразу, а в результате долгого процесса в природе. Быть может, в давние

АРАБСКАЯ
АСТРОЛЯБИЯ.

ВОДОИЗМЕРИТЕЛЬНЫЙ
СОСУД.
БИРУНИ НАЗЫВАЛ
ЕГО «БАНКАН».

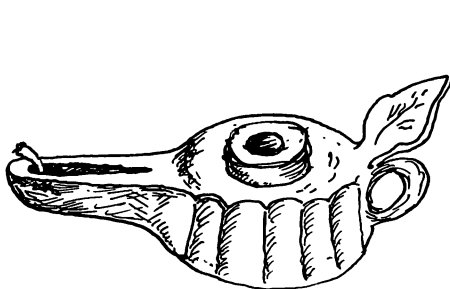
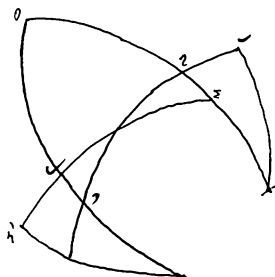

БРОНЗОВАЯ ЧЕРНИЛЬНИЦА
И ТРОСТНИКОВОЕ ПЕРО — КАЛАМ.

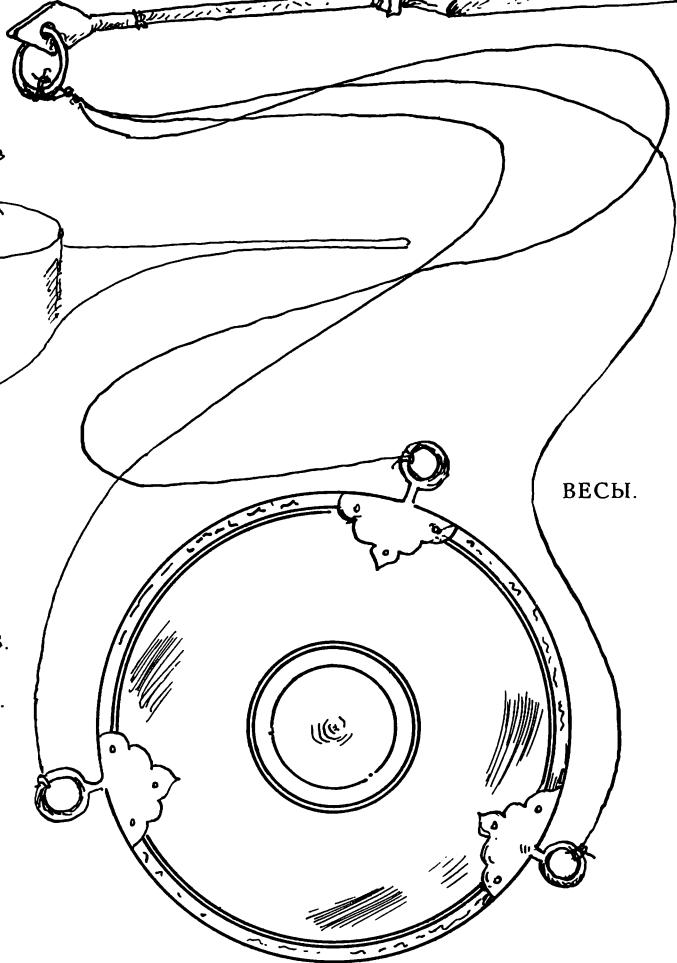
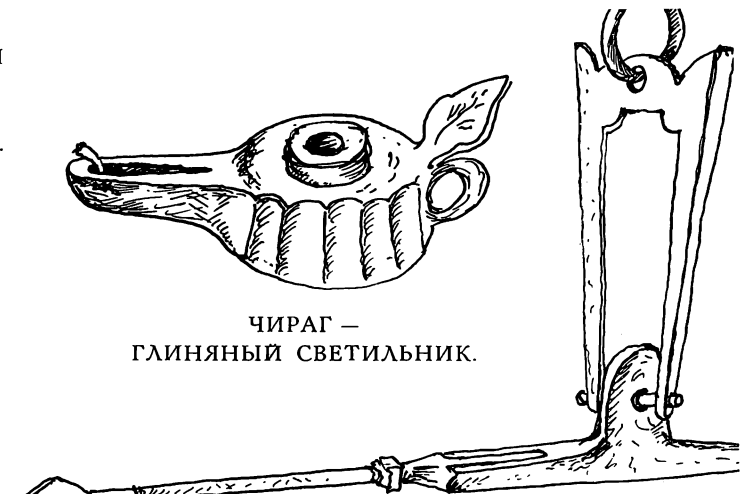

РЕЗНАЯ ШАХМАТНАЯ
ФИГУРКА ИЗ КОСТИ.

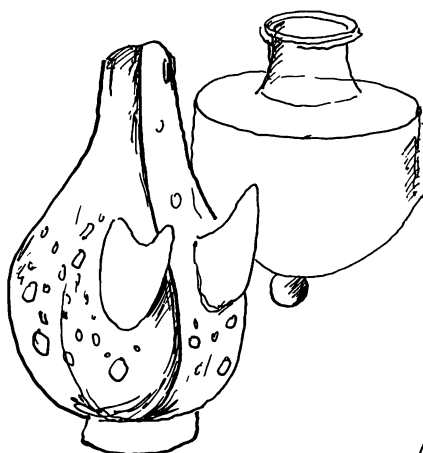
ЧЕРТЕЖ ИЗ РУКОПИСИ
БИРУНИ —
ОПРЕДЕЛЕНИЕ
НАКЛОНА ЭКЛИПТИКИ.

ЧИРАГ —
ГЛИНЯНЫЙ СВЕТИЛЬНИК.

ВЕСЫ.

СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ
ДЛЯ ХИМИЧЕСКИХ ОПЫТОВ.
(СПРАВА — СОСУД
ДЛЯ УЛАВЛИВАНИЯ РТУТИ).

времена небо было таким же, как сейчас. Так же восходило солнце, а ночью светили звезды, и все это происходило на каких-то землях, где еще не было человека. Но ведь солнце светило? И ночь спускалась на какую-то часть земли, где ни одно живое существо не видело ее. И волны морские бились о берег пустынный. Пока не было на нем человека, волны все так же бились. А человек пришел и ощутил прохладу морской волны и соленый вкус воды. Человек может познать мир, если он будет изучать закономерности в природе, будет приглядываться к ним и постарается постичь их закон.

— Но мир так обширен и загадочен! Можно ли раскрыть его тайны? И как можем мы узнать, отчего происходит так много непонятных явлений на земле? Можем ли мы узнать это, устод?

— Вся беда в том, что многие явления, вполне доступные нашему пониманию, иные люди считают загадочными. Это мешает нам понять истину. Вот, к примеру, разве не все видят, что солнце влияет на климатические условия, на смену времен года, дня и ночи? Но, вместо того чтобы внимательно присмотреться к тому, что происходит вокруг нас, иные предпочитают видеть в этом тайну и неразрешимую загадку.

— А как же понять слова моего мудариса? Он много раз говорил, что аллах настолько всемогущ и так всемогущ, что если захочет пойти навстречу молящимся, то может изменить естественный ход вещей. Я помню, мударис говорил, будто можно заколдовать скорпиона так, что он совсем перестанет жалить.

— Пойми, юноша, что это ложь. Пора бы тебе уже понять, что никакие мольбы и заклинания не могут повлиять на естественный порядок явлений в природе. Нет такой молитвы, которая могла бы изменить облик скорпиона. Животные и растения живут благодаря земле, солнцу, воздуху и воде. А возможности, необходимые для поддержания жизни животных, ограничены. Но наряду с этим, а отчасти и благодаря этому у животных и растений есть постоянное стремление размножаться и бороться за свое существование.

Эти разговоры с великим устом помогли Якубу совсем по-новому понять и прочитанные им книги. Юноше было очень интересно услышать из уст ученого всякие любопытные примеры, подтверждающие мысль о том, что в мире растений и животных идет борьба за жизнь. Устод говорил, что если дать возможность какому-нибудь растению беспрепятственно размножаться, то оно может вытеснить все и покрыть всю землю. Этому мешают другие растения, также стремящиеся жить и размножаться.

— Природа, как садовод, который дает возможность расти на дереве наиболее жизнеспособным и здоровым ветвям, отрезая больные и негодные.

Так перед Якубом подымалось покрывало таинственности, которым богословы и мударисы пытались прикрыть непонятное. Теперь уже сын Мухаммада понимал, как велико значение науки в познании окружающего мира и как много вреда приносят невежество и суеверие, которыми пытаются объяснить непонятное. Теперь Якуб реже обращался к всемогущему аллаху и все больше доверял научным открытиям своего устода.

* * *

Прошло шесть лет с того дня, когда Якуб впервые перешагнул порог дома Абу-Райхана в Гургандже. Юноша возмужал и повзрослел. Теперь он уже был настоящим помощником, умудренным опытом. За это время Якуб только дважды посетил свой дом в Бухаре, и, если бы устод предложил ему лишний раз съездить в родной город, он вряд ли согласился бы. Чем старше он становился, тем больше ценил каждый день, проведенный рядом с Абу-Райханом.

Якуб по-прежнему часто писал отцу и матери, но теперь разлука с близкими стала уже привычной. Мухаммад отлично видел, как много получил сын от великого устода, и бывалый купец, умеющий отлично все взвесить и измерить, достойно оценил сокровища, приобретенные Якубом. Мысленно он уже видел Якуба при дворе багдадского халифа.

Как-то навестив сына в Гургандже, Мухаммад спросил его, не пора ли вернуться в Бухару. Он сказал это потому, что, беседуя с сыном, пришел к выводу, что Якуб уже превзошел в своих знаниях самых образованных людей Бухары. Сын отказался. Но отец был полон благодарности устоду. В эту минуту у Мухаммада появилось желание одарить Бируни драгоценными камнями и золотом, но теперь купец уже знал, что нельзя просто протянуть ученому мешочек с золотом. Он хорошо помнил, каким гордым жестом Абу-Райхан отверг плату за исцеление сына. Теперь Мухаммад решил сделать по-другому. Вернувшись в Бухару, он прислал Якубу драгоценные камни, которые могли пригодиться для опытов и которые, как писал потом Якуб, очень порадовали устода и доставили ему удовольствие. Конечно, ему, Мухаммаду, очень хотелось бы поскорее увидеть сына в Бухаре, но уж если так случилось, что он связал свою судьбу с наукой, грешно было отказать ему в этом. В сущности, Мухаммад был всем доволен. Его лишь тревожило то обстоятельство, что Якуб, слишком углубленный

в науку, и слышать не хотел о сватовстве. А каких богатых и красивых невест сватали ему купцы Бухары! Может быть, они так старались не только потому, что Якуб их прельщал своей ученостью, но и потому, что отлично знали, как богат Мухаммад. Он не устал водить караваны и вел торговлю во многих городах мусульманского мира.

И вот на ясном небе Якуба сгустились черные тучи. Однажды Якуб получил горестное письмо из Бухары. Ему писал старый мударис, которого пригласил к себе Мухаммад. Отец Якуба тяжело заболел и был настолько беспомощен, что не смог сесть за письмо. Мухаммад продиктовал старику несколько строк о том, что тяжкий недуг сразил его в тот час, когда был готов к выходу из Бухары его большой караван с богатым грузом для Багдада. Мухаммад сообщал, что почти все его состояние в этом караване и если задержать выход каравана на неведомый срок, то все пойдет по ветру. В Бухаре эти товары будут проданы за бесценок. Пропадут деньги, уплаченные за верблюдов и погонщикам, все пойдет прахом.

«У нас черный день, сын мой, — писал Мухаммад. — Моя дрожащая рука не удержала калама. Я так слаб, что мударис едва слышит мой голос. В этот день я решаюсь просить тебя — оставь ненадолго свое благородное занятие и выполни мое поручение. Если тебе угодно будет пойти с моим караваном, я, сын мой, доверяю тебе свои богатства. Я надеюсь, твои знания и твое благородство помогут тебе в трудном деле. Не откажи, сын мой! Да благословит тебя аллах на доброе дело!»

Последние строки письма Якуб прочел сквозь слезы. Страх охватил его. А что, если Мухаммад не подымется? .. Нет, этого не может быть, отец всегда был здоровым и неутомимым. Он не страшился знойного солнца и не боялся холода. Почему же врачеватели Бухары не могут ему помочь? Как прискорбно, что искуснейший врачеватель ибн Сина покинул Бухару! Он здесь. Может быть, спросить у него доброго совета, не назовет ли он хорошего врачевателя из своих учеников? .. Он сейчас же поговорит с Абу-Райханом и тут же добудет верблюда, чтобы отправиться в Бухару. В караван-сарай он найдет спутников, примкнет к какому-нибудь каравану.

Абу-Райхан с большой сердечностью выслушал Якуба и посоветовал ему поговорить с ибн Синой. Конечно, Абу-Али знает, кто из его учеников заслуживает доверия.

— Если молодой врачеватель примется за дело с такой же серьезностью, как это делает ибн Сина, он вылечит твоего отца. А караван с товарами для Багдада должен быть доставлен вовремя, — сказал Абу-

Райхан. — Ты должен поторопиться, юноша. Не откладывая, ступай в караван-сарай и договаривайся; с попутным караваном тебе будет безопасно.

* * *

Тревожно было на сердце у Якуба, когда он покидал Гургандж. Впервые он призадумался над своим будущим, с болью в сердце думал о бедной своей матери, которую трудно было представить себе одинокой, без заботливого внимания отца.

Прощаясь с Абу-Райханом, Якуб спросил ученого, может ли он сделать для него что-нибудь полезное в Багдаде. Ал-Бируни сказал, что будет очень рад, если Якубу удастся добыть какие-нибудь книги по астрономии и математике, написанные учеными Багдада и Дамаска. И еще он просил узнать, есть ли в Багдаде астрономическая обсерватория, где астрономы могут наблюдать за небесными светилами.

— Впрочем, — сказал устод, — ты сам, Якуб, отлично знаешь, что нам нужно для нашей работы. Я думаю, что годы, проведенные в Гургандже, оставили свой след. Они не пропали для тебя.

Никогда еще время не тянулось так долго, как в те дни, когда Якуб должен был пересечь пустыню по тропе, ведущей в Бухару. На привале юноше снились страшные сны. Он то и дело видел себя у постели умирающего отца. Его преследовали вопли матери. То он видел себя сиротой, то обращался к отцу с просьбами и восхищался его свежим и здоровым видом. «Да ты такой же, как прежде!» — говорил он отцу и тут же просыпался.

Когда Якуб прибыл в Бухару, он убедился в том, что воображение нарисовало ему слишком мрачную картину. Слава аллаху! Отец был жив. Правда, он жаловался на головную боль, жаловался на то, что стены падают на него, когда он ходит. Мухаммад много раз вспоминал о том, как чуть не свалился с лошади. Он подробно рассказывал о том, как по дороге с базара перед ним вдруг заплясали мечети и минареты, словно они ожили и поднялись в небо, как потемнело в глазах и он, не помня себя, крепко обхватив шею своего коня, словно окунулся во мрак.

— Благодарение аллаху, верный конь принес меня домой. А ведь я не помню, как это произошло, — вздыхал Мухаммад.

Но с тех пор прошло уже много дней, и усилия цирюльника — он ставил пиявки — видимо, не пропали даром. Теперь отец уже не говорил о смерти, а лишь сокрушался о том, что не может отправиться в дорогу и потому вынужден послать Якуба с караваном в Багдад.

Однако, прежде чем уехать, Якуб все же воспользовался советом ибн Сины и нашел в Бухаре одного из самых способных его учеников, который взялся вылечить отца.

Караван в сто верблюдов потребовал не только большого количества погонщиков, но и вооруженной охраны. На караванных путях то и дело встречались грабители из кочевых племен. Эти люди, не привыкшие к труду, жили только тем, что грабили проходящие караваны. Плохо было путешественнику, который не хотел добровольно расстаться со своим добром: его убивали, забирали в плен погонщиков, а верблюдов с поклажей угоняли в свои селения, разбросанные в пустыне.

Надежная охрана сделала безопасным путь до Багдада, но Якуб все же тревожился: а вдруг нападут?.. Путешествие было трудным и утомительным. Только остановки в больших городах давали возможность отдохнуть и насладиться прохладой караван-сараев. Но не только разбойники страшили Якуба. Его тревожили мысли о доме, беспокоила неизвестность. Он впервые должен был очутиться в городе багдадских халифов. Что ждет его в Багдаде? Однако Абдулла спокоен. Значит, все будет хорошо. «Пожалуй, без Абдуллы мне было бы плохо, — думал Якуб. — Этот мудрый старик своими ногами исходил все верблужьи тропы. Он все знает. С ним как-то легче».

— Если хочешь знать истину, — говорил Абдулла Якубу, — я не очень верю в эти рассказы о разбойниках. За много лет мы с твоим отцом ни разу не попадали в такую ловушку. Аллах покровительствует нам. Чем тратить деньги на охрану, я бы лучше потратил их на хаджж. Сходил бы в святые места — в Мекку и Медину — и там в молитвах испросил бы себе благополучие на всю жизнь.

— Но ведь у нас большой караван. Ты подумай, Абдулла, — сто верблюдов! Тут все достояние отца. Все его богатство. Ты бы не побоялся повести этот караван, охраняя себя только молитвой?

— И ты думаешь, что это большой караван? — усмехнулся Абдулла. — Большой караван — тысяча верблюдов. А бывает и больше... Вот говорили мне, что в царствование халифа ал-Муктадира, в давние времена, был послан караван из города мира царю булгар. И знаешь, сколько там было?.. Три тысячи верблюдов и лошадей да пять тысяч человек. Вот это караван! Его возглавил знаменитый ибн Фадлан. Для такого каравана нужна была охрана. У них были несметные сокровища — дары царю булгар.

— А за что же ему послали такие дары? Просто так?

— Не просто так, — ответил Абдулла, — ничуть не бывало! Вели-

кий халиф доверил ибн Фадлану и другим своим посланцам призвать неверных под лоно мусульманства. Вот зачем отправился такой караван.

Много дней и много ночей шел караван Якуба, прежде чем они оказались у ворот столицы халифата. Но вот и караван-сарай в преддверии Багдада. Оставив здесь караван с погонщиками и охранниками, Якуб вместе с Абдуллой отправился в город, чтобы узнать, на какой базар доставить привезенные товары. Абдулла предупредил Якуба, что базаров в Багдаде очень много и на каждом свои товары.

— Это и есть река Тигр, о которой ты мне рассказывал? — спросил Якуб. — И город так велик — раскинулся на обоих берегах реки. Посмотри, Абдулла, какая красивая ладья с черными невольниками-гребцами.

— Здесь их много увидишь, — отвечал старик. — Нигде нет такого обширного невольничьего рынка.

— И зачем это аллах позволил продавать людей, как скот? — удивился Якуб.

Издали были видны купола красивых мечетей, высокие тонкие минареты и крыши богатых дворцов. Но рядом с дворцами, садами и базарами Якуб увидел узкие, пыльные улочки, совсем такие же, как в Бухаре. Он был разочарован.

— Абдулла, — сказал он, — в Багдаде, городе мира, живет сам халиф Кадир, откуда же такая бедность? Я вижу оборванных и голодных людей. Посмотри вот на ту женщину в лохмотьях, с грудным младенцем, привязанным к спине. Таких и в Бухаре много...

— А кто же будет тащить поклажу, возводить стены караван-сарая, пасти скот и шить халаты? Ты словно вновь родился, Якуб! Везде одно и то же. Багдад ничем не отличается от других известных тебе городов. Только богаче и красивей.

Базар сверкал, гудел и зачаровывал своей пестрой людской толпой. Якуб никогда прежде не видел таких удивительных людей. О чем это они так спорят, кричат и над чем так весело хохочут? Смуглые высокие арабы в длинных белых рубахах, с полосатыми плащами, небрежно брошенными за спину, покупают седла, уздечки, торгуют ковры. Иные сверх плащей напялили красные овечьи куртки. Их лица прикрыты бахромой пестрых тюбанов, и только видны ослепительно белые зубы.

Стройные, в пестрой одежде женщины несут в больших корзинах на головах для продажи черный виноград и золотые плоды.

— Кто он, этот чернокожий юноша, в белой накидке, и что это у него на левом плече, ты не знаешь, Абдулла?

— Подойдем посмотрим, — предложил старик. — Не знаю, устоишь ли ты рядом. Это нубиец, у него подвешен козий рог, наполненный крокодиловым мускусом.

Они подошли и тут же отпрянули. В самом деле, козий рог был наполнен крокодиловым мускусом, и для непривычного человека резкий запах был невыносим.

«Как много здесь людей разных племен, в разных одеждах! — думал Якуб. — Сколько смуглых красивых невольниц с бронзовыми обручами на руках и ногах! А одежды купцов как богаты! Должно быть, здесь многие имеют чернокожих рабов. Или это слуги, которые тащат поклажу? Но неужели стал рабом этот стройный юноша, похожий на статую, выточенную из драгоценного черного дерева? На голове у него целый व्यок кож. Наверно, раб».

Базар показался Якубу удивительным. Он словно горел и кипел в огне. Такое обилие дорогих тканей, ковров, бронзовой и глиняной посуды, всевозможного рода башмаков и сандалий из пестрых кож, одежды он никогда прежде не видел. А горы фиников, бананов, еще каких-то плодов, какие попадали в Бухару только в сушеном виде!..

— Вот в этой лавке мы найдем купца Насира ибн Ахмета, — сказал Абдулла, показывая на лавку, вокруг которой толпились женщины. Они рассматривали куски шелковых и бумажных тканей.

Купец Насир не узнал Абдуллу и, когда услышал, что Якуб доставил ему товары от Мухаммада ал-Хасияда, очень обрадовался и тут же стал выражать свое сочувствие юноше, у которого так тяжело заболел отец. Багдадский купец был очень приветлив и даже чрезмерно ласков с Якубом. Помня о том, как в прошлый раз он долго торговался с Мухаммадом, покупая у него ведарийские ткани, Абдулла подумал, что хитрый купец лестью и лаской вскружит голову юноше и постарается купить у него товары подешевле.

Условившись о том, что товары будут доставлены Насиру к концу дня, Якуб вместе с Абдуллой поспешили к другому купцу, Омару Мансуру, у которого предстояло купить драгоценные камни для бухарского хана и самаркандского султана. Якубу не терпелось поскорее встретиться с продавцом драгоценных камней. Здесь он был уверен в себе. Наконец-то его знания в этом деле пригодятся и принесут пользу отцу. К тому же будет очень интересно посмотреть драгоценности, закупленные купцом в разных странах света. Ведь багдадские

купцы имели возможность встретить на своем базаре людей, бывших почти со всех частей земли.

— А может быть, нам сначала доставить товары Насиру и избавиться от груза, который нуждается в охране и требует забот, — предложил Абдулла, — а потом пойдем к Омару Мансуру.

— Нет, нет, я не могу откладывать, — возразил Якуб. — Мне нужно поскорее увидеть продавца драгоценных камней и отобрать все лучшее, что у него будет. Ведь меня могут опередить?

— Могут, — согласился старик.

Маленькая лавчонка продавца драгоценных камней была похожа на шкатулку. Оконце, заделанное резным алебастром, пропускало нежный розоватый солнечный свет, который позволял видеть камни во всей их красе и великолепии. Омар Мансур был очень удивлен, узнав, что Якубу поручено отобрать столь дорогие камни.

— Ты пользуешься таким доверием у отца? — удивился купец. — Ведь эти камни стоят целое состояние.

— Наш Якуб понимает в камнях больше самого Мухаммада, — вмешался в разговор Абдулла. — Может быть, ты слышал о знаменитом ученом Гурганджа Абу-Райхане ал-Бируни?

— Не слышал. А кто он?

— Большой знаток драгоценных камней, — ответил Якуб. — А я, будучи его учеником, кое-чему научился.

Когда купец Омар поставил на низенький столик свой заветный ларец, Якуб с нетерпением ждал, скоро ли он откроет замысловатый замок. Потом он услышал нежный, мелодичный звон, и наконец крышка поднялась. Омар стал осторожно вынимать из ларца свои сокровища.

— Ну, вот рубины цвета пылающих углей. Посмотри, юноша.

Якуб положил себе на ладонь несколько крупных рубинов.

— Они разных оттенков, — сказал он, рассматривая их на свет. — Вот этот, побольше, и в самом деле таит в себе маленький костер, а вот этот, продолговатый, — цвета густого вина, а этот вовсе свекольный. И шлифовка здесь разная. Они по цене должны быть разные. Как ты их оценил? — спросил он Омара.

— Я оценил их по величине, а они почти равные, — ответил купец с усмешкой. — Твои познания, юноша, даже чрезмерны. Не знаю, почему ты посчитал этот великолепный рубин менее ценным, чем тот, в котором ты увидел пылающие угли. Я не вижу здесь свекольного оттенка. Это твоя выдумка.

Они долго спорили и торговались, прежде чем Омар уступил, и Якуб, довольный тем, что не допустил оплошности, бережно спрятал рубины в мешочке на груди.

— А теперь покажи мне оникс. Мне хотелось бы получить у тебя сорт, называемый «албабрами». Это трехцветный оникс. Один слой коралловый или красный, над ним белый непрозрачный, а поверх него прозрачно-хрустальный.

— Вот чего захотел! — удивился Омар. — Ты захотел редкий, самый ценный сорт. Но у меня есть еще более удивительный оникс — с черным слоем. Посмотри.

— О! Это биссинский оникс! — воскликнул Якуб. — Я куплю его. Здесь черные и белые полосы очень красиво чередуются.

Якуб провел в лавчонке Омара полдня. Абдулла потерял всякое терпение и про себя уже бранил молодого хозяина, хотя видел, как умело, со знанием дела он выполняет поручение Мухаммада.

Прощаясь с Якубом, Омар признался, что никак не ожидал встретить такого молодого знатока драгоценных камней.

— Пожалуй, и сам Мухаммад ал-Хасияд не смог бы так верно, с таким пониманием отобрать камни, — сказал Омар. — Знай, юноша, я продешевил, и это случилось лишь по причине того, что ты знаешь о камнях больше, чем любой мой покупатель. Видно, что учитель твой большой знаток этого дела. Пусть аллах пошлет ему много светлых дней. Но ты впредь будь сдержанней, не кричи на старого человека, когда пытаешься ему доказать, что жемчуга плохо просверлены, а яхонты не самого лучшего сорта. Ведь я не знал, что ты делаешь покупку для самого бухарского хана.

Абдулла с трудом увел Якуба от ларца с драгоценностями. Он боялся, что его молодой хозяин забудет о своих делах и потерпит убыток. А главное, купит то, что не следует сейчас покупать для дела.

Базар уже пустел, когда погонщики привели верблюдов и Якуб разложил наконец перед купцом Насиром привезенные им ткани. Но что случилось с Насиром? Уж очень безразлично он разворачивает куски, хмурится и пренебрежительно бросает:

— Пожалуй, сейчас мне уже не нужно всех твоих товаров. Я кое-что купил в течение дня, с меня хватит. Разве если отдашь за полцены. Тогда возьму про запас.

— Как ты можешь? Я для тебя привез эти ткани, — сокрушался Якуб. — Почему же ты раздумал? Я не могу продать тебе с таким убытком.

— Не уступай ему, — шепнул Абдулла хозяину. — Не продешевь.

Насир хитер. Разве ты не видишь, как прячутся от нас его маленькие хитрые глаза! Так и бегают, словно шарят.

Торговались долго, до хрипоты. Абдулла дважды выючил верблюдов и делал вид, что уводит их. А Насир все уверял, что назначенная им цена самая высокая, что он не прибавит и медного дирхема. Только после того, как выюки уже в третий раз оказались на спинах верблюдов, купец хлопнул Якуба по плечу и предложил сходную цену. Он знал, что и так покупает с большой выгодой для себя. И как было не воспользоваться доверчивостью молодого купца?

В караван-сарай Якуб возвращался уже в сумерках, когда вечерняя прохлада привлекла на улицы города множество людей. Одни сидели на крышах домов, другие плыли на лодках, озаренных факелами, по реке Тигру. Люди пели, смеялись, бранились.

Якуб устал, но испытывал удовлетворение, оттого что в первый же день так много сделал. Но впереди было еще много дел, и так хотелось поскорее избавиться от всех забот и пойти на книжный базар.

«Ты смотри, Якуб, — говорил ему на прощание устод, — не забудь побывать в «Доме мудрости», там собраны редкие книги. К тому же там есть возвышение, откуда можно наблюдать за звездами. Там собраны лучшие астробии».

Пока ему еще не удалось узнать про этот «Дом мудрости», но он непременно узнает и побывает там.

«Раз уж я в Багдаде, — думал Якуб, — мне следует увидеть все примечательное, связанное с науками. Многие говорят, что ученые Багдада знамениты на весь свет. Но это неудивительно. Должно быть, халиф приблизил их к себе так же, как постарался это сделать хорезмшах, приблизив к себе ученых Бухары, Самарканда и Нишапура».

Целые дни Якуб проводил на базарах Багдада. Абдулла всюду следовал за ним. Старик здесь бывал уже не раз и мог ответить на многочисленные вопросы Якуба, которому было одинаково интересно узнать, кто эти люди, одетые в пестрые, так не похожие на бухарские одежды, кто эти женщины с колокольчиками в длинных косах и золотыми обручами на ногах.

— Посмотри, Абдулла, — заметил как-то Якуб, — на эту женщину, что покупает финики: на ней удивительное ожерелье из агатовых палочек. Посмотри, как искусно сделано. Я такого никогда не видел.

— Здесь не такое еще увидишь, — махнул рукой Абдулла.

Старика все это мало занимало. Ему хотелось поскорее вернуться в Бухару и отдохнуть на крыше своей глиняной хижины. А Якубу все нужно знать, и так его все развлекает и занимает, что он даже не

вспоминает о доме, о больном отце. «Странный юноша, — думал Абдулла. — Мне казалось, он добрый человек, а он черствый, к отцу равнодушен. И для чего тогда растить сыновей? И почему аллах создает их такими? . . .»

А Якуб, возвращаясь в караван-сарай, садился у крошечного фитилька, торчащего из помятого бронзового светильника, и принимался за пергамент. Он записывал все: что продал, что купил, какая цена, в чем усмотрел выгоду, а в чем убыток. Якуб знал, что, как бы ни были удачны его сделки, они не доставят радости отцу, если Мухаммад не получит вот этих записей. Как-то Якуб показал Абдулле эти записи и кое-что ему прочел. Старик был доволен. Он этого не знал. И теперь он понял, что неверно судил Якуба.

— Ты лучше, чем я думал, — сказал старик юноше. — Я боялся, что ты забыл о том, что отец болен, не понял, что дверь бедствий широка, а день радости краток. . .

ЯД В ПЕРСТНЕ ДЖАФАРА

В один из дней Якуб проходил мимо невольничьего рынка. Невольничий рынок в Багдаде был самым обширным, самым шумным и многолюдным. Ведь здесь продавали людей, и каждому работоторговцу хотелось показать свой товар возможно выгоднее, чтобы получить за него более высокую цену. На багдадском рынке можно было купить невольника из Хазарии, негра из африканских джунглей, стройного нубийца, черноглазую красавицу из Туниса, здесь были голубоглазые, светловолосые славяне из далекого Киева. Сколько горя и страданий было на лицах несчастных, волею судьбы заброшенных к берегам Тигра, в ненавистный для них город мира — Багдад! Здесь только и говорили о всемогущем аллахе, добром и милосердном боге, и с именем аллаха разлучали мать с грудным младенцем, брата — с сестрой, мужа — с женой.

— Прежде всего смотри на глаза и брови, потом на нос, губы и зубы. Потом смотри на его волосы, ибо господь великий и славный всем людям вложил красоту в глаза и брови... — Так говорил старый толстый мусульманин в пестрой чалме и полосатом шелковом халате.

Он, видно, поучал своего сына, который впервые пришел купить себе раба.

— Я сам буду выбирать, — ответил старику молодой.

Он подошел к работорговцу из бедуинов и стал рассматривать молодого смуглого юношу, рядом с которым стояла красивая девушка с курчавой головой и серебряным кольцом в носу.

Якуб остановился и стал прислушиваться к разговору покупателя с продавцом-бедуином.

— Ты посмотри, какие у него ровные белые зубы, — говорил бедуин, бесцеремонно раскрывая рот юноши, словно это была лошадь. — Он молод и здоров. Видишь, какая красивая у него была невеста?

Девушка громко заплакала, спрятав лицо в длинном рукаве своей голубой рубашки.

— Этот раб годен только для того, чтобы смотреть за собаками и лошадьми, — услышал Якуб каркающий голос какой-то богатой старухи, которая торговала раба с широкими бровями и с глазами навывкате.

У раба было злое и неприятное лицо, и старуха хотела его купить вдвое дешевле, чем запросил торговец.

Непривычно все это было для Якуба. И в Бухаре и в Самарканде он видел рабов, которыми владели царедворцы и богатые люди, но там не было невольничьих рынков и никто не знал, как были куплены эти люди.

— Послушай, Якуб, эти люди, должно быть, из кочевников хорезмийских степей. Послушай... их говор мне знаком, — сказал Абдулла, подзывая Якуба к группе людей, где были женщины и дети.

«Да, этот говор мне тоже знаком, — подумал Якуб. — Надо послушать, о чем они говорят». Якуб обратил внимание на стройную, красивую женщину, в рваной одежде, непричесанную и очень печальную. Тонкой нежной рукой она гладила голову курчавого малыша. В подол ее платья вцепилась девочка лет восьми, такая же красивая и такая же печальная. Мальчуган, приподымаясь на цыпочках, о чем-то шептал ей на ухо. А мать, видимо не слушая его, все гладила и гладила его голову, а потом, склонившись над ним, горько заплакала.

Якуб понимал ее горе: она боялась, что ее разлучат с детьми. И в самом деле, что будет, если их разлучат? Как она перенесет это несчастье? Якубу захотелось чем-нибудь помочь этой несчастной. Он сделал вид, что собирается выбрать себе рабыню, и подошел ближе. Увидев покупателя, женщина еще громче заплакала, а малыш, цепляясь за подол ее платья, шепнул ей на своем языке:

— Не плачь. Перстень нам поможет...

— Какой перстень? О чем ты говоришь, сынок? — спросила женщина.

Она была уверена, что никто ее не поймет. Но Якуб отлично понимал их речь и внимательно прислушивался.

— В голове, — прошептал мальчик. — Погладь голову — ты нащупаешь перстень отца. Я спрятал его в волосах.

Женщина молча прижалась к голове сына, и Якуб увидел испуг на ее лице. Она, должно быть, нащупала перстень.

«Как странно... Откуда перстень у такого мальчугана? Кто же его отец?» Якубу было интересно узнать это.

А женщина, оглянувшись по сторонам и увидев, что работороговец занят разговором с каким-то покупателем, стала поспешно извлекать перстень из запутанных густых волос мальчугана. Она вытащила его, посмотрела и быстро спрятала в рукаве своей рваной одежды.

«Почему же она испугалась, если нашла драгоценный перстень? Ведь он может ей пригодиться в беде», — подумал Якуб.

А мальчик с надеждой и радостью во взоре снова обратился к матери. Он говорил ей о том, что перстень этот отец сунул ему незаметно, когда его уводили разбойники. Он спросил у матери, спасет ли их этот перстень. И Якуб услышал, как мать, прижав к себе детей, сказала им:

— Не плачьте и не пугайтесь. Этот перстень спасет нас в случае разлуки. Если нас продадут врозь и мы должны будем расстаться — для нас это хуже смерти, не правда ли, мы не вынесем такого несчастья! Перстень поможет нам. Ведь он с ядом... Под камнем коробочка с ядом. Как только нас вздумают разлучить, каждый из нас должен лизнуть этот яд, и мы все уйдем на небо и там будем вместе.

Судорожно цепляясь за мать, дети ответили ей горьким плачем. Тут Якуб не выдержал, подошел к женщине и обратился к ней на языке ее племени. Он сказал, что слышал разговор о перстне и хочет им помочь. Он попросил женщину продать ему перстень и сказал, что добавит денег, чтобы выкупить их и дать им свободу.

Задохаясь от слез, женщина благодарила Якуба. Путаясь, не находя слов, она пыталась коротко рассказать ему о том ужасном несчастье, какое случилось с их семьей и со всем кочевьем, подвергшимся нападению разбойников.

— Я вижу, идет хозяин, — сказал Якуб. — Попробую с ним сторговаться. Не знаю, сколько он запросит... Только попрошу тебя, при-

творишься больной, сделай вид, что ты едва стоишь на ногах, иначе он запросит слишком много.

— Увы, мне не надо притворяться, — вздохнула невольница. — Разве ты не видишь, какое желтое у меня лицо, как дрожат мои руки и ноги? Уже много дней я пребываю в страшном ознобе, а по ночам горю как в огне. Мне не надо притворяться... — Звякнув бронзовыми цепями, женщина опустила на землю.

Тут Якуб увидел цепи, сковавшие ее ноги, и понял, почему дети не отходили от нее: все они были прикованы к одной цепи.

Когда к Якубу подошел богато одетый человек с толстой кожаной плеткой в руках, юноша обратился к нему с важным видом молодого господина, который может себе позволить купить все, что ему вздумается. Играя своим перстнем, чтобы привлечь внимание на драгоценный изумруд, Якуб спросил, сколько нужно уплатить за этих «маленьких щенят». Так он назвал детей.

— Они пригодятся мне на конюшне, — сказал он. — А эта женщина, их мать, мне не нужна. Посмотри: она так больна, что едва держится на ногах.

— Как — больна! — возмутился работороговец. — Она притворяется. Я их кормил и не бил. Я разорился. Тому виной моя доброта. А это все притворство. — Пинком ноги он поднял женщину, но та со стоном снова опустила на землю. — Она в самом деле не стоит на ногах или так ловко притворяется? Может быть, ей плетка поможет?

Он поднял плетку, но Якуб остановил его и спросил:

— А сколько за всех троих? Разумеется, ты учтешь, что она больна!..

Они долго торговались, а женщина тем временем не переставала плакать. К концу дня, как всегда, озноб сменялся жаром, и она едва держалась на ногах. К тому же она давно не ела и очень горевала о том, что голодны ее дети. Когда она увидела, как Якуб отсчитывает серебряные дирхемы, она стала плакать от радости и счастья. Ей не верилось, что близка желанная свобода.

Но вот и счастливый миг. Якуб потребовал снять цепи, и работороговец сделал это очень быстро и умело. Должно быть, он давно уже наловчился торговать людьми.

— Теперь мы в твоей власти, — улыбнулась женщина. — Веди нас куда-нибудь подальше от невольничьего рынка.

Они пошли в караван-сарай, и надо было видеть радость Абдуллы, когда Якуб сказал ему, что эта женщина с детьми из хорезмийских степей свободна. Старик стал кормить детей, и Якуб испытывал не-

обычайную радость, глядя на молодую мать и курчавого малыша, которые то плакали, то смеялись и непрестанно обращались к нему со словами благодарности.

Утолив голод, дети тут же уснули, а женщина стала рассказывать Якубу и Абдулле о своем кочевье, о муже, который владел большим стадом овец и всегда мог прокормить свою семью. Она рассказала о том, как посланные Махмудом Газневидским воины напали на их кочевье, угнали стада и забрали в рабство мужчин.

— Мы остались нищими и обездоленными, — говорила она. — Нас забрали в рабство и продали багдадским купцам. Когда мы покидали свои селения, они были охвачены пламенем.

— Откуда у тебя такой дорогой перстень? — спросил Якуб.

— Муж получил его от купца, который шел с караваном мимо наших мест и подвергся нападению разбойников. Мой муж с людьми нашего племени помог прогнать разбойников и выручил купца, шедшего с караваном. Он оставил ему в благодарность вот этот перстень, хорошего коня и дорогую одежду. Ведь муж спас ему не только достояние, но и жизнь. А теперь мы сироты и нам некуда идти.

Якуб предложил женщине доставить ее в родные края, где ее соплеменники поставят ей шатер и помогут прокормить детей.

Ночью, когда караван-сарай утих и только храп нарушал безмолвие, Абдулла увидел Якуба с каламом в руках. Он спросил юношу:

— Ты много уплатил за них? Ты не боишься разгневать отца? Я не помню случая, чтобы он покупал невольника.

Якуб признался, что не хочет говорить об этом отцу и намерен доставить невольников в хорезмийские степи так, чтобы отец и не узнал о происшедшем. А деньги, потраченные на них, он получит, продав свой перстень с изумрудом, а также драгоценный перстень этой женщины, которая собиралась лишиться себя жизни и загубить детей, воспользовавшись ядом.

— Да поможет им аллах! — воскликнул старик. — Это хорошо, что ты их выкупил. Человек должен жить, пока аллах дарует ему дни. Это хорошо, что яд из перстня Джафара не пошел им во вред, а, наоборот, помог спасти им жизнь.

Якуб копнул ножом земляной пол и, смешав яд с большой горстью земли, закопал его.

— А если все-таки не хватит денег, — сказал Абдулла, — ты не трать полученное за товары. Отец болен, не надо его тревожить. Я дам тебе взаймы. Я кое-что накопил для подарков племяннице. Ведь она у меня невеста.

Дни, оставшиеся до возвращения в Бухару, Якуб потратил на знакомство с «Домом мудрости», на посещение книжного базара, на поиски книг, которые могли бы пригодиться устоду. Здесь же, на базаре, он узнал у одного почтенного шейха о большом замке, в котором сохранилась прекрасная библиотека, названная «Сокровищницей мудрости». С давних времен туда приходили люди из разных стран и оставались там изучать всевозможные науки. Незнакомец рассказал Якубу, что слышал про это абу-Машар, астролог из Хорасана. Он направлялся в хаджж, но, увидев эту библиотеку, остался там. Он изучил в ней науку о звездах и настолько увлекся этой наукой, что стал отступником.

— И было это концом его знакомства с хаджжем, с религией и с исламом, — говорил шейх. — Так что, сынок, — обратился он к Якубу, — не всякая сокровищница знаний может принести пользу. Как видишь, абу-Машару она причинила вред.

Слова старого шейха запали в душу Якубу. Он захотел побывать в Керкере, около Багдада, где была эта «Сокровищница мудрости», но ему помешали заботы, свалившиеся на него неожиданно.

Внезапно тяжело заболела бедная женщина, мать детей, которых Якуб выкупил и хотел доставить в родные хорезмийские степи. Больная еще больше похудела, пожелтела и от сильного озноба долгие часы не переставала стучать зубами. Абдулла заботливо поил ее настоем трав, прикладывал к голове мокрую глину, взятую с могилы святого. А когда увидел, что не помогает, отправился на базар и купил шкуру ядовитой змеи. Он привязал эту шкуру к левой руке в надежде, что это непременно исцелит больную, ослабит жар и озноб. Больной не стало легче. И когда Якуб узнал об этом, он не пожалел денег и привел в караван-сарай опытного врачевателя. Осмотрев больную, лекарь сказал Якубу горестную весть: тяжкий недуг уже сделал свое дело, больная догорает, как светильник без масла.

— Но что-нибудь можно сделать для нее? Нельзя ли обнадеживающим словом поднять ей дух, вселить надежду? — спросил Якуб. — Я знаю, друг моего устода Абу-Райхана ал-Бируни, известный врачеватель ибн Сина, до последнего мгновения старается поддержать надежду в больном. И я знаю, этот удивительный лекарь вернул к жизни безнадежных больных.

Старик призадумался, и на его продолговатом, словно обтянутом пергаментом лице мелькнула улыбка.

— Ты знаком с таким знаменитым врачом-врачевателем? Слава о нем дошла до Багдада. Должно быть, я не умею делать того, что он умеет. Надо тебе сказать, когда больной подает хоть малейшую надежду, тогда я подхватываю эту надежду и всеми способами внушаю ему уверенность в хорошем исходе. Поверь мне, я вернул к жизни сотни людей. Но сейчас мне нечего было сказать... И все же я пойду. Я кое-что скажу. Я был неправ, поторопился. Ведь речь шла о невольнице. Так мне сказал старый погонщик.

— Для аллаха всемогущего все правоверные равны, — ответил Якуб. — Насколько мне известно, эта женщина из племени, которое приняло веру аллаха.

Строгое восковое лицо лекаря смягчилось, в суровых, словно остекленевших глазах мелькнул огонек. Он молча поспешил к ложу больной и, присев рядом, стал ей говорить о том, что многое зависит от ее воли. И если она очень пожелает, если очень поверит в свое исцеление, то, приняв те лекарства, которые он оставил ей, она скоро подыметься и сможет отправиться в дальнейшее путешествие. И, по мере того как он говорил все это, у женщины светлело лицо, оживали глаза.

— Я очень хочу выздороветь. Это нужно моим малюткам. Ведь без меня они погибнут. Кто доставит их в родные степи? Кто поможет им найти людей нашего племени? Нам выпало большое счастье. На страшном пути невольников нам встретились благородные люди. Не только Якуб ибн Мухаммад проявил к нам величайшую доброту и щедрость, но и старый погонщик верблюдов Абдулла оказал нам великодушие. Его можно сравнить только с заботливой матерью... Как же теперь?..

Женщина горько плакала, и лекарь, которого растрогали ее слова, протянул ей порошки в пергаментной бумаге и сказал, что он дает ей очень редкое и дорогое лекарство, которое поможет. Но только не следует ни плакать, ни огорчаться.

Лекарство и в самом деле принесло облегчение, и Якуб уже склонен был верить в полное исцеление женщины. Как он этого желал! Прожив несколько лет рядом с такими учеными, как ал-Бируни и знаменитый ибн Сина, Якуб уже многое понимал в медицине. Вспоминая рассуждения великого медика, он думал о том, что не столько лихорадка, сколько горе подкосило здоровье женщины и сделало ее такой слабой и немощной. Но, рассуждая так, он убеждал себя в том, что освобождение женщины из рабства должно было стать лучшим лекарством. Почему же этого не случилось?

Пять дней больную навещал знаменитый багдадский лекарь, но

женщина не поднялась. Она угасла, как гаснет слабый огонек светильника на ветру.

Провожая ее в последний путь, Якуб вспомнил слова Абу-Али ибн Сины, которого он очень почитал и о котором много думал все эти дни. В своих стихах Абу-Али писал:

От праха черного и до небесных тел
Я тайны разгадал мудрейших слов и дел.
Коварства я избег, распутал все узлы,
Лишь узел смерти я распутать не сумел...¹

* * *

Сироты остались на попечении Якуба. И, отправляясь в обратный путь, он совершенно не знал, что ему делать, куда их девать.

Обратный путь был печальным, даже скорбным. И не только оттого, что дети, которых опекал Абдулла и которых всячески старался развлечь Якуб, не переставали плакать и причитать на своем малопонятном гортанном языке, но и потому, что Якуба мучила мысль о человеческом горе, которое, как ему казалось, затопило всю землю. Он непрестанно думал о несчастных, попавших в рабство. Ночью ему мерещился невольничий рынок и люди — черные, желтые, белые, в деревянных колодках, в бронзовых цепях, с печальными, скорбными глазами. Он думал об отце, который болен загадочной болезнью и неизвестно, выздоровеет ли. Ведь эта женщина, мать детей, не думала о том, что в ее теле затаился столь страшный недуг?..

Совсем еще недавно, несколько дней назад, Якубу казалось, что он будет гордиться и радоваться, как умело он выполнил трудное поручение отца. Он был так счастлив в тот день, когда получил все товары, которые должен был закупить на багдадском базаре, и когда сделал последние записи на своем пергаменте, чтобы потом во всех делах отчитаться перед отцом. Заботы и огорчения помешали ему побывать в Керкере и увидеть «Сокровищницу мудрости». Он не смог увидеть астрономов и посмотреть багдадские астролыбии... Куда же теперь везти детей? Где найти это племя кочевников? Ведь дети никого не знают. Если же он возьмет их к себе домой, тогда он должен рассказать отцу о случившемся: о том, как он купил невольницу с детьми на багдадском базаре, о смерти матери этих детей. И тогда Якубу неизбежно надо признаться отцу в том, что он продал свой драгоценный

¹ Перевод С. Липкина.

перстень и взял займы у Абдуллы изрядную сумму денег, чтобы расплатиться с работником. Может быть, отец бы и дал денег и позволил взять сирот в свой дом, но без разрешения нельзя делать такие вещи! Он не может огорчать больного отца.

Якуб стал угрюмым и неразговорчивым. Он дни и ночи думал о судьбе несчастных сирот, но ничего не придумал. Когда они были уже в трех днях пути от Бухары, он решил поговорить с Абдуллой.

Вслушав Якуба, Абдулла призадумался.

— Вот что, — сказал он. — Если уж ты начал доброе дело, то не следует его бросать на полпути — ведь ты отлично знаешь, что аллах видит все добрые дела на земле. Не отдавай детей неведомым людям кочевого племени. Да и где ты найдешь то племя, к которому они принадлежат? Я думаю, что при желании ты добудешь немного денег, чтобы помочь сиротам. А я отвезу их к твоему знакомому, ткачу Ибрагиму из Ведара, и попрошу его взять детей на свое попечение. Твой отец нередко посылает меня в Ведар за тканями, я буду их навещать. Дети научатся работать на ткацком станке и добудут себе пропитание.

— Твои слова как бальзам! — воскликнул радостно Якуб. — Хорошая мысль пришла тебе в голову, Абдулла! Я мог бы еще целый год думать и не придумал бы этого. В самом деле, можно ли найти человека более достойного, чем ведарийский ткач Ибрагим? Я никогда не забуду, как он спас мне жизнь, когда мне угрожала самаркандская яма. Вези их туда, Абдулла! Это самое разумное. Я дам тебе немного денег, ты передашь Ибрагиму поклон и скажешь ему — пусть назовет их своими племянниками и пусть никогда не говорит о них моему отцу. Настанет час, я сам все расскажу ему.

На том они и расстались. Абдулла, забрав детей и погрузив на верблюды небольшую поклажу, отправился в Ведар, а Якуб вместе с караваном вскоре прибыл в Бухару.

Мухаммад радостно встретил сына. Якуб давно уже не видел отца таким веселым. Отца радовало, что вернулся из дальнего путешествия Якуб и что сам он почувствовал былую силу.

Знакомясь с пергаментом, на котором Якуб старательно записал все свои торговые сделки, ал-Хасияд понял, что его сын ничего не потерял, занимаясь науками. Наоборот, оказалось, что науки помогли Якубу в торговом деле и его знания принесли ему, Мухаммаду, превеликую пользу. Длинный свиток пергамента, исписанный четким почерком Якуба, был лучшей наградой Мухаммаду. Перечитывая уж который раз этот свиток, он думал о том, как будет хвастать этим пер-

гаментом на бухарском базаре и как поразит своих соотечественников, которые вряд ли имеют таких разумных и образованных помощников в своем деле.

Якуб отдал отцу золото и серебро, полученное за проданные товары, вручил ему мешочек с драгоценными камнями. Разложив их на листе бумаги, Якуб долго рассказывал, в чем особенность каждого купленного камня и в чем его ценность. Вот когда Мухаммад получил достойную награду!

Несмотря на то что Якуб видел отца в таком добром и радостном настроении, он все же не решился рассказать ему историю с бедными сиротами, которых он сейчас должен был опекать. Юноша подумал о том, что легче всего свалить этот груз на плечи отца. Но разве в этом будет благородство его поступка? Уж если так случилось, что аллах привел их под его опеку, то он сам должен сделать все возможное. Якуб решил, что отошлет с Абдуллой часть тех денег, которые отец даст ему на пропитание в Хорезме, а сам он будет довольствоваться малым. Но тут помог счастливый случай. В порыве благодарности Мухаммад пожелал сделать сыну богатую одежду.

— Тебе непристойно, сын мой, носить эту неприметную, будничную одежду, — сказал отец, вручая Якубу мешочек с деньгами. — Вот тебе достаточно денег, чтобы сделать богатое одеяние, достойное человека, который бывает при дворе великого хорезмшаха. Я не стану покупать тебе одежду. Ты сам сделаешь это лучше меня.

— Пусть аллах пошлет тебе много здоровья и удачи! — воскликнул радостно Якуб. — Я охотно сделаю себе такую одежду, и право же, это доставит мне большое удовольствие. Только позволь, отец, сделать это в Гургандже. Раз уж случилось так, что я бываю в знатных домах хорезмийской столицы, то стоит ли мне припасать одежду в Бухаре? Я там на месте куплю то, что нужно.

— Делай, сынок, как знаешь!

Это была большая удача для Якуба. Теперь он имел достаточно денег, чтобы прокормить сирот целых полгода. А потом еще что-нибудь перепадет, думал Якуб. И как хорошо, что не нужно огорчать отца и мать! Кто знает, как они приняли бы просьбу Якуба о том, чтобы поселить в доме неизвестных им детей. Все устраивалось как нельзя лучше. Он был просто счастлив. Правда, он лишился очень приятных и дорогих ему вещей. Он не имеет больше перстня с драгоценным изумрудом, который охранял его от чар любви, от моровой язвы и от бессонницы. Он не будет иметь новой красивой одежды, в которой ему хотелось бы покрасоваться перед Хусейном, всегда богато одетым. Но

зато он расплатится с Абдуллой и даст возможность старику сделать подарок своей племяннице.

На этот раз дни, проведенные в Бухаре, промчались в радости. Отец был здоров и доволен. Мать не вспоминала своей обиды. Никто не пытался его поучать, никто ему ничего не указывал. Наоборот, он видел, как все прислушиваются к его словам. Он много и подробно рассказывал отцу о своем путешествии в Багдад, о встречах с купцами. Якубу было грустно покидать родной дом, но мысль о том, как много интересного ждет его в Гургандже, заставила его поторопиться. Он уже собрался в путь, как вдруг отец сообщил ему страшную весть. Купцы, прибывавшие из Гурганджа, говорили, будто султан Махмуд Газневидский подчинил себе Хорезм, убил хорезмшаха Мамуна и завладел богатствами страны.

— Нельзя тебе возвращаться в Хорезм, — говорил Якубу отец. — Все рухнуло! Вряд ли уцелел твой устод. Да и ты подвергаешь себя опасности. Говорят, что воины Махмуда грабят и убивают без разбора. Оставайся, сынок!

— Как же я могу оставить моего устода? О чем ты говоришь, отец? Я завтра же еду. Аллах милостив, он поможет нам. Я должен поспешить к благородному Абу-Райхану!

ДВОРЕЦ МАМУНА В ОГНЕ

На этот раз Якуба провожали со слезами и воплями, будто на верблюде сидит уже не он, а его жалкие останки, завернутые в дорожный пыльный плащ. Отец и мать не могли примириться с мыслью, что сын их едет в разоренный Гургандж.

— Пойми, сынок, — говорил Мухаммад, — давно уже нет в живых твоего благородного устода. Он не мог уцелеть в этой смуте. Султан Махмуд рыщет по всей земле в поисках еретиков, чтобы убить их и очистить землю от неверных. Но ты ведь сам говорил, что Абу-Райхана считают еретиком. Как же он мог уцелеть? Увы! Боюсь, что прах его уже развеян по ветру и только в памяти нашей остался благородный устод...

— Этого не может быть, отец. Абу-Райхан жив! Но если его убили злодеи, посланные Махмудом, он останется для людей в своих книгах. Его душа — в его прекрасных мыслях. Я видел, как он писал. Я читал его книги — они драгоценны и вечны... Но зачем мы хороним того, кто живет и творит? Я не верю в такое злодейство. Тебе сказали, что дворец Мамуна в огне. Но почему же должен был погибнуть Абу-

Райхан? Я обязан поспешить туда и все увидеть своими глазами. Здесь мне не будет покоя!.. Я еду!

Тронулся караван, и последним в длинной веренице груженных товарами верблюдов был верблюд Якуба.

«Старик говорил, что дверь бедствий широка, а день радости краток, — вспомнил Якуб. — Как верно все это! Промчались счастливые дни под кровлей благородного устода. И вот нет кровли — пепел и слезы вокруг. А что стало с Мамуном? Значит, прав был Хусейн, когда говорил все страшное о султанине Махмуде Газневидском? Люди призывали милость аллаха и верили, что он поможет. А всемогущий отступился, его не тронули кровь и слезы невинных жертв...»

В тяжких размышлениях прошел путь до Гурганджа. Иной раз Якубу хотелось броситься на землю и излить свое отчаяние в горьких слезах.

В полдень караван пришел в Гургандж, и то, что представилось Якубу, намного превосходило картину, нарисованную его воображением. Повсюду зияли руины. Пышный дворец Мамуна, превращенный в груды камней и пепла, красноречиво говорил о трагедии хорезмийского царства.

«К чему же могущество и богатство, если все это можно низвергнуть в бездну в один день, в один час?..»

Здесь же на улицах Гурганджа, Якуб узнал, что Мамун убит.

Где же Абу-Райхан ал-Бируни? Скорее к нему! Может быть, он жив и, невзирая на бесчинства врагов, продолжает свои наблюдения за звездами?.. Как раз перед отъездом его, Якуба, в Бухару устод начал большую работу и так сожалел, что не будет иметь помощника! Успел ли он что-нибудь сделать?..

Вот его дом. Он цел. Слава аллаху, дом устода не поджигали, должно быть, он жив...

Якуб вошел в калитку, увидел прикрытую дверь, и сердце его замерло от дурного предчувствия. Он отворил дверь и столкнулся с незнакомым ему человеком. Это был новый хозяин дома, почтенный хаджиб из дивана переписки. Он сказал Якубу, что благородный ученый покинул Гургандж и отбыл в Газну, куда его призвал султан Махмуд.

— Он жив! — обрадовался Якуб. — Какое счастье! Я поспешу в Газну. Мой устод жив! Я так и думал!..

Якуб покинул дом устода в радостном возбуждении и даже не догадался спросить почтенного хаджиба о судьбе Хусейна. Ну ничего, он его найдет!

Якуб и в самом деле нашел Хусейна. Молодой человек по-прежнему служил в диване переписки.

Якуб со слезами бросился к Хусейну. Он обнимал и целовал его, как самого близкого и дорогого друга, чудом уцелевшего.

— Как же случилось столь ужасное? Это непостижимо, Хусейн!

Якуб с волнением стал расспрашивать друга о случившемся. Он засыпал его вопросами о том, куда девались ученые, как уезжал Абу-Райхан, где теперь ибн Сина и как случилось, что убит Мамун, а дворец его разорен.

— Хорезмшах Мамун не думал, что дни его сочтены, — ответил Хусейн. — Он не знал, что его пышный дворец со всеми богатствами превратится в груды пепла. Он думал, что воздвигнутые им крепости послужат ему укрытием от злых сил. Но ведь Мамуна убили его собственные воины. Они же подожгли дворец и уничтожили всех царедворцев. Султан Махмуд пришел уже потом, когда все было сделано. Он назначил правителем Хорезма коварного и жестокого человека из своих же тюрок. Он был главным хаджибом и угодливостью своей сумел внушить доверие султану. Это Алтунташ. Он достиг высшей власти.

— Значит, с хутбы и началось? Теперь я понимаю, — сказал Якуб. — В недобрый час задумал Мамун читать молитву в честь Газневидов во дворцовой мечети. Хорезмийская знать не хотела простить правителю такого унижения.

— Полководцы хорезмшаха Мамуна хотели видеть свой Хорезм независимым. И весной, вскоре после твоего отъезда в Бухару, войско хорезмшаха, стоявшее в Хазараспе, пошло на столицу. Воины убили вазира и многих чиновников дивана. А спустя несколько дней подожгли дворец, в котором заперся хорезмшах Мамун. В горящем дворце его нетрудно было убить. И вот нет более хорезмшаха Мамуна. Перед тобой — обугленные развалины дворца, а Хорезмом правит коварный Алтунташ.

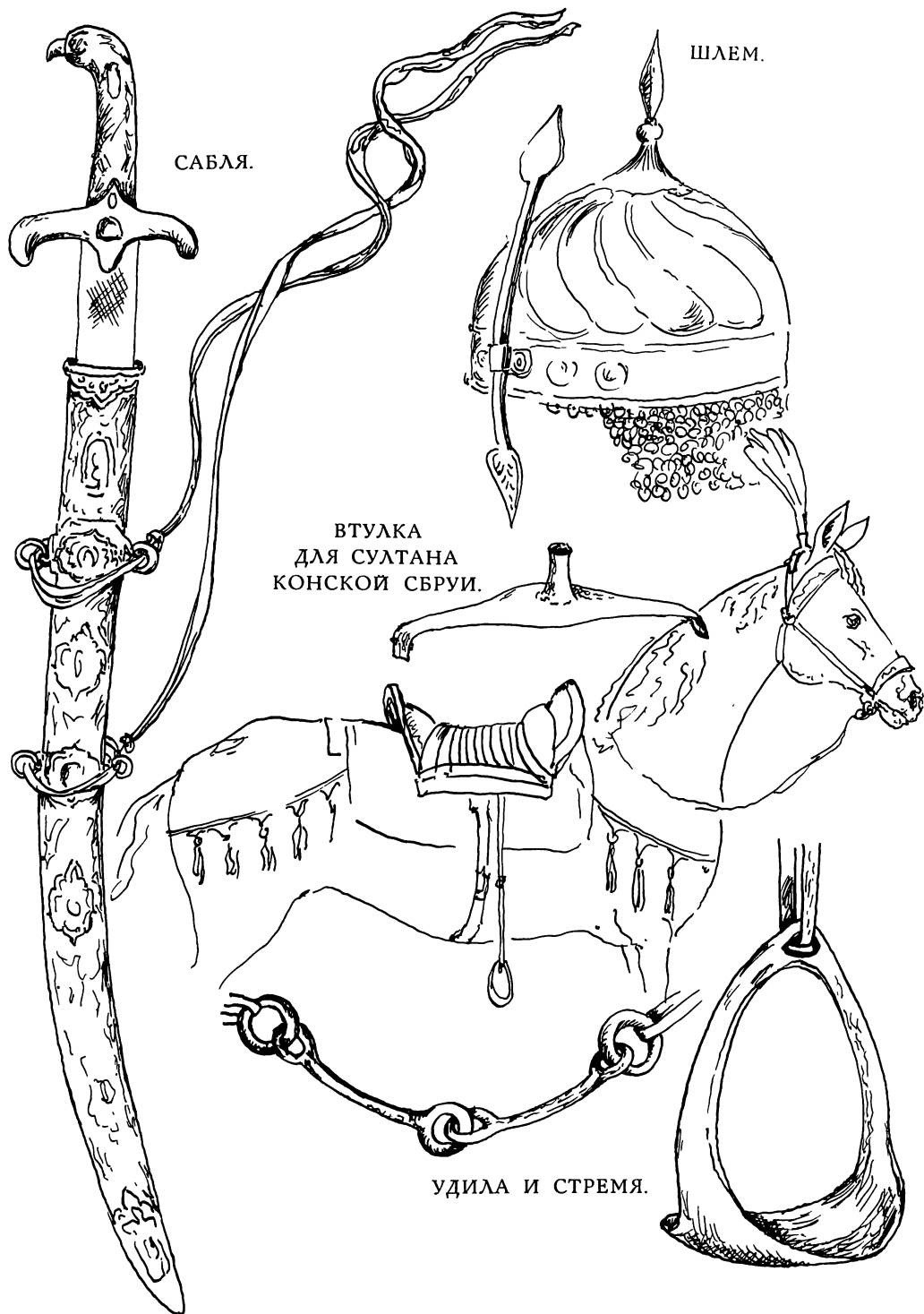
— А что же ты знаешь о судьбе ученых? — спросил Якуб.

— Иным удалось бежать. Где-то скрывается ибн Сина. Говорят, что бежавший вместе с ним старый философ Абу-Сахль Масихи погиб в пути. Абу-Райхану не удалось бежать. Султан Махмуд велел доставить его в Газну.

— Ты думаешь, он жив? Его не убили? Скажи, Хусейн!

— Зачем же убивать такого прославленного ученого? Наоборот, Махмуд будет его охранять, как он хранит в своих сундуках награбленные драгоценности.

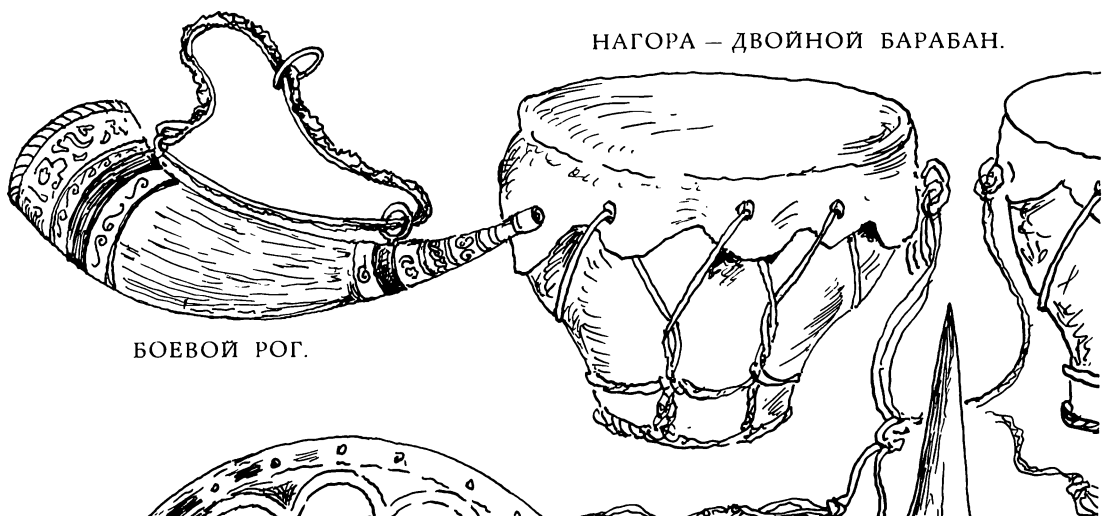
САБЛЯ.

ШЛЕМ.

ВТУЛКА
ДЛЯ СУЛТАНА
КОНСКОЙ СВРУИ.

УДИЛА И СТРЕМЯ.

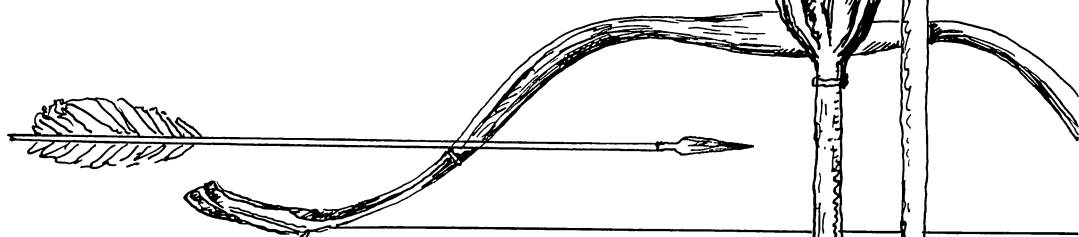
НАГОРА — ДВОЙНОЙ БАРАБАН.

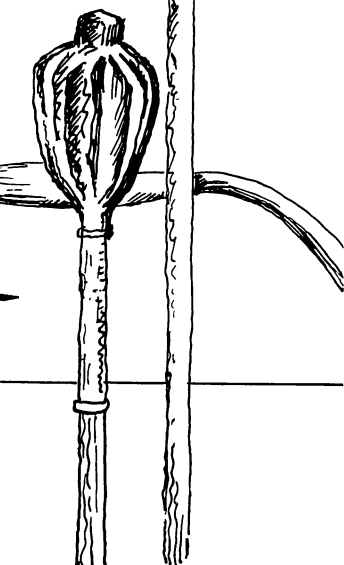
БОЕВОЙ РОГ.

ЩИТ.

ЛУК И СТРЕЛА.

КОПЬЕ И БУЛАВА.

- Тогда я должен отправиться в Газну.
- Сделай это осторожно, Якуб. Время тревожное. Никто не знает, что нас ждет завтра.
- А каково тебе сейчас в диване переписки? Должно быть, пришли новые люди, покорные Алтунташу? Тебе трудно, Хусейн?
- Могу только сказать в ответ стихами благородного ибн Сины:

С ослими будь ослом — не обнажай свой лик!
 Ослейшего спроси — он скажет: «Я велик!»
 А если у кого ослиных нет ушей,
 Тот для ословства — явный еретик!¹

С горькой усмешкой Хусейн читал строки философа, поэта и врача ибн Сины, который оставил по себе добрую память, покинул Хорезм навсегда.

Друзья расстались в печали. Прощаясь, Якуб сказал другу:

— Когда в Хорезм пришли вести о победоносных походах султана Махмуда в северную Индию, мой благородный устод Абу-Райхан ал-Бируни сказал: «Махмуд полностью разрушил процветание страны и совершил столь удивительные подвиги, что индусы превратились в атомы праха, разлетевшиеся по всем направлениям». Боюсь, — добавил Якуб, — что эти слова говорят не только об Индии, но также и о Хорезме.

Размышляя о случившемся, Якуб неизменно возвращался к мысли, как ничтожно могущество шахов. Он думал об их уверенности в своей силе, которая оказалась столь ничтожной, что не стоила уверенности простого ремесленника, вращающего гончарный круг. Якуб думал о своем устоде, который оказался во власти ненавистного султана. Абу-Райхан не раз говорил Якубу о том, что ему ценно благородство Мамуна, понимающего науку. А султан Махмуд Газневидский не слыл покровителем наук. Наоборот, о нем говорили, что он настолько невежествен, что даже не способен понять, чем занимается тот или другой ученый. Должно быть, он стремился завладеть учеными лишь потому, что знал им цену и считал, что правители других стран захотят ими завладеть так же, как они жаждут золота, драгоценных камней и рабов. Может быть, и сейчас, когда султану удалось увести к себе ученого-хорезмийца, он посчитал это такой же удачей, какая сопровождала его в походе на Индию. Известно, что он увел тогда сотни слонов, груженных сокровищами чужой страны.

¹ Перевод И. Сельвинского.

Бедный Абу-Райхан! Каково ему во власти тирана? А что теперь будет с Гурганджем? Кто будет главным мирабом Хорезма? Ведь при всех правителях Земля Солнца должна цвести. И как обидно, что так быстро ушел правитель, который способствовал процветанию Хорезма! А может быть, правду писал поэт Санаи? Якуб вспомнил строки, посвященные султану Махмуду. Они не делали чести этому завоевателю. Санаи рассказывал о том, как Махмуд, выехав однажды со своим вазиром на очередную охоту, увидел в пути развалины, а на них сидели две совы и о чем-то беседовали. Вазир, прислушавшись к разговору сов, начал горько плакать. Это привлекло внимание господина. Махмуд потребовал от вазира объяснения причины его печали. Вазир не сразу ответил. Он вначале заручился обещанием султана сохранить ему жизнь, а потом уже рассказал Махмуду следующее:

«Эти совы хотят породниться. Одна из них требует в приданое за свою дочь десять тысяч превращенных в развалины домов. А другая отвечает: «Не торопись, если султан Махмуд Газневидский еще год будет здравствовать и царствовать, то я дам тебе не одну и не десять, а сто тысяч развалин». Сказав это, вазир спросил: «Правду ли говорили совы, султан?»

«Однако надо торопиться к устоду, — думал Якуб. — Но как попасть в Газну? Нельзя же отправиться ко дворцу грозного правителя, как на прогулку!» Сидя в маленькой комнате, которую Якуб снимал все эти годы и в которой он прочел так много прекрасных книг, Якуб с грустью думал, что никогда уже не вернутся дни, проведенные здесь, в Гургандже. Якубу казалось, что, с тех пор как он впервые увидел Абу-Райхана, прошли десятилетия. А прошло всего семь лет. И едва только приоткрылась завеса над тем загадочным, что влекло его к науке. В сущности, жизнь только начинается, потому что настоящая жизнь — когда глаза открыты и видят весь прекрасный мир. А у него совсем недавно открылись глаза. Невежество и незнание — это черная пелена, которая заслоняет свет солнца и мешает человеку видеть прекрасное. Но, прежде чем отправиться в Газну, нужно побывать в доме ал-Хасана и узнать, что ему известно о судьбе устода, при каких обстоятельствах Абу-Райхан покинул Гургандж.

Ранним утром следующего дня Якуб был снова на улицах Гурганджа. Повсюду он видел людей в трауре, в слезах. В домах царедворцев, среди воинов и ремесленников — повсюду оплакивали погибших и призывали проклятия на голову правителя Газны.

Якуб медленно и нерешительно подходил к знакомому дому, боясь увидеть пожарище и разрушения. О счастье, дом цел! Якуб вошел

в калитку. Сад был прежним, и розы у бассейна... Но не видно ни Рейхан, ни слуг ал-Хасана, которых Якуб хорошо знал в лицо. А когда он подошел к дому, к нему вышел толстый лысый тюрк. Он спросил Якуба, что ему нужно, и, услышав имя ал-Хасана, брезгливо поморщился.

— Я ничего не знаю об этом человеке, — сказал он. — Многие о нем спрашивают.

«Что же случилось с семьей ал-Хасана? Может быть, все погибли в эти страшные дни? А может быть, они покинули Гургандж, как это сделали иные непокорные, не желающие попасть под власть газневидского султана?»

Проходя мимо бассейна, Якуб мысленно простился с благоуханным садом и с удивительной девушкой Рейхан, таинственной и загадочной, не пожелавшей выдать свои нежные чувства великому Абу-Райхану. Где она?

Якуб метался по улицам печальной столицы и не знал, где же можно спросить о семье ал-Хасана. Вот сейчас, когда никого уже здесь не было, он понял, что был очень привязан к этой семье. Он не покинет столицу, пока не разыщет Хусейна и не спросит его о судьбе ал-Хасана. И как он мог так беспечно отнестись ко всему происшедшему? Как он мог думать, что снова застанет в саду красавицу Рейхан! До поздней ночи Якуб тщетно искал Хусейна. Он долго стоял у дивана переписки, потом пошел на базар. Но там не было продавца книг и не было Хусейна. Он прошелся по улицам, заглянул в полуразграбленные лавчонки — все тщетно.

Мысли о случившемся тревожили Якуба всю ночь. Он решил, что, прежде чем отправиться в Газну, должен послать отцу письмо и просить его прислать к нему в Гургандж Абдуллу с несколькими верблюдами и товарами, которые можно сбыть в Газне. Если отец согласится, то он, Якуб, прибудет в Газну, как и всякий другой купец, а это будет куда вернее!

«Ты был прав, отец, — писал Якуб Мухаммаду. — Великие несчастья обрушились на Хорезм. Кто бы мог подумать, что к моему возвращению уже не станет великого покровителя наук Мамуна, а мой благородный устод Абу-Райхан окажется во власти жестокого тирана в Газне! Я стал свидетелем чудовищного злодейства. Я видел сожженные дворцы и стертые с лица земли селения ремесленников. Но люди говорят, что султан не убил ремесленников, а угнал их в свою столицу. Там они будут работать на пышный двор завоевателя и довольствоваться долей рабов. От моего друга Хусейна я узнал горькую истину

о гибели правителя и его приближенных. И снова я понял, отец, что роскошь и богатство не вечны, власть преходяща и обманчива и если есть сокровища, то это знания, которые нужны живущим на земле. Я хочу найти Абу-Райхана. Помоги мне, отец! Это в твоей власти. Пусть наш верный Абдулла прибудет в Гургандж с небольшим караваном. Пошли для Газны бухарские ткани, вышивки, немного кож и стекла. Поверь, отец, я старательно продам все это в Газне и верну тебе деньги. Но при этом я в безопасности прибуду в столицу Махмуда и разыщу там своего благородного устода».

Якубу удалось найти купца, который шел с караваном в Бухару. Он просил передать Мухаммаду письмо и с нетерпением ждал ответа. Прошло много тягостных дней, прежде чем Якуб увидел у порога своей каморки запыленного, обожженного солнцем Абдуллу. С ним было несколько верблюдов с поклажей. Благословенный час! Теперь можно было собираться в путь. Но хотелось все же увидеть Хусейна. Все эти дни, пока Якуб дожидался Абдуллу, ему так и не удалось найти своего друга. Это его тревожило. Дурные мысли приходили в голову. На этот раз Якуб снова заглянул на базар и был очень рад, когда увидел знакомого книготорговца. Но тот ничего не смог сказать о Хусейне. Молодой человек давно уже его не посещал.

— А ты спроси у кого-либо в диване переписки, — посоветовал книготорговец.

Якуб прошел в диван переписки и спросил о Хусейне у первого же встречного, кто вышел из дверей дивана.

— А зачем тебе нужен Хусейн? Он брошен в яму. Он провинился.

— Когда это случилось? За что могли бросить в яму Хусейна? Этого не может быть! Ты что-то перепутал.

— Ступай! От того, что ты не веришь, ничего не изменится. — Служитель дивана повернулся и пошел к себе.

Якуб догнал его и стал умолять рассказать ему правду, что послужило причиной гибели Хусейна.

— Он был умен и образован. Он был нужным человеком в диване переписки, — сказал Якуб.

— Все это так, — ответил служитель дивана, — но он был чрезмерно болтлив и самонадеян. Он позволил себе высказать слова уважения погибшему хорезмшаху Мамуну. — Служитель дивана переписки, понизив голос, продолжал: — При чиновнике дивана, имеющем длинные уши и злобный нрав, Хусейн говорил о достоинствах убитого хорезмшаха, о его образованности и щедрости... Я не стану повторять то, что он говорил, позабыв осторожность. Одно только скажу:

чиновник дивана, страдающий безмерной завистью к молодому удачливому Хусейну, решил, что выгадает, если донесет Алтунташу. И он выгадал. Он донес, Хусейн исчез, а его место было предложено доносчику. Алтунташ жесток и мстителен. Он будет корчевать все, что связано с именем Мамуна, и потому мы не могли вступить за Хусейна. Я не знаю тебя, но в глазах твоих печаль и скорбь, и это послужило причиной моего правдивого слова. Иначе я бы не стал говорить — ведь со мной может случиться то же, что и с твоим другом... Только не вздумай идти к яме. Ты не сможешь, а себе причинишь вред, — советовал на прощание чиновник дивана.

Якуб молча кивнул и, глотая слезы, удалился. Все услышанное показалось ему страшным сном. Перед глазами его стоял веселый и всегда приветливый Хусейн. Ему казалось, что он слышит его голос, и не верилось, что этот стройный, красивый юноша с золотым поясом, отличавшим его среди других молодых людей, не столь богатых, быть может, уже погиб или сидит в глубокой вонючей яме на костях умерших. Нет, он не успокоится, пока не побывает у ямы смертников и не сделает что-либо для бедного Хусейна. Только надо это сделать разумно. Хорошо, что здесь Абдулла! Он поможет.

Возвращаясь домой, Якуб все думал о судьбе Хусейна, о судьбе ал-Хасана и Рейхан, о погибшем философе Масихи, душа которого отлетела в райские кущи во время бегства из Хорезма, когда он, обессиленный, тяжело больной, остался лежать на раскаленном песке, а великий ибн Сина, сумевший спасти тысячи жизней, не смог вернуть дыхание своему благородному другу и стал свидетелем его кончины. Ужас и смятение охватили Якуба при мысли о том, как много хороших людей погибло вместе с Мамуном. И все из-за этой хутбы? Конечно, дело не в хутбе! Такова воля жестокого и коварного правителя Газны, таково желание султана Махмуда. Может быть, он это сделал оттого, что к нему не пожелали поехать знаменитые ученые? Кто скажет истину?

— Абдулла, Хусейн погиб! — крикнул Якуб, войдя в свою каморку. — Но, может быть, он еще жив, мы должны ему помочь!

— О чем ты говоришь, Якуб? Я не знаю Хусейна. Кто он?

И Якуб рассказал Абдулле о молодом человеке, об их знакомстве и недолгой дружбе. Он рассказал о самом страшном, что узнал у служителя дивана переписки. Нахмурившись, опустив голову, Абдулла долго молчал.

— Одно скажу тебе, сынок: тебе нельзя пойти к яме смертников в своей одежде, имея вид богатого и независимого человека. Ты обра-

тишь на себя внимание, и... я не стану рассказывать тебе о том, что может получиться от такой неосторожности. Однако мы не должны покинуть Хорезм, не попытавшись сделать что-либо для твоего бедного друга. Знаешь, Якуб, мне пришло в голову... Для доброго дела не постыдись... Если хочешь, я дам тебе рваную, запыленную одежду пустыни, в которой я вожу караваны. Надень все это, оберни голову грязной чалмой, возьми посох пастуха и суму странника, а я сделаю то же самое...

— Я все понял, мой добрый Абдулла! Откуда у тебя такие хорошие мысли!.. Скорей давай свою одежду погонщика. Даже больше того — мы можем взять одного верблюда. Ты будешь на верблюде, а я рядом с тобой, босой, словно мы вернулись из Мекки, после хаджжа, и тогда нам пристало искать несчастных и отдавать им последнее, что мы имеем. Скорее набивай суму лепешками и сушеной бараниной. Ты привез мне мед и изюм, любовно присланный моей матерью. Все клади в суму, Абдулла! Если бы я мог, я бы положил туда еще кусочек своего сердца. Ведь Хусейн был очень добрым и хорошим человеком. И, когда он сказал справедливое слово о погибшем хорезмшахе, он был прав. И я бы сказал такое слово. Как жесток и коварен этот тюрк, если он казнит за справедливое слово, не причинившее ему никакого зла! Я молю аллаха об одном, — признался Якуб, натягивая на себя дырявую, запыленную одежду Абдуллы, — я хочу лишь узнать, что Хусейн жив; тогда я спрошу, где его родители. Может быть, они живы и не знают о постигшем их несчастье.

Якуб мигом преобразился. Надев грязную, потрепанную чалму Абдуллы, он в самом деле стал похож на бедного странника, пересекавшего знойную пустыню, чтобы посетить святыне места. Его только выдавали белые ноги, не привыкшие к знойным пескам. Это тотчас же заметил Абдулла. Он взял ком глины, приготовил месиво и густо замазал ноги Якуба грязью. Как только они подсохли и появились трещины, Абдулла сказал, что в таком виде уже можно отправиться в путь. Старик сел на верблюда, а Якуб с посохом в руках и сумой на плече шел рядом, понуриив голову. Глядя на них, прохожие могли думать, что это бедные странники. Простодушные даже могли бросить к ногам Якуба мелкую монетку, выпросив себе таким образом молитву и благословение. Так и сделала знатная госпожа, одетая в траурную одежду. Видимо, она хотела просить молитву за упокой погибшего мужа или сына. Якуб все понял и, нагнувшись, поднял мелкую монетку, утонувшую в густой мягкой пыли.

Наконец они очутились у крепости. А рядом с ней были ямы смерт-

ников, откуда слышались вопли и стоны несчастных. Одни были осуждены на гибель от голода и жажды, других должны были посадить на кол. Это было страшное место; все знали, что люди, попавшие сюда, никогда не возвращаются.

Остановив верблюда, Абдулла спешил и стал поправлять поклажу. А Якуб, воспользовавшись тем, что поблизости не было охранника, подошел к яме и крикнул: «Хусейн ибн Хаким!..» Оттуда протянулось множество пергаментных, изможденных рук. Он видел какие-то головы, но не смог различить лицо своего друга — там были люди почтенные, бородатые. Якуб бросил им несколько лепешек и поспешно отошел. Он не мог смотреть, как они кинулись к этим лепешкам, словно голодные псы, которым брошена кость. Поблизости была другая яма. Громко читая молитву, Якуб подошел к ней и снова крикнул: «Хусейн ибн Хаким!..» — и услышал:

— Кто же это, кто вспомнил обо мне, несчастном?..

В это время показался охранник, и Якуб стал громко читать молитвы, как это делают одержимые, посетившие святые места. Когда охранник удалился, Якуб поспешно бросил суму и крикнул:

— Хусейн, лови!..

Сума скрылась в глубокой темной яме, и вскоре Якуб услышал сквозь рыдания слабый голос Хусейна:

— Аллах милостив. Пусть он пошлет тебе счастье!

Снова показался охранник, и снова Якуб стал читать молитвы. А когда охранник скрылся за выступом стены, Якуб спросил Хусейна, где его отец...

— Родители уехали в гости к деду! — крикнул Хусейн. — Он живет в Кяте... Найди их, помоги мне...

Больше Якуб ничего не услышал, рыдания душили Хусейна, мешали ему говорить.

Медленно брел верблюд по залитым солнцем улицам Гурганджа. Рядом с ним, опираясь на посох и низко опустив голову, в глубокой задумчивости шел Якуб. Небо было ясное, синее, прекрасное небо Хорезма, но Якубу оно казалось пасмурным, свинцовым. Якуб шел молча и долго не отвечал на вопрос Абдуллы: «Нашел?..»

Наконец он ответил:

— Хусейн жив, я еду в Кят — надо его спасти!..

Абдулла не хотел оставить в трудную минуту своего любимца. Он последовал за Якубом в Кят и помог ему найти дом старого виноградаря, где гостили родители Хусейна. Через час после прибытия в Кят все уже были на тропе, ведущей в Гургандж.

«Только бы поспеть!» — тревожился Якуб.

Отец Хусейна гнал своего верблюда так, что никто не мог поспеть за ним. Это давало хоть небольшую надежду.

В Гургандже, расставаясь с Якубом, Абу-Хаким сказал, что выкупит сына во что бы то ни стало, был бы он только жив.

Якуб с Абдуллой отправились в Газну. Они покидали столицу Хорезма в скорбном молчании. Якубу казалось, что сердце его разрывается от горя. Ему не верилось, что так быстро и неожиданно произошли в стране такие большие перемены. Он думал сейчас не только о судьбе Хусейна — его тревожила судьба многих людей, с которыми он столкнулся за годы, проведенные в этой стране. Живя рядом с благородным ал-Бируни, Якуб привык думать о том, что рано или поздно справедливость восторжествует. Может быть, он думал так потому, что не раз был свидетелем того, как учитель защищал справедливость?..

«Хорошо, что здесь нет Абу-Райхана. Неизвестно, каково ему в золотой клетке султана Махмуда, но вряд ли он смог бы перенести всю жестокость и несправедливость, которая пришла вместе с новым правителем Хорезма...»

Всю дорогу до Газны Якуб не переставал думать о своем устоде. Его мучила мысль о том, что он хранит тайну, которую, быть может, следовало выдать. Раскрыв эту тайну, он бы принес радость устоду, и эта радость озарила бы суровые дни, полные забот и тревог. Вряд ли кто знает, каких трудов стоит самый маленький опыт, самое маленькое доказательство справедливой мысли, хотя бы в той же астрономии. Но ведь устод занимался не только астрономией... «Что ты сделал, Якуб? — говорил он сам себе. — Ты заботливо охранял гордость девушки, не пожелавшей открыть свою душу этому замкнутому и суровому человеку. Но, если бы ты изменил своему слову, ты бы помог ее счастьем и, быть может, помог бы счастью любимого устода. А теперь уже все это непоправимо. Никто не знает, где теперь Рейхан, жива ли она. А устод вряд ли сможет собой распорядиться. Ведь он во власти султана Махмуда...»

Якуб покинул Хорезм с чувством горечи и величайшей утраты. И, как он ни старался внушить себе, что на то воля аллаха и что люди не в силах препятствовать этой воле, обида за происшедшее не давала ему покоя.

На пути в Газну Якуб мысленно простился со своей юностью. Он вдруг почувствовал себя зрелым, озабоченным судьбой людей и готовым бороться с тем злом, которое, как ему казалось, затопило землю.

В ЗОЛОТОЙ КЛЕТКЕ МАХМУДА

Газна показалась Якубу даже чрезмерно богатой. Он долго рассматривал усталый мраморный двор главной мечети при дворце султана, восхищаясь красотой камня. Вокруг повсюду копошились рабы. Их было так много, что Абдулла подивился:

— Больше, чем у самого халифа в Багдаде!

— Конечно, больше, — заметил невозмутимо Якуб. — Хусейн говорил мне, что во время одного из походов в северную Индию султан угнал пятьдесят семь тысяч рабов и триста пятьдесят слонов.

Длинной вереницей шли изможденные люди, таская на себе мраморные плиты, бревна и корзины глины для сооружения нового дворца. Худые, изможденные люди едва плелись по пыльной дороге. И от того, что их было больше, чем других людей — ремесленников, воинов, земледельцев, — становилось даже страшно.

— Их так много, — заметил Якуб, — они могут подняться против своего господина и разнести его дворцы.

— Нет, Якуб. Повсюду есть рабы, и никто их не боится. Аллах отказал им в своем покровительстве.

Абдулла говорил это с такой убежденностью, что Якуб не стал ему возражать. Когда он слышал прежде от Хусейна о несметном числе рабов, он смутно себе представлял это, а вот теперь он удивлен. И почему бы им в самом деле не разнести дворцы правителя?

Привратник у дворца сказал Якубу, на какой улице следует искать дом ученого-хорезмийца. Якуб и Абдулла пошли по маленькой улочке, скрывшейся в тени акаций.

С волнением Якуб переступил порог нового дома. Наконец-то он увидел Абу-Райхана на такой же глиняной суфе, как и в Гургандже, склонившимся над пергаментом. Сердце у него забилося от радостного волнения. Якуб вошел тихо, так, что Абу-Райхан не услышал и, когда до него донеслось знакомое слово «устод», вздрогнул и оглянулся, видимо не питая никакой надежды на то, что здесь вдруг окажется его любимый ученик. Но тут Якуб уже не сдержался, кинулся к устоду и стал сжимать его в своих объятиях. Якубу еще ни разу не пришлось видеть учителя таким взволнованным и радостным. Ал-Бируни просто сиял от счастья. Он всегда работал уединенно, но он знал, что где-то близко есть добрые друзья, которые всегда рады его видеть. В Хорезме их было много и среди знати и среди ремесленников. А вот здесь он был настоящим отшельником. Здесь не было людей, близких ему, которые бы оценили его труды. Якуб стал для него лучом солнца, прорвавшимся сквозь черные тучи.

— Хорошо, что ты здесь, друг мой, — сказал Бируни, подарив Якубу ясную улыбку, какой давно уже не было на его лице. — Я рад тебя видеть, Якуб. Буря, пронесшаяся над нами, принесла много разрушений и несчастий. А ты напомнил мне о добрых днях, проведенных в Хорезме, о добрых друзьях... Могли ли мы думать, что на наших глазах свершится крушение великого Хорезма, а мудрый правитель хорезмшах Мамун бесславно погибнет?.. Кого же ты увидел в Гургандже? Не удалось ли тебе повидать ал-Хасана и дочь его, прекрасную Рейхан?

— Никого не увидел, устод!

— Как прискорбно это! Живы ли они? Смогли укрыться или... А ты не удивился, Якуб, узнав, что я в Газне?

— Я подумал, что ты прав, мой устод, согласившись отправиться ко двору султана Махмуда, завоевателя Индии. Насколько мне известно, твое сердце давно уже предано этой прекрасной и удивительной стране. Я подумал, что нет худа без добра. Может быть, сейчас, устод, осуществится твоя давняя мечта и ты побываешь в Индии. Не для того ли ты изучал санскрит — язык индусов? Я помню, ты отры-

вал от занятий и от сна многие часы, чтобы постичь язык индусов и прочесть их книги.

— То, что увидит глаз, того не услышит ухо, — ответил с усмешкой Абу-Райхан. — В какой-то мере ты прав, Якуб. Мне приятно, что ты так тонко все понимаешь. Увидеть Индию — давняя моя мечта. Но я бы предпочел побывать в Индии, не будучи на службе у султана Махмуда. Случилось так, что я не смог бежать, как это сделал ибн Сина, и мне пришлось выполнить волю победителя. И вот я здесь, при его дворе. Надо набраться терпения. Оно всегда нужно ученому. Без него не преодолеешь тех преград, которые стоят на твоём пути. Ты прав, Якуб. Мысль о том, что я, быть может, увижу Индию, согревает меня, вселяет надежду на лучшие дни. Ты знаешь, я давно уже стремлюсь вникнуть в мудрость этого древнего народа. Эта мудрость увековечена людьми большого ума и большой души. Я хотел бы лучше узнать вероисповедание индусов и философские размышления брахманов. Эта страна манит своей загадочностью...

Слушая устода, Якуб вспоминал все то, что он знал о далекой Индии. На багдадских базарах он встречал купцов из Кашмира и Пенджаба. Там много говорили об Индии. Рассказывали удивительные истории о гордых и мужественных людях. Ему запомнилась одна из них. Какой-то дервиш рассказывал ее, собрав вокруг себя целую толпу. Он говорил:

«В одном из городов Индии я видел молодого индуса, с которого царь приказал содрать кожу за воровство или за какой-то другой проступок. Юноша при этом пел и разговаривал и не испустил ни единого стоны, пока не дошли до его пупа, а когда перерезали пуп, он тут же умер».

Тот же дервиш рассказывал о том, что иные индусы терпят голод по многу дней. Есть отважные, которые проходят через пламя, а иные позволяют себя закопать в землю и умудряются как-то там не дышать и сохранить себе жизнь. Конечно, все это говорит о людях бесстрашных и мужественных.

— Ты скоро поедешь, устод? — спросил Якуб.

— Не знаю. Жизнь так устроена, что человек не принадлежит сам себе. При первой же возможности поеду. На то воля аллаха, а еще больше воля султана Махмуда. Я стремлюсь туда, хотя и знаю, что индусы называют иноверцев «млиг» — «грязный». Мне известно, что они не позволяют сближаться с ними, не любят чужеземцев. С такими трудно общаться. Иные не позволяют даже сидеть рядом. Но, если

они посчитают меня даже потомком сатаны, я все равно поеду туда... А теперь к делу, Якуб. Надо подумать, где ты будешь жить. И почему ты не позаботился о старом погонщике верблюдов? Его лицо мне понравилось.

— Это мой добрый друг Абдулла. Он был мне и нянькой и наставником. Он много сделал мне добра.

* * *

И снова пошли дни за днями, заполненные трудом. Абу-Райхан с еще большим рвением занялся изучением трудов индийских философов, астрономов и математиков, а Якуб, выполняя его поручения, долгие дни проводил у тигля, где устод делал опыты с драгоценными камнями. В эти дни ал-Бируни сделал запись:

«Все минералы (камни) плавают на поверхности ртути, исключая золото; оно же тонет благодаря большему его (удельному) весу, но не от того, что оно с ней (ртутью) соединяется и та притягивает его к себе, как думают некоторые. Мы проделали опыты в этом отношении при (разных) условиях, и они ясно показали, что это происходит из-за свойств (удельного) веса».

Как-то во время занятий Якуб рассказал учителю о таинственных свойствах бирюзы, которые стали ему известны из старинной книги. Ал-Бируни нахмурился и сурово заметил, что не придает никакого значения суевериям и предрассудкам, которыми иные люди объясняют свойства драгоценных камней. Он возмущался тем, что люди не лишенные знаний, награждают камни некоей магической силой. Он вспомнил разговор с одним человеком, который утверждал, что есть камни, обладающие силой привлекать дождевую тучу.

— Хамза Исфаханский, — вспомнил ал-Бируни, — писал о том, что такой камень был в свое время в одной деревне вблизи Исфахана. При приближении градовой тучи жители прикрепляли камень к одной из башен крепостной стены, и туча рассеивалась.

Негодую по этому поводу, ал-Бируни с усмешкой сообщил, что в какой-то книге по земледелию было написано об отвращении градовых туч при помощи белого петуха. А еще закапывали черепах в куче отбросов.

— Иные делают это из корысти, — заметил учитель.

И он рассказал о том, как корыстные брахманы стараются нажить на суеверии бедных индусов: внушают им, что градовая туча обошла их поля благодаря стараниям брахманов.

— Такой обман трудно проверить на опыте, — говорил ал-Бируни. — Как отличить истину от лжи? Иной раз бедствие поражает поля, а бывает — минует их, и когда градовая туча проходит мимо, то жители бедной деревни готовы поверить, что этим они обязаны брахману.

— А помнишь тюрка, который принес камень, будто бы вызывающий дождь? — спросил Якуб.

— Как же не помнить? Я сказал ему тогда: «Вызови им дождь в любое время по моему желанию, и я дам тебе денег сколько хочешь да еще прибавлю». Тебя тогда не было, — смеялся ал-Бируни. — Ты не видел, как этот тюрк погружал камень в воду, бросал его в небо и что-то бормотал и кричал при этом. Но камень не вызвал дождя, и ни одна капля не упала с неба.

И, отвечая на вопрос Якуба, как узнать истину, учитель объяснил, что правильное представление об этом можно получить лишь тогда, когда изучишь положение гор, узнаешь, как движутся ветры и тучи.

Якуб весело смеялся вместе с устом. Пожалуй, сейчас он совсем перестал верить в волшебную силу камней. Он еще раз убедился в том, что реальным являются свойства камней, присущие им в силу их происхождения.

— Однако суеверных людей так много повсюду! Особенно много я видел их в хорезмийских селениях. Помнишь, устод, как я проверял стоянки пастухов, где жгли сигнальные костры?

— Как же не помнить...

Абу-Райхану было приятно вспомнить свою работу мираба. Он делал ее с радостью и уверенностью в том, что она принесет пользу. Он прослыл тогда волшебником среди земледельцев, оттого что всегда правильно предсказывал большую воду! Однако Якуб отлично знал, на чем основаны предсказания ученого. Прежде чем сделать свои предсказания, ученый много дней провел у берегов Джейхуна, изучая нрав реки. Абу-Райхан умел также предсказывать время дождей и этим, должно быть, заслужил всеобщее уважение.

— Мне приятно вспомнить о Хорезме, — признался ученый. — В Гургандже было много хороших людей. Занятия и наблюдения за звездами позволили мне кое-что узнать, и это принесло мне радость.

— А знаешь, учитель, когда я побывал тогда в селениях хорезмийцев, я вспомнил твою книгу о летосчислении древних народов. Я встретил много хорезмийцев, которые почитают обряды и праздники, какие были у них до ислама. Ты писал, учитель, про месяц чири. Пятый день этого месяца называется «аджгар», что означает «дрова» и «пыление». При мне праздновали этот день и грелись у огня, как сотни

лет назад, до ислама. И мне говорили, что, отсчитав семьдесят дней с того дня, начнут сеять осеннюю пшеницу. Я помню одно селение, где праздновали пятнадцатый день месяца и выставляли горячие кушанья за дверь, чтобы отразить бедствия, приносимые злыми духами.

— Бедные люди! — сокрушался ученый. — Суеверия сопутствуют им повсюду. Иным это помогает — они верят в добрую силу, а иные выдумывают глупости. Ведь говорят же, что достаточно раскрошить чеснок в горах Табаристана, и вслед за этим немедленно пойдет дождь. Но в земле Египта дождь не пойдет ни при помощи чеснока, ни с помощью других средств. Только диву даешься тому, как падки люди на выдумки и как верят в самые нелепые суеверия! Представь себе, мне говорят, что все существующие сейчас алмазы — это те, которые в давние времена извлек Зуль Карнайн¹. Он добыл их в Таинственной долине, а там были змеи, от взгляда которых люди умирали. И говорят, будто он велел доставить зеркало. Принесший спрятался и показал зеркало змее. Когда она увидела себя, тут же на месте и подохла. Но как поверить в это, — смеялся Абу-Райхан, — ведь до этого одна змея видела другую и не подыхала!.. А само тело должно превзойти своим смертоносным влиянием его отражение в зеркале. Если же то, что они говорят, специально относится к людям, то почему же она должна сама умереть, увидев себя в зеркале. И, наконец, если люди узнали то, что понял Зуль Карнайн, то что мешает повторению сделанного им?

Этот разговор с учителем надолго запомнился Якубу. В Гургандже он не раз был свидетелем споров и бесед учителя с другими учеными, с мудрыми улемами. Никто из них никогда не высказывал таких смелых суждений, разве только уважаемый ибн Сина. Да и вряд ли эти ученые понимали ал-Бируни, думал Якуб. Заносчивость мешала им. Якуб вспомнил мудрую поговорку:

«Откуда взять туману голос тучи, а ворону — взлет орла!»

В Газне Якуб стал ближе к своему устоду. Он был одним из немногих, с кем ученый говорил искренне. Никогда прежде Якуб не слышал столь откровенных рассуждений о великих мира сего. Якуб видел, как трудно было благородному устоду бывать во дворце султана Махмуда. Он не верил ни единому слову султана и с трудом скрывал свое презрение к нему. Как-то, вернувшись из дворца, после встречи с правителем Газны, учитель одной фразой выдал свое настроение. Он сказал: «Всякая скорбь до ее ухода, а всякий великий — лишь до падения».

¹ Зуль Карнайн — Александр Македонский.

Значит, он не верит в долговечность этого правителя? Да и как верить? Сколько раз ал-Бируни был свидетелем крушения трона! Он своими глазами видел, как рушилось могущество, воздвигнутое, казалось бы, на века. Но все же этот «высокий» будет долго возвышаться, хотя и не любят его приближенные. Всем видно, что он внушает лишь страх.

«Но что я знаю о нем?» — думал Якуб. Здесь нет веселого, болтливого, всезнающего Хусейна из дивана переписки. От него всегда можно было узнать о том, что происходит при дворе. Как сложилась его судьба?.. А как печально, что ничего не известно про ал-Хасана и его дочь Рейхан... Бедный устод молчит, ничего не говорит о ней. То ли потому, что пребывает в скорби о погибших? А может быть, получил от них письмо и, узнав о том, что они живы, успокоился? Так и не пришлось ему узнать о нежных чувствах красавицы Рейхан. Если бы он знал, что каждое его слово принималось девушкой, как дар, он бы не был спокоен. Сейчас уже не скажешь ему об этом. Может быть, прежде и следовало раскрыть тайну, которую доверила ему девушка. А сейчас это бесполезно. Хотелось бы только знать, что она жива и что жив ее благородный отец. А устоду он ничего не скажет. Пусть лучше пребывает в неведении.

* * *

Прошло полгода, с тех пор как Якуб прибыл в Газну и снова стал верным помощником своего устода. Как и прежде, в Хорезме, Абу-Райхан был скуп на слова и почти никогда не посвящал Якуба в свои дела, связанные с придворной жизнью. Почти все это время Якуб с увлечением выполнял всякую работу, которую поручал ему ученый, и, как прежде, время от времени посылал отцу подробные письма о своей жизни в чужой стране.

Когда Якуб бывал свободен, он нередко прогуливался по красивой площади, где высились дворцы, воздвигнутые рабами султана Махмуда.

Как-то раз Якуб встретил вблизи дворца человека, который показался ему удивительно знакомым, но он никак не мог вспомнить, где его видел. Облик этого молодого человека в одежде богатого чиновника кого-то напоминал, но шрам, пересекавший лоб, говорил о том, что такого человека он не знает. У него не было знакомого с такой отметиной.

Якуб сделал несколько шагов, мучительно думая о том, где же он видел этого человека, и вдруг услышал, как тот его окликнул.

Это был голос Хусейна! Якуб вздрогнул, остановился, но побоялся оглянуться. Это не мог быть Хусейн: у Хусейна не было шрама! Но почему ему показался таким знакомым голос? Якуб оглянулся, и молодой человек с отметиной на лбу с голосом и глазами Хусейна бросился обнимать Якуба.

— Как я рад, Хусейн! Я верил, что увижу тебя.

— Воистину бывают чудеса! Перед тобой живой Хусейн. Только шрам на лбу напечет тебе о яме смертников. Я здесь всего несколько дней, — говорил Хусейн, — и все время ищу тебя. Я знал, что ты должен быть в Газне. Мне помогло богатство моего отца. Пойдем, друг, — предложил Хусейн. — Я думаю, ты не прочь узнать о том, как живут грешники в аду. Я был в аду и точно знаю о нем.

— Пойдем ко мне, мой друг Хусейн, — предложил Якуб. — Ты и представить себе не можешь, как радостна мне эта встреча! Я много думал о тебе. Твое горе стало моим горем. Поистине ты был в аду. Я увидел это, когда подошел к яме и услышал вопли несчастных.

— Какое счастье, что ты смог мне помочь, Якуб! В тот день, когда ты бросил мне мешок с едой, я был так голоден, что, казалось, мог бы съесть крысу или собаку. Меня бросили в яму, когда родители мои были в отъезде. Они поехали в гости к деду. Им и в голову не могло прийти, что за несколько дней произойдет такое несчастье. Когда меня бросили в эту страшную зловонную яму, откуда мало кто выходит живым, жизнь моя зависела от случайности: бросит ли прохожий огрызок лепешки и смогу ли я его поймать. Я признаюсь тебе, Якуб, мужество покинуло меня. Я понял, что настал мой смертный час, а спасти меня может только чудо. В первые два дня я почти ничего не ел. Я не сразу наловчился, я не мог поймать то, что бросали в яму прохожие. Потом со мной поделился один старый человек. И только спустя много дней, когда голод мучил меня нещадно и я со слезами обратился к милости всемогущего, вдруг ухо мое уловило: «Хусейн...» Ты звал меня. Я протянул руки, и тяжелый мешок с едой, как дар богов, оказался у меня в руках. Если бы ты видел, как набросились на меня несчастные, которые разделяли мою участь! Я поделился с ними и заслужил их благословение. Насытившись, я с благодарностью думал о тебе, Якуб. Потом я ждал спасения. Я знал, что ты не покинешь меня и сделаешь все возможное.

Хусейн крепко пожал руку друга и затем продолжал:

— Отец мой тотчас же отправился ко двору Алтунташа и стал узнавать, каким способом можно спасти меня от гибели. Он узнал,

что бывший хаджиб султана Махмуда нуждается в деньгах. То, что давали ему сборы в городах и селениях Хорезма, составляло лишь половину необходимой ему суммы. Остальное ему предстояло просить у султана Махмуда. Об этом знали в диване переписки. И, когда отец мой нащупал уязвимое место, он решил, что несколько тысяч динаров могут спасти ему сына.

Выбрав счастливый день, когда гороскоп показал, что звезды расположены в мою пользу, он написал письмо Алтунташу. Отец мой писал о том, что я показал себя весьма смышленным в диване переписки и что только по молодости лет и неопытности я позволил себе сказать неразумное слово. Но он готов купить прощение, сделав правителю дар в несколько тысяч динаров. Надо тебе сказать, Якуб, что отец мой много лет связан со старым, опытным звездочетом и не было случая, чтобы предсказания этого почтенного старца не сбылись...

— Я вижу тому верное доказательство! — сказал Якуб, готовый сейчас верить во что угодно.

Возвращение Хусейна показалось ему столь чудесным и столь радостным, что ему трудно было найти слова, которые полностью выразили бы его восторг. Он любовался Хусейном, внимательно вслушивался в каждое его слово. Его только огорчал красный шрам на высоком красивом лбу Хусейна. Он делал неузнаваемым молодого друга.

— Это чья печать? — спросил робко Якуб.

— Когда меня вели к яме, я хотел вырваться и бежать от стражи Алтунташа. Меня настигла плеть охранника. Я мог лишиться глаза, и это было бы куда хуже! Теперь остался только шрам, и он не причиняет мне неприятностей. Только лоб испорчен. Чтобы не повторилось подобное, мой отец списался с диваном переписки султана Махмуда, и вот я здесь. Одно скажу тебе: теперь от меня не услышишь лишнего слова. Беда сделала меня осторожным!

— Мы будем часто видеться, — предложил Якуб. — Как я рад, видеть тебя здесь, Хусейн! В Газне мне все казалось неприветливым и чужим. Одна отрада — занятия науками. Но бывает ведь, что устанешь и хочется просто поговорить. И вот ты здесь, благодарение аллаху!..

Вернувшись в дом устода, Якуб, позабыв установленные порядки, что не следует прерывать ученого, когда он занят своими формулами, поспешил рассказать ему о радостной встрече с Хусейном, о счастливой судьбе юноши, который чуть было не погиб из-за неосторожного слова.

— Поверь, друг мой, — заметил учитель, — и здесь возможно такое. Одно скажу: будь осторожен! В золотой клетке Махмуда нелегко. Твой друг Хусейн должен знать об этом. Я не стану рассказывать тебе о правителе Газны. Ты немало слышал о его великих походах и завоеваниях. А его человеческие достоинства нам неведомы. Один мудрец сказал мне хорошую поговорку: «Для образованного человека достаточная свита — его образованность, а неуч со свитой в тысячу человек одинок». Я не смею утверждать, но мне кажется, что правитель Газны очень одинок.

НЕ В БОГАТСТВЕ СЧАСТЬЕ!

Беликий хан Кадыр, правитель Кашгара, внимательно следил за событиями, происходящими в стане его врагов — в Бухаре и Самарканде. Ненавистный ему иллек-хан Али-Тегин¹ слишком долго властвует. Уже скоро тридцать лет, как он правит этим цветущим краем. Хану Кадыру давно уже хочется избавиться от этого ненавистного соседа. Но как избавиться?

Когда хан Кадыр уяснил себе, что ему не удастся свергнуть иллек-хана, он призадумался над тем, как бы ослабить его могущество. Кадыр думал о том, что в этом деле ему поможет всесильный султан Махмуд Газневидский, которого, как он знал, раздражали чванство и самонадеянность Али-Тегина. «Конечно, султан Махмуд не прочь посбавить спесь иллек-хана».

Правитель Газны также имел основания стремиться к встрече с правителем Кашгара. И настал день, когда султан Махмуд пригласил хана Кадыра в свой золотой шатер, поставленный вблизи Самарканда.

¹ Хан Али-Тегин правил Бухарой и Самаркандом до 1034 года.

Абу-Райхан ал-Бируни, которому было предложено сопровождать султана Махмуда в этой поездке, был в недоумении. Он понять не мог, почему так готовятся к приему Кадыр-хана царедворцы Махмуда. «К чему эта роскошь?»

Громадный золотой шатер, затканый причудливыми узорами, имел помещения для еды, для отдыха, для веселья. Расшитые золотыми нитями узоры были украшены драгоценными камнями, полы устланы мягкими коврами, а утварь была только из золота и серебра.

В подарок Кадыр-хану Махмуд велел приготовить коней с золотыми уздечками. На богато убранных слонах выселись пестро расшитые палатки, где можно было спрятаться от зноя.

Кадыр-хан был поражен этим богатством и щедростью хозяина. Дорогие подарки и разнообразное угощение очень понравились правителю Кашгара. И, хотя Кадыр-хан был очень богат, он в жизни не видел ничего подобного и был очень польщен таким пышным приемом, оказанным ему султаном Махмудом.

Иллек-хан не был искушен в дипломатических тонкостях, он не понял хитрости Махмуда, который как раз и стремился поразить воображение доверчивого и бесхитростного Кадыра.

Правитель Кашгара, сидя в золотом шатре султана Махмуда, испытывал неизъяснимое блаженство. В порыве благодарных чувств он приказал своему вазиру собрать все лучшее, что у него есть, — горячих коней в золотой сбруе, меха соболей и горностаев, пушистых черных лисиц, а также прислать в дар султану Махмуду, столь щедрому и великодушному, самых рослых и красивых тюркских воинов в золотых поясах. Хану Кадыру очень хотелось достойно отблагодарить султана Махмуда.

Никогда еще Кадыр-хан не был столь покладистым и сговорчивым. Наивный и неуклюжий, он с покорностью выслушивал хитрые и лстивые речи могущественного султана Махмуда и легко во всем соглашался с ним. Впрочем, это произошло не только потому, что щедрость султана сделала хана сговорчивым и покладистым. Тут совпали желания правителя Газны и правителя Кашгара.

Много дней длилось нескончаемое пиршество в золотом шатре султана Махмуда. Виночерпии не успевали наполнять драгоценные чаши крепким душистым вином, а слуги вереницей шли к шатрам с золотыми подносами на головах, доставляя жареную дичь, молоденьких барашков, только что извлеченных из котла, и печеных рыб. Долго и обстоятельно вели беседу о том, как отобрать у иллек-хана Али-Тегина лакомый кусок — земли Мавераннахра. И наконец правители великих

держав сговорились. Они условились отобрать эти земли и передать их во владение сыну Кадыр-хана. Наконец-то настала возможность избавиться от ненавистного Али-Тегина, место которого должен был занять сын Кадыра. И, хотя султану Махмуду не очень хотелось иметь по соседству этого нового правителя, он не выдал себя и расстался с правителем Кашгара дружелюбно и приветливо, как с добрым соседом.

Вскоре стало известно, что Али-Тегин должен уйти к своим союзникам — туркменам, кочевавшим на правом берегу Зеравшана. Если же он этого не сделает, то жизнь его будет в опасности.

После отъезда Кадыр-хана султан Махмуд вызвал к себе Абу-Райхана и стал похваться перед ним тем, что дал разрешение кочевникам-туркменам поставить четыре тысячи шатров вблизи Несы, Феравы и Абиверда. Султан много говорил о своем благородстве, о верности аллаху, о своей добродетели. Он непрестанно упоминал о том, что мог бы и не сделать этого, поскольку земли завоеванного им Хорезма принадлежат ему и кочевники-туркмены не имеют к ним никакого отношения. Султан утаил одно важное обстоятельство. Воспользовавшись разрешением султана, газневидские чиновники и гулямы с первых же дней нещадно грабили кочевников-туркменов. Любой из царедворцев мог потребовать, чтобы ему доставили баранов и разной живности безвозмездно. Это был самый настоящий грабёж, и, обозлившись, свободолюбивые туркмены стали нападать на мирное население соседних городов. Начались смуты.

Рассказывая о своем благородном поступке, султан Махмуд не знал о том, что Абу-Райхану давно уже известно о смутах в Несе и Фераве. Благородный ученый давно уже знал, что виновниками этих смут были люди Махмуда. Он понимал, что, если бы туркмен не грабили и не отбирали у них стада, единственное их достояние, они бы, в свою очередь, не посягали на добро горожан и жили бы мирно. Но что можно сказать самонадеянному и жестокому султану? Ученый хорошо понимал, что нужно очень хитро преподнести эту мысль султану. Нужно было так сказать, чтобы Махмуду показалось, будто он сам до этого додумался. Абу-Райхан отлично знал, что для правителя Газны не существует в мире авторитетов и давать ему советы бессмысленно и даже рискованно. И ал-Бируни решил подумать над этим, чтобы не допустить оплошности. Он не сказал султану о том, что было ему известно, и сделал вид, будто сказанное Махмудом превосходно и заслуживает только похвалы.

Якуб прибыл в Самарканд вместе со своим устом. Прошло несколько лет с тех пор, как были увезены в Ведар Джафар и Гюльсора, которых он купил на невольничьем рынке в Багдаде. Все эти годы Якуб делился с сиротами последним своим достоянием. Все, что ему присылал отец, он делил поровну и через Абдуллу передавал доброму Ибрагиму, который заменил несчастным отца. Благородный ткач Ибрагим называл брата с сестрой своими племянниками, а в сущности, он стал им отцом и воспитателем. Когда Абдулле представлялся случай свидеться с Якубом, он обстоятельно рассказывал ему о том, как живут Джафар и Гюльсора. Старик говорил ему о том, что дети растут очень смысленными и трудолюбивыми, ни в чем не знают нужды, а денег, посылаемых им, хватает... Ибрагим даже нашел возможным уделить небольшую сумму единственному писцу в Ведаре, который два раза в неделю учил детей грамоте. Добрый Ибрагим хотел лишь того, чтобы дети смогли прочесть священные строки корана и сделать верный счет, покупая что-либо на базаре.

Восемь лет Якуб довольствовался небольшими деньгами, которые оставались у него. За все эти годы он ни разу не решился рассказать отцу свою тайну. Был как-то случай, когда он хотел рассказать обо всем своему усту, но эта мысль появилась у него только на одну минуту. Всегда сдержанный и молчаливый, Абу-Райхан не располагал к такому разговору, и все оставалось по-прежнему.

Сейчас, когда Якуб оказался совсем близко от Ведара, он с волнением думал о предстоящем свидании с детьми. Впрочем, это уже не дети! Гюльсора уже почти невеста. А Джафару было всего лишь на год меньше. Было любопытно увидеть их. Уж очень много Абдулла рассказывал о красоте Гюльсоры и о смысленности Джафара.

Якубу не сразу удалось отправиться в Ведар. Вместе с учителем он прежде всего последовал к золотому шатру султана Махмуда. Придворные так много говорили о таинственной встрече великих государей, что каждому хотелось стать свидетелем этой встречи. К тому же Якубу было известно, какой богатый караван, груженный сокровищами Махмуда, был отправлен из Газны сюда, под Самарканд, где должна была состояться встреча. Как не посмотреть на все это?

С тех пор как Якуб попал в Газну, он не переставал удивляться безумной роскоши царского двора. Живя рядом с удивительно скромным и неприхотливым Абу-Райханом, Якуб научился видеть все окружающее совсем другими глазами. Теперь он не мог просто восхищаться

ся красотой дворца или богатым украшением царедворца, — он нередко задумывался над тем, откуда это взялось. И, помня о кровавых походах султана Махмуда, Якуб отлично знал, что все эти сокровища добыты ценой нищеты и рабства многих тысяч людей.

Сейчас, стоя рядом с золотым шатром султана и слушая рассказ недима о том, что происходит в Несе и Фераве, Якуб невольно вспомнил о печальной судьбе кочевников, которые были разорены несколько лет назад, а затем проданы работоторговцам Багдада. Тогда была угнана мать Джафара и Гюльсору. Якуб подумал о том, какой тяжелой была судьба этих обездоленных людей. И сейчас в Несе и Фераве происходит то же. А здесь виночерпии и слуги разносят на серебряных подносах горы фруктов и сладостей. Мимо Якуба прошел слуга. Он тащил большой поднос с виноградом, а по краю подноса вилась причудливая арабская вязь: «Постоянное величие». И Якуб подумал: в чем же величие? Все отлично видят, что жизнь султана Махмуда заполнена войнами и грабежами, благородных дел не видно, где же величие?.. «Этот государь не будет прославлен своим благородством. Он, причинивший столько горя людям, не оставит доброй памяти! А ведь хочет казаться умным и просвещенным, иначе зачем бы он стал вместе с драгоценностями увозить из Хорезма ученого-хорезмийца! И если бы он был благородным, то не сказал бы ученому тех слов, которые навсегда отделили Абу-Райхана от правителя Газны. И как это он мог сказать такие слова уважаемому устоду:

«Если хочешь, чтобы при мне счастье было с тобой, то говори не по своей науке, а говори, что соответствует моему желанию».

Так мог сказать только невежда, не прочитавший ни одной строки из книг ал-Бируни. А если бы султан Махмуд прочел хоть одну страницу из многочисленных трудов ученого, он бы понял, что такому человеку нельзя говорить такие пустые и глупые слова. Разве Абу-Райхан ал-Бируни может говорить то, что соответствует желанию грабителя и человекоубийцы? Ал-Бируни тогда ничего не ответил султану.

Однако надо воспользоваться разрешением устода и посетить Ведар. Хочется скорее посмотреть на Джафара и Гюльсору. Трудно сказать, когда еще доведется побывать в этих краях. Слишком много дел задумал устод, надо ему помогать.

До Ведара было недалеко. Вскоре Якуб очутился у дома ткача. Но какво было его разочарование, когда он узнал, что семья Ибрагима покинула свой дом и переехала в небольшое горное селение, расположенное по другую сторону Самарканда! Соседи не знали причин, побудивших ткача покинуть свой дом. Знали только, что вместе с Ибра-

гимом и его семьей уехали и племянники. Якуб переночевал в Ведаре, рано утром выехал и на закате следующего дня уже подъезжал к маленькому селению, раскинувшемуся на берегу быстрой горной реки.

Бедное селение. По узкой, совсем серой улочке снуют грязные, в пестрых лохмотьях дети. Цепляясь за стены дома, тащит громадную связку хвороста маленький ослик. Его ведет древний старик с белой бородой. У него Якуб и узнал об Ибрагиме. Дом ткача был совсем рядом.

Якуб спешил к у покривившейся калитки, вошел во двор. Все серо вокруг, слилось с темнотой. Лишь в распахнутых дверях кухни яркое пламя очага, а на пороге, склонившись над блюдом с чечевицей, стройная молодая девушка. У котла возилась пожилая женщина. Увидев Якуба, женщины торопливо вскочили и растерянно стали приглашать его в дом. Якуб вошел в глиняную хижину, единственным украшением которой были красивые глиняные сосуды с пестрой поливой и причудливым узором, который трудно было рассмотреть при скудном огоньке светильника.

— Гюльсора, принеси еще светильник, — предложила пожилая женщина, жена Ибрагима, Рудоба.

— Не уходи, Гюльсора! — воскликнул Якуб. Он взял за руки Рудобу и Гюльсору. — Что же вы не узнаете меня! Может быть, в полутьме не видно, что перед вами Якуб, сын Мухаммада? Да и я не сразу рассмотрел вас во тьме.

— Прошло много лет, — промолвила в смущении Гюльсора. — Все мы очень изменились. Позволь, я принесу светильник, и тогда мы лучше увидим друг друга.

Пока Гюльсора ходила за светильником, Рудоба подала угощение. Ей вспомнился богатый дом в Ведаре и тот день, когда по вине стяжателей — охранников самаркандского хана — Якуб чуть не попал в заточенье.

— Ты очень изменился, Якуб, — говорила Рудоба. — Тебя трудно узнать... Если бы Ибрагим и Джафар знали о твоём приезде, они бы не уехали в Самарканд. Они завтра вернутся. Ты подождешь их? А мы с Гюльсорой окажем тебе гостеприимство. Не взыщи, Якуб: сейчас мы стали беднее. У нас беда была большая. Пришлось бежать из Ведара. Ибрагим имел слабость — он помогал людям в белых халатах — карматам¹. А когда правитель Самарканда приказал изловить всех карматов,

¹ Карматы — последователи мусульманской секты, возглавившей антифеодальную борьбу крестьян.

на нас кто-то донес. Спасибо доброму человеку — он предупредил Ибрагима, и мы бежали сюда. После того как многих истребили и завладели их имуществом, в Ведаре все пошло по-старому, но из страха люди не говорят об этом. Ни один ведаринец не скажет незнакомцу о том бедствии, которое постигло селение ткачей. Здесь хоть и бедно, зато безопасно. Абдулла еще не был здесь. Он не знает о том, что нам пришлось покинуть свой дом. А прежде, когда он приезжал в Ведар, дети очень любили его и всегда встречали, как родного. Аллах милостив, послав сиротам таких добрых людей. Что бы они делали, если бы ты, Якуб, не выкупил их из рабства? Мы полюбили детей. И наши дети были с ними дружны. Теперь мои дочери замужем и покинули родной кров. Сын женился. Он живет в Самарканде.

— Я причинил вам много хлопот, прислав сюда Джафара и Гюльсору. Вы уж простите меня.

— Помилуй бог! — прервала Якуба Рудоба. — Мы благодарны тебе за этих детей! Они остались у нас единственной отрадой — Джафар и Гюльсора. Мы любим их, как родных... А вот и Гюльсора.

В дверях показалась девушка. В одной руке она держала горящий светильник, в другой — поднос с виноградом и лепешками. Они долго сидели, коротая вечер в задушевной беседе. Гюльсора и Рудоба рассказали о Ведаре, о том, как они устраивались здесь на новом месте и как они теперь уже привыкли, словно живут здесь давно.

Якуб спал на мягких одеялах, посланных на циновке, и, проснувшись рано, вместе с горlinkами, увидел, как суетятся у очага женщины, стараясь приготовить ему угощение. До него донеслись запахи свежее испеченных лепешек и жареного мяса. На сердце у него было празднично. В этом доме он почувствовал себя так, словно прожил здесь много лет и сейчас вернулся после долгой разлуки.

Якуб видел, с какой любовью и заботой женщины оказывали ему гостеприимство. Он был искренне тронут. Угощая гостя, Гюльсора сообщила ему, что Ибрагим и Джафар скоро вернуться, и тогда Якуб предложил девушке пойти к ним навстречу, чтобы скорее увидеть их.

Узкая тропинка вилась в гору вдоль бегущей с высоты веселой горной реки. Вокруг все было в цветущем весеннем наряде. И на Гюльсоре было праздничное платье из желтой ведарийской ткани, а на руках серебряные браслеты. Якуб сказал девушке, что ему очень нравятся ее браслеты, и Гюльсора в смущении сообщила ему, что это подарок Ибрагима ко дню ее шестнадцатилетия.

«Невеста», — подумал Якуб. Он остановился и, улыбаясь, посмотрел на веселую зардевшуюся Гюльсору. Они стояли под цветущей яблоней.

ней, и девушка оказалась Якубу такой же прекрасной, какой прекрасной была весна в этом горном селении.

— Расскажи, как ты живешь, Гюльсора? Ты так выросла и похорошела! Ты помнишь Багдад?

— Все помню, — прошептала Гюльсора. — Разве можно это забыть? Да благословит тебя аллах! — Легким движением руки Гюльсора незаметно смахнула слезинку. — Мы живем хорошо, мы у добрых людей, они заменили нам отца и мать. Когда мы жили в Ведаре, старый писец учил нас грамоте. Я знаю стихи Рудаки...

— Прочти что-нибудь, Гюльсора!

Девушка в смущении спрятала глаза под тяжелыми черными ресницами. Ей еще никогда не приходилось читать на память любимые стихи. Их слышали только речка да вот эта яблоня. Даже Джафару она не решалась читать вслух. Но Якуб ждал, ему нельзя отказать.

— Прочту про весну, — прошептала Гюльсора, глядя куда-то далеко, мимо Якуба, на ясное синее небо, простершееся над изумрудными склонами гор.

Казалось, ночью на декабрь апрель обрушился с высот,
Покрыв ковром цветочным дол и влажной пылью — небосвод,

Омытые слезами туч, сады оделись в яркий шелк,
И пряной амбры аромат весенний ветер нам несет.

Под вечер заблистал в полях тюльпана пурпур огневой,
В лазури скрытое творцом явил нам облаков полет.

Девушка сделала паузу, вспоминая забытые строки:

Цветок смеется мне вдали — иль то зовет меня Лайли,
Рыдая, облако пройдет — Маджнун, быть может, слезы льет.

И пахнет розами ручей, как будто милая моя
Омыла розы щек своих в голубизне прозрачных вод.

Ей стоит косу распустить — и сто сердец блаженство пьют,
Но двести кровью изойдут лишь гневный взор она метнет...¹

Гюльсора рассмеялась.

— Я вижу, тебе полюбились эти стихи, — сказала она. — Но вот что удивительно: учитель говорил, будто поэт был от рождения сле-

¹ Перевод В. Левика.

пым. Возможно ли это? Как же он мог так тонко почувствовать красоту окружающего мира? Когда я думаю об этом, мне становится грустно за него. Ведь он не видел всего этого!

— О нем рассказывают удивительные вещи, — сказал Якуб. — Он родился слепым, но был так смышлен и одарен такой необыкновенной памятью, что к восьми годам уже знал наизусть весь коран. Потом он стал складывать стихи, а так как бог одарил его чудесным голосом, он сделался певцом и, читая свои стихи, одновременно играл на лютне. Слух о нем дошел до Насра, сына Ахмада Саманида, который был эмиром Хорасана, и тот приблизил его к себе. Поэт стал богатым человеком. О нем сохранилось предание, будто у него было двести рабов и четыреста верблюдов, которые повсюду следовали за ним, груженные поклажей. Предание говорит, будто его стихи составляют сто тетрадей и ожерелья его касид наполнены бесподобными наставлениями...

— Вот и хорошо! — воскликнула Гюльсора. — Теперь я знаю о моем любимом поэте все, что мне хотелось бы знать.

— А ты читала его стихи о любимой? — спросил Якуб.

— Читала, только не запомнила.

— А я помню; когда-нибудь я прочту их тебе, Гюльсора...

Якуб видел смущение девушки и подумал, что сейчас не время читать эти стихи.

— А у тебя есть жених? — вдруг спросил Якуб.

— Сватались, — тихо ответила Гюльсора, — но жениха еще нет. Рудоба говорит, что мое сердце еще не проснулось. К тому же я не хочу покидать дом Ибрагима. Я полюбила Ибрагима и добрую Рудобу.

— Я бы очень хотел показать тебя моей матери, Гюльсора. Ты бы ей понравилась...

Они стояли над шумным горным потоком. Порыв ветра, коснувшись розовых лепестков яблони, оборвал их, и лепестки посыпались душистым дождем на головы молодых, счастливых. Гюльсора смотрела на лепестки цветов, уносимые потоком, и спрашивала себя: может быть, пришло счастье?...

— Посмотри, Гюльсора, — сказал Якуб, — эта яблоня осыпает нас своими цветами и словно благословляет на счастливую жизнь. Ты бы согласилась поехать со мной?.. Стать моей женой?

— Я?!

В глазах девушки Якуб увидел испуг. Это было так неожиданно и удивительно хорошо. Ведь все эти годы Гюльсора хранила и лелеяла

мечту увидеть этого доброго и благородного юношу, он запомнился ей на всю жизнь. Он был для нее сказочным принцем, желанным и недосыгаемым. Девушка прекрасно знала, что этот принц, может быть, никогда не встретится с ней. И вот он здесь! А вокруг такая цветущая весна, самая прекрасная весна за все ее шестнадцать лет! И разве не чудо его появление здесь? И разве не чудо то, что он не женат? Что могло ему помешать жениться на самой богатой и самой красивой девушке Бухары? Но как поверить в такое чудо? Разве может случиться так, чтобы столь богатый, красивый и ученый господин пожелал жениться на ней?.. Может быть, ей послышалось? Но нет... Он в самом деле сказал эти слова! Это правда! Если это так, то может ли быть большее счастье на земле!

Гюльсора молчала, но глаза ее уже ответили Якубу, и он понял это. Взяв в руки тонкие, словно прозрачные, кисти рук Гюльсоры, Якуб спросил:

— Ты согласна, Гюльсора? Ты поедешь со мной? Когда я увидел тебя, освещенную огоньком маленького светильника, я тотчас же подумал, что ты послана мне аллахом. Не могу понять, как случилось, что, лишившись перстня с драгоценным изумрудом, который охранял меня от чар любви, я все же никого не полюбил, не женился. В этом наше счастье, Гюльсора. Теперь мне следует только повидать отца с матерью и получить от них благословение. Они будут рады. Их удручало мое одиночество, а мое увлечение науками казалось им губительным.

— Но ведь я совсем бедна, Якуб. Я сирота. На всем свете у меня есть только брат Джафар, который моложе меня и ничего не имеет. Но у него золотые руки. Вот ты увидишь, какие он делает росписи на сосудах. Я нигде не видела таких красивых глиняных блюд. И грамота ему пригодилась в этом деле. Вот ты посмотришь, какие поучительные надписи он делает на сосудах.

— Разве он не занимался ткачеством? — удивился Якуб. — Я думал, он стал помощником Ибрагима.

— По соседству с нами был гончар, и Джафару очень понравилось его занятие. Он стал ему помогать и многому научился. А когда мы покинули Ведар и очутились в этом маленьком селении, Джафар стал сам работать, и так хорошо у него все ладится! Когда Ибрагим отправился вчера на самаркандский базар с тканями, Джафар последовал за ним, захватив с собой много красивых сосудов. Он обязательно привезет немного денег и отдаст их мне для праздничного наряда.

— Не беспокойся, Гюльсора, я обо всем позабочусь. У нас будут деньги и на свадьбу и на подарки. Ты говоришь, что у тебя никого нет на свете, кроме Джафара. Но ведь ты сама говорила, что Ибрагим и Рудоба любят тебя, как родную дочь. И разве я не близкий тебе человек? Я позабочусь о тебе. Не думай, я не рассчитываю на наследство, на щедрость отца, — я могу поступить на службу и стать чиновником дивана при дворе какого-нибудь правителя. Науки, которым я посвятил много лет, дают мне право на благородное занятие и достойное вознаграждение. Все, чем я буду владеть, Гюльсора, все это будет принадлежать тебе. Ты не должна думать о деньгах. Ты сама сокровище. Я вернусь в Бухару, расскажу обо всем родителям, а потом приеду за тобой. Ты согласна, Гюльсора?

— Я буду считать дни и часы, Якуб, и буду каждый день приходить к этой яблоне и ждать тебя вот на этой тропинке. Только скорее бы ты вернулся!

Им больше не пришлось говорить, потому что на тропинке показались всадники. Якуб сразу же узнал их — Ибрагима с черной посебренной бородой и черноглазого красивого юношу с курчавыми волосами и смуглым приятным лицом.

— С кем же это Гюльсора? — спросил Джафар, останавливаясь у яблони и кланяясь Якубу.

Внимательно посмотрев в лицо Якубу, Ибрагим нерешительно ответил:

— Должно быть, к нам пожаловал Якуб ибн Мухаммад?.. Так мне почему-то кажется. Да благословит тебя аллах! Ты очень возмужал.

— Конечно, Якуб! — воскликнула Гюльсора. — Разве ты не узнал его, Джафар?

— Прошло много лет, — заметил Якуб, подходя к Джафару и ласково тронув плечо юноши. — И все же меня легче узнать, я меньше изменился, чем вы, мои юные друзья! А вот Ибрагим, искуснейший из всех известных мне ткачей на свете, совсем не изменился, если не считать небольшого количества серебра, которым он украсил свою бороду.

Ибрагим весело смеялся и, ласково посмотрев на Гюльсору и Джафара, сказал:

— В добрый час пришли к нам в дом эти дети. Спасибо тебе, Якуб ибн Мухаммад!

Они пошли в дом Ибрагима, и в сердечной беседе Якуб поведал добрым людям о своем намерении жениться на Гюльсоре. Ибрагим, Рудоба и Джафар были взволнованы этим сообщением, но лица их были печальны. Каждый подумал о разлуке с Гюльсорой. Здесь, в этом

маленьком селении, они обосновались с мыслью никогда уже не расставаться, и Рудоба частенько думала о том, что ей будет невыносима разлука, если к девушке посватается жених из другого селения и пожелает ее увезти с собой. Но сейчас речь идет уже не о другом селении, но даже о другом царстве. Ведь Якуб говорил о том, что непременно должен вернуться в Газну, где при дворе султана Махмуда живет его великий устод ал-Бируни. Джафар молча размышлял над столь удивительным и неожиданным предложением Якуба. Еще труднее ему было ответить на предложение Якуба поехать в Бухару и стать помощником Мухаммада ал-Хасияда.

— Ты грамотен и смышлен, Джафар, — говорил Якуб. — Я думаю, из тебя получится хороший помощник моему отцу. Пройдет несколько лет, и ты сам будешь водить караваны.

Это было очень соблазнительное предложение. Но Джафар не давал ответа. Он не мог себе представить жизнь вне дома Ибрагима и Рудобы. К тому же ему казалось, неблагородным покинуть дом ткача сейчас, когда он уже стал зарабатывать и нередко приносил с базара несколько дирхемов, полученных им за пестрые расписные блюда, за чаши и миски, которые были всегда нужны людям и охотно раскупались на базаре. Ничего не ответил на слова Якуба и сам Ибрагим. Сейчас, сидя в кругу своей семьи, рядом с благородным гостем, Ибрагим думал о том, что Якуб, столь долгожданный и желанный гость в его доме, не принес ему радости. Ибрагим думал о разлуке с детьми, которые стали ему близкими и дорогими.

Подумав немного, Джафар спросил, можно ли ему еще год побыть здесь вместе с Ибрагимом и Рудобой, а потом, если Мухаммад ал-Хасияд пожелает, он поедет в Бухару и станет его помощником. Джафар прочел в глазах Гюльсоры, как она благодарна за его разумное решение. Душа ее радовалась неожиданному счастью и в то же время горевала. Предстоящая разлука пугала девушку. Еще вчера ей казалось, что она никогда не оставит дом Ибрагима.

— Вот и хорошо, — сказала с облегчением Рудоба. — Джафар побудет с нами, а за этот год, кто знает, может быть, аллах поможет нам переехать в тот город, где будут жить Якуб и Гюльсора. И там живут ткачи. И, хоть разлука с Гюльсорой будет нам печальной, мы с радостью отпустим ее. Только будь счастлива, Гюльсора.

Гостеприимство ткача и его семьи очень тронуло Якуба. Он радовался встрече с Гюльсорой, которая, как ему казалось, была послана ему небом. Как бы ему хотелось воспользоваться предложением Ибрагима и погостить у них подольше! Но слово, данное устоду, было для

него свяшенно. Якуб торопился в Самарканд, где должен был встретиться с ал-Бируни и вместе с ним вернуться в Газну. Встреча с устом сейчас особенно волновала Якуба. Ему предстояло рассказать свою тайну, связанную с Гюльсорой и Джафаром, а также сообщить о своем намерении жениться на Гюльсоре. Это должно было отвлечь его от занятий. Как отнесется к этому учитель? К вечеру этого же дня Якуб покинул гостеприимных хозяев и поспешил в Самарканд.

Гюльсора долго стояла на пригорке, провожая глазами всадника, который отныне стал для нее самым дорогим человеком на свете. Мысль о том, что счастье так близко, радовала и волновала девушку. Встреча с Якубом казалась ей каким-то чудесным сном, будто все это произошло не с ней, а со сказочной принцессой, о которой она читала в старинной книге.

* * *

Якуб долго размышлял, прежде чем пошел к усту, чтобы рассказать ему о случившемся. Он верил в добрые и благородные чувства учителя. Он не раз был свидетелем его щедрости и бескорыстия, помнил о многих добрых поступках ал-Бируни. Но Якубу не приходилось просто и сердечно говорить с учителем о своих делах. Всегда получалось так, что каждый из них был очень занят каким-то важным делом, и, не имея времени отвлечься от своих занятий, они редко говорили о вещах, не имеющих отношения к науке, к опытам. Якуб не часто слышал какую-нибудь шутку, сказанную ал-Бируни. Что и говорить, устод был скуп на слово! Якуб знал, что учитель почти не видит женщин, и это, должно быть, происходило оттого, что он жил отшельником и редко позволял себе бывать в домах друзей. Он не позволял себе потратить вечер на приятные разговоры, хотя бы они и были связаны с поэзией, которую Абу-Райхан очень любил и которой нередко посвящал бессонную ночь.

«И все же моя судьба связана с этим человеком, — думал Якуб. — Как ни трудно, а придется поговорить с устом о самых простых житейских делах».

Якуб долго извинялся перед устом за то, что вынужден отвлечь его для дела, не столь важного и не имеющего отношения к науке...

— Право же, не пойму, о каком деле ты говоришь, мой друг, — сказал ал-Бируни. — Скажи прямо, что тебя тревожит?

— Я намерен жениться и хочу рассказать о красавице Гюльсоре, моей невесте, потому что судьба ее необычна...

— Я очень рад, юноша, услышать от тебя эту добрую весть. И как ты мог посчитать это дело незначительным? Ты удивляешь меня, Якуб. Я охотно выслушаю твой рассказ о красавице Гюльсоре. Но прежде позволь приветствовать тебя стихами великого Рудаки:

Будь весел и люби красавицу свою.
Подобен этот мир бегущему ручью.
О прошлом позабудь, грядущим утешайся,
Живи и радуйся живому бытию.
Я с лунноликою в саду благоуханном,
Я с чернукурою, как с гурией, в раю. . .

Сияя радостной улыбкой, Якуб ответил учителю другими строками Рудаки:

Я потерял покой и сон — душа разлукою больна,
Так не страдал еще никто во все века и времена.
Но вот свиданья час пришел, и вмиг развеялась печаль, —
Тому, кто встречи долго ждал, стократно сладостна она ¹.

И Якуб поведал учителю свой тайну. Рассказал о случае на невольничьем рынке Багдада, о том, как оказался опекуном несчастных сирот и как, боясь рассердить отца, скрыл от него то, что следовало рассказать. Все эти годы надо было посылать деньги сиротам. Якуб признался, что бывали случаи, когда, не имея денег, он в отчаянии думал о том, что лучше бы взяться за торговлю, стать независимым и щедрой рукой помогать этим обездоленным детям.

Ал-Бируни внимательно слушал Якуба, глядя ему в глаза своими добрыми печальными глазами.

— А я так занят и так рассеян, — сокрушенно разводил руками устод, — что все это прошло мимо меня. Мне печально, друг мой, что я не оказал тебе помощи в таком важном деле. Напрасно ты не сказал мне об этом. Да и отец твой должен был все это знать. Насколько мне известно, Мухаммад ал-Хасияд человек высокого благородства и доброй души. Аллах вознаградил тебя! Ты говоришь, что это единственная и прекраснейшая девушка на свете. Я верю тебе. Она послана тебе в награду за твои труды. Ты поедешь в Бухару и найдешь время для того, чтобы сыграть свадьбу. Я бы не хотел, чтобы ты в этом деле был похож на своего учителя. Я должен признаться тебе, что теперь, на склоне лет, нередко сожалею об ушедшей юности, о том, что в пылу увлечения науками не находил времени для того, чтобы согреть

¹ Перевод В. Левика.

свою душу... Впрочем, ты умен и сам понимаешь, о чем я хочу сказать.

— Мой дорогой устод!.. — Якуб сжал в своих сильных руках тонкие красивые руки учителя. — Прости меня, благородный учитель. Я знаю, ты хочешь сказать о дочери Хасана, о красавице Рейхан. Она была так добра и внимательна к тебе! Она постоянно спрашивала меня, чем занимается великий учитель, который завладел ее сердцем. Но она просила не выдавать этой тайны. Она стыдилась своих чувств, она видела, как ты занят науками, и боялась отвлечь тебя хоть на минуту. Но ты, бывая в доме Хасана, должно быть, видел, с каким необычайным вниманием она прислушивалась к каждому твоему слову. Как-то она сказала мне, что приход Абу-Райхана — самая большая радость в ее жизни...

Якуб почувствовал, как дрожат руки учителя, и не знал, продолжать ли ему. С лицом, еще более печальным, чем всегда, не отнимая своих рук и стоя рядом с Якубом, он тихо промолвил:

— Расскажи все, что знаешь о ней...

И Якуб, озаренный радостью встречи с Гюльсорой, и сейчас, как никогда прежде, понявший все, чему он был когда-то свидетелем, старался вспомнить все то самое главное, что составляло тайну, которую он не смел выдать никому, потому что обещал умной и благородной Рейхан сохранить ее.

— Она говорила мне, — вспоминал Якуб, — как много книг пришлось ей прочесть, чтобы понять и вникнуть в свою любимую книгу «Следы, оставшиеся от прошедших поколений». Мне кажется, что она могла на память прочесть многие страницы этой книги. А розы, которые она своими руками срывала в своем саду и посылала тебе... Неужели ты этого не понял, учитель!.. Она была верна тебе все годы, пока мы жили в Гургандже.

— Они были прекрасны, эти розы... Я был слеп, мой друг. Только сейчас, вспоминая те дни и те встречи, я могу по-новому их понять и оценить. Но теперь уже поздно. Как странно, что я ни разу не подумал о том, почему такая образованная, умная и красивая девушка не сыграла свадьбу в течение всех тех лет, пока я был в Гургандже. Ты открыл мне глаза, Якуб. Как я виноват перед ней! Совсем недавно до меня дошло, что она замужем! Муж ее из знатных придворных, живут они в Кяте, у нее растет маленькая дочь. Спасибо тебе, Якуб! Пускай хоть поздно, но я узнал об этом. Как же мне выразить свою признательность ей?

Ал-Бируни в задумчивости шагал по комнате, низко опустив голову

и не скрывая своей глубокой растерянности. Вдруг он остановился, и добрая, ясная улыбка, словно солнечным лучом, осветила его тонкое лицо.

— Я придумал, Якуб! Право же, неплохо придумал! Я посвящу ей книгу начал астрономии. Я помню, она не раз задавала мне вопросы, связанные с небесными светилами. Астрономия интересовала ее. Может быть, эта книга, посвященная ей, напомнит ей Гургандж и скажет о том, что я помню ее.

— Как это хорошо, мой благородный угод! Это как нельзя лучше! Она все поймет. И эта книга доставит ей большую радость. Я сговорюсь с тем писцом, который так красиво переписал тебе книгу Рудаки. Он перепишет твой труд искуснейшим образом. И это будет драгоценный подарок для прекрасной Рейхан, дочери твоего друга Хасана.

— А теперь собирайся в Бухару, Якуб. Не надо терять времени. Устраивай свою свадьбу, мой друг, и будь счастлив!

«ЩЕДРОСТЬ — ДОСТОИНСТВО ПРАВЕДНИКА»

«Щедлость — достоинство праведника». Эти слова, написанные золотыми буквами, красивой арабской вязью по краям синего блюда, так и сверкали на солнце. Джафар еще раз окунул кисточку в золотую краску, подправил заглавные буквы и отошел, чтобы полюбоваться своей работой. Под навесом, в тени густых акаций, стояло несколько фаянсовых сосудов, расписанных юношей. На красном блюде можно было прочесть: «Терпение — ключ радости, спокойствия и благоденствия». А рядом с ним стояла чаша с надписью: «Начало учения горько на вкус, а конец его слаще меда». Джафар остался доволен своей работой. Эти надписи были не только поучительны, но и очень красивы. Они украшали пестрые фаянсовые сосуды, которые так искусно умел делать Джафар. В печи для обжига оставались еще миски. Юноша пошел за ними и в отгороженном дворике столкнулся с Абдуллой, который только что прибыл из Бухары. После сердечных приветствий старик подал Джафари мешочек с деньгами и сказал, что выполняет поручение молодого хозяина. На этот раз денег было намного больше обычного, и Джафар в недоумении спросил, зачем так много. Ведь те-

перь он, Джафар, уже и сам способен заработать на лепешку и на хлопковое масло для светильника. Юноша подсчитал деньги и, возвращая их Абдулле, сказал, что не считает возможным принять от Якуба такой дар.

— Но, прежде чем отказаться, Джафар, ты лучше спроси, для чего это, — заметил с укоризной Абдулла.

— А для чего?

— Для хорошего дела. Ведь Якуб говорил о том, что намерен жениться на Гюльсоре. Вот для этого и нужны деньги. Я думаю, Джафар, что ты не откажешься доставить сестру Якубу и сделаешь это в самое ближайшее время, потому что нетерпение моего хозяина неописуемо. Надо тебе сказать, что в тот день, когда я был послан сюда, Якуб поспешил в Бухару, чтобы поговорить с отцом и матерью. Почтенный Мухаммад ал-Хасияд ничего не знает о вас, а ему, пожалуй, уже пора узнать об этом.

Абдулла говорил об этом с явным удовлетворением. Ему приятно было вспомнить о том, что все эти годы он умел хранить тайну своего молодого хозяина и хорошо помог ему в добром деле. Да и трудно было представить себе, что бы сделал Якуб, если бы у него не оказалось такого разумного помощника, каким был старый Абдулла.

— Мухаммад ал-Хасияд ничего не знает о нас? — удивился Джафар. — Расскажи мне обо всем, Абдулла, расскажи здесь, пока нет отца, — и я не хочу, чтобы отец стал свидетелем этого разговора. Я называю отцом Ибрагима; ты сам знаешь, что ближе его у нас никого на свете.

— Я тебя понимаю, — согласился Абдулла, — я бы тоже посчитал Ибрагима отцом. Я думаю, только среди бескорыстных карматов могут встретиться такие хорошие люди.

Абдулла обстоятельно рассказал Джафору всю историю со дня встречи на невольничьем рынке Багдада.

— «Щедрость — достоинство праведника», — сказал старик, показывая на блюдо с этой надписью. — Эти слова полностью относятся к Якубу. Хотел бы я знать, какой праведник заказал тебе такое блюдо.

— Боюсь, что аллах не примет его на небо, — ответил Джафар. — Это владетель обширных земель долины Зеравшана. Он очень богат. Но скареее его нет человека в Самарканде. Он тысячу раз прочтет эту надпись, но от этого он не станет щедрым. Как говорит пословица: «Осел — все тот же осел, хотя бы на нем переменили седло».

— Я давно уже приметил, — сказал Абдулла, — что богатство и ска-

редность всегда дружны. Я редко встречал богатого человека, который не был бы обременен этой скверной болезнью. Правда, я должен признать, что мой хозяин Мухаммад ал-Хасияд вовсе не скаредный человек. Он бывает и очень щедрым, но это все же связано у него с расчетом. Он всегда глядит далеко вперед, потому что разумный расчет дает ему барыши. Я смотрю на Якуба и думаю, что никогда бы ему не осуществить своего замысла, не стать бы ему человеком науки, если бы его отец Мухаммад не подсчитал, что ученость и образованность сына принесут ему впоследствии прибыль. Он и мне говорил не раз, что не дождется того дня, когда Якуб вернется в дом и когда наконец эти знания принесут пользу.

Сказанное Абдуллой заставило Джафара призадуматься. Откуда же Якуб берет деньги, чтобы помогать им столько лет? Якуб щедрый человек, но надо что-то иметь, чтобы быть щедрым, а если он на попечении отца, значит, он отдает деньги своего отца, который об этом ничего не знает. Как же можно брать такие деньги? Даже теперь, когда Якуб решил жениться на Гюльсоре, ему, Джафару, непристойно пользоваться добротой Якуба. На этот раз он ни за что не возьмет денег у Абдуллы.

— Я ничего не знал, Абдулла, — признался Джафар, — прости меня, но я считаю своим долгом вернуть эти деньги Якубу, и ему посоветуй — пусть он не берет их у отца.

— А как же Гюльсора? — испугался Абдулла.

— Гюльсора подождет. Когда я соберу нужную сумму, в тот же день я отвезу ее к Якубу. Для такого путешествия нужно много денег. Вот сейчас, Абдулла, когда ты мне кое-что сказал, у меня открылись глаза на многое. Я думаю, что мы причинили Якубу большие неудобства. Пока я был мал, я об этом не задумывался. А потом я много слышал о том, как богат Мухаммад ал-Хасияд, и подумал, что такие затраты для него незаметны. Мне очень жаль, что Якуб имел неприятности и тревоги из-за нас.

Абдулла стал возражать. Он рассказал Джафару, что неудобства и неприятности были так давно, что уже забыты. Просто Якуб стал тратить меньше денег, чем тратил прежде. Он делал это охотно, от всего сердца и всегда был рад, что сделал доброе дело для Джафара и Гюльсору.

— А вот теперь, — продолжал Абдулла, — когда Якуб поедет к отцу и расскажет ему о своей невесте, Мухаммад поймет, что Гюльсору и Джафар посланы ему аллахом, чтобы украсить его старость. Ведь ты будешь хорошим помощником Мухаммаду, не правда ли, Джафар?

Но Джафар почему-то молчал. Уставившись в красивое голубое блюдо с арабской надписью, он долго размышлял над словами старого Абдуллы.

— Когда я был маленьким и жил в кочевье своего отца, — сказал Джафар, — я слышал одну поговорку, сказанную моим дедом. Не знаю, почему она запомнилась мне, тогда как многое забылось. А поговорка такая: «В годину тягот не отчаивайся: из черных туч падает светлая вода». С тех пор как я стал искусно украшать блюда для стола богатых людей, я увидел, что из черных туч, нависших надо мной с детства, уже падает светлая вода. И этим я обязан Ибрагиму. Скажи мне, Абдулла, разве честно будет сейчас бросить дом Ибрагима и уйти в богатый дом Мухаммада, где жизнь будет легче и безопаснее? Я не привык к беспечной жизни. Я не брошу Ибрагима. Я доставлю Гюльсору Якубу и вернусь к Ибрагиму. Аллах не дал нам богатства, но он дал нам умение трудиться, и мы будем довольствоваться немногим.

— Ты прав, юноша, — согласился Абдулла. — Я всегда уважал Ибрагима и всегда верил в то, что добро найдет дорогу к себе в дом. Делай так, как велит тебе сердце. Но деньги все же возьми. Я знаю Якуба — он не простит мне моей вольности и пошлет с деньгами обратно.

— Не спорь, не возмю! — воскликнул Джафар и убежал.

Абдулла долго размышлял, как ему быть: отдать ли деньги Ибрагиму или снова поговорить с Джафаром, — и все же решил возвратиться к Якубу с деньгами. Он видел, что, несмотря на бедность, Джафар обладает таким достоинством и такой гордостью, которые не позволяют ему пойти на уступки. Если уж он решил доставить Гюльсору на деньги, заработанные собственным трудом, то вряд ли он поступит иначе, как бы его ни уговаривали. Не повидавшись с Ибрагимом, Абдулла покинул дом ткача и отправился в Бухару, чтобы там встретить Якуба и рассказать ему о случившемся.

А тем временем Джафар рассказывал Гюльсоре о встрече с Абдуллой, о деньгах, присланных Якубом, и о том, как он послал их обратно, потому что решил доставить Гюльсору на деньги, заработанные собственным трудом.

— Когда же это будет? — воскликнула со слезами Гюльсора. — Зачем ты это сделал, Джафар? Зачем ты испытываешь мою судьбу? И как ты мог отказаться от поездки к отцу Якуба — ведь там нас ждет счастье!

Заливаясь слезами, Гюльсора умоляла Джафара не губить ее и помочь ей скорее добраться до Якуба. А Джафар долго и убежденно

говорил сестре, как горько ему слышать ее слова и как печально ему было узнать о том, что она выросла злой и неблагодарной.

— Ты не любишь Ибрагима и Рудобу, потому ты с радостью покидаешь их дом, — упрекал сестру Джафар.

— Что же мне делать? — плакала Гюльсора. — Я люблю Ибрагима и Рудобу, но еще больше люблю Якуба. Скажи, Джафар, когда же ты сможешь мне отправиться к Якубу, в дом Мухаммада ал-Хасияда?..

* * *

Абдулла застал Якуба в Бухаре. Молодой хозяин был рад встретить старого друга, который был посвящен во все его тайны и так разумно помогал ему в его трудных делах.

— Теперь уже все хорошо, — сказал Якуб старику, когда наконец уединился с ним в его маленькой глиняной хижине. — Это было совсем не просто, Абдулла. Как только я сказал родителям, что намерен жениться на безвестной сиротке, так весь дом наполнился унынием и печалью. Отец даже не захотел слушать о том, кто она и откуда взялась. Он только говорил о том, что его единственный сын достоин знатной девушки. А мать плакала, причитала и, как всегда в таких случаях, пригласила старого цирюльника и потребовала гороскоп. Не знаю, что случилось, но звезды показали в мою пользу, и, когда старый цирюльник сказал об этом матери, она перестала плакать и принялась убеждать отца в том, что следует подумать и не отказывать в моей просьбе, пока девушка не прибудет в дом. А может быть, она в самом деле такая необыкновенная?

— Так и сказала? — обрадовался Абдулла. — Я всегда знал, что Лейла добрая женщина. Но в этом деле трудно было рассчитывать на успех. И что же сказал отец?

— Отец велел привезти Гюльсору. Наш старый цирюльник помог мне в моем деле. Я теперь не верю в гороскоп, мой угодник убедил меня в том, что занятия звездочета — настоящая бессмыслица, но, когда цирюльник сказал, что звезды расположены в мою пользу и что Гюльсору надо принять в наш дом, я был счастлив.

— А что будет дальше? Джафар не взял денег и сказал, что доставит Гюльсору в тот день, когда сам сможет купить ей свадебный подарок. Он горд и упрям, этот юноша.

— Сын кочевника. Гордость он унаследовал от предков, — сказал Якуб. — Я не осуждаю его, но через несколько дней снова поеду к ним и попробую уговорить его, чтобы отпустил со мной Гюльсору. Прежде

чем уехать, я должен получить согласие отца на свадьбу. И ты мне поможешь, Абдулла. Ты расскажешь отцу все, что знаешь о семье Ибрагима, о Джафаре и Гюльсоре. Он верит тебе, и твое слово может мне помочь.

Прежде чем поехать за Гюльсорой, Якуб написал подробное письмо своему устоду, рассказал о том, какие обстоятельства задерживают его вдали от Газны. Свое письмо Якуб закончил обещанием скоро вернуться к учителю, чтобы продолжить опыты и завершить начатое дело.

Спустя несколько дней Якуб вместе с Абдуллой снова пришли в горное селение под Самаркандом. Было ясное, благоуханное утро, когда он подымался по знакомой тропинке, ведя под уздцы своего коня. Он остановился под знакомой яблоней, которая уже отцвела и не была такой праздничной и нарядной, как прежде.

«Гюльсора обещала встречать меня под этой яблоней, — подумал Якуб, — почему же ее нет здесь?» Якубу очень хотелось встретить Гюльсору на этой тропинке. Он чуть было не признался в этом Абдулле, но, увидев, как устало плетется за ним Абдулла, Якуб ничего не сказал и поспешил к дому Ибрагима, предвкушая радостную встречу.

Но вот и домик ткача. Калитка низенькая, лошадь с трудом проходит в нее. Якуб толкнул калитку и, предоставив заботу о лошади Абдулле, побежал к домику Ибрагима. Но как странно выглядит двор и домик ткача!.. Почему-то никто не вышел навстречу. Повсюду разбросана утварь, рассыпана чечевица, валяются обрывки одежды, стоит какая-то корзинка с поклажей. Якуб перешагнул через порог, вошел в маленькую комнату, где его так гостеприимно угощала Рудоба и где он впервые увидел Гюльсору, но там никого не оказалось. Дом был пуст. С волнением Якуб окликнул Абдуллу и попросил его зайти в соседний двор и узнать, куда девался Ибрагим и где его семья. Но и в соседнем дворе было пусто. Кривая маленькая улочка была покинута людьми. Тогда Абдулла пошел по домам и в одном из бедных домиков, где жил гончар с семьей, узнал, что несколько дней назад в селении побывали воины, которым было поручено угнать в Самарканд на расправу всех карматов. Случилось так, что Ибрагим узнал об этом за несколько часов до прибытия в селение воинов хана и вместе с семьей бежал куда-то. Он не сказал, куда уходит, потому что слыл в селении карматом и боялся, как бы кто-либо не выдал его.

— Где же мы найдем их? — взмолился Якуб. — Абдулла, помоги мне, не оставь меня в трудную минуту. Зачем же я нашел свое счастье, чтобы так быстро его потерять! Как это случилось? И почему цирюль-

ник говорил, что звезды показывают в мою пользу? Я так верил в этот гороскоп! Я никогда так не верил в силу звездочета!

Якуб не скрывал своих слез, и, глядя на него, едва сдерживал слезы Абдулла. Старику казалось, что сердце его разорвется от горя и печали. Теперь он винил себя за свое легкомыслие, за то, что прежде не увез Гюльсору, что не смог уговорить Джафара поехать вместе с ним. Ведь ничто не мешало ему выполнить просьбу Якуба. Причуды Джафара, вот в чем беда!

Старый Абдулла долго размышлял над тем, куда мог бежать Ибрагим со своей семьей. Якуб требовал немедленно отправиться на поиски, но куда?

Решили отправиться в Самарканд и там, на базаре, узнать новости. Весть о том, что снова началось гонение на карматов, переходила из уст в уста. Якубу удалось узнать, что новый правитель Самарканда, стараясь угодить султану Махмуду Газневидскому, велел очистить от карматов все селения вокруг Самарканда. Но он запретил убивать искусных ремесленников, приказал пригнать их в город и заставить работать на свой двор.

— Я могу поклясться, что их не убили и заставили ткать ведарийские ткани, — утешал Якуба Абдулла. — Ведь лучше Ибрагима никто не делает этих тканей.

Якубу стоило больших трудов узнать о том, что среди захваченных охранниками ремесленников нет семьи Ибрагима. А если так, то они бежали и следует искать их в более глухом и отдаленном месте.

СУЛТАН — ПОВЕЛИТЕЛЬ МИРА

В покоях роскошного дворца было тихо и безлюдно. Говорили вполголоса, боясь, что повелитель услышит и разгневается. Шепотом из уст в уста передавали о том, кто был средоточием Вселенной. «Он проснулся... Он молится...»

В просторной комнате с резными потолками, где стены были увешаны драгоценным оружием, а полы устланы мягкими коврами, на молитвенном коврике сидел человек с узким желтым лицом и близко поставленными злыми глазами. Он совершал намаз, отложив на время молитвы зеркало, гребень и головной убор. Два молодых гуляма в золотых поясах следили за каждым жестом повелителя, готовые к его услугам по первому знаку.

Покончив с намазом, султан Махмуд — а человек с желтым лицом и злыми глазами был правителем Газны — поклонился в сторону Мекки, надел на голову свой пышный убор и взглянул в зеркало. В это время к нему в покои вошел вазир. Он низким поклоном приветствовал султана и, когда Махмуд дал ему знак, сел против своего повелителя на мягком ковре. Султан, не оставляя ручного зеркала, спросил вазира:

— А знаешь ли ты, о чем я сейчас думаю?

— Владыка лучше знает, — ответил, низко кланяясь, вазир.

— Я думаю о том, что лицо мое некрасиво, и опасаясь, что из-за этого люди не любят меня. Мне кажется, что подданные любят, чтобы их повелитель был красив.

— О султан, повелитель мира, как можешь ты так думать? В твоём лице столько благородства! К тому же тебя украшает справедливость. Я думаю, что каждое доброе дело, сделанное тобой, способствует твоей славе, заставляет людей поклоняться тебе. Как мудро ты разрешил загадку с зеленым кошельем!

— Меня позабавила эта история, — усмехнулся Махмуд. — Когда пришел ко мне пострадавший и рассказал о том, как бесчестен городской судья, я не сразу ему поверил. А потом подумал: «Допустимо ли, чтобы городской судья позорил честь моей державы вот таким мелким воровством!»

И султан Махмуд, будучи в добром настроении, соблаговолил рассказать вазиру историю с похищением золотых динаров. Вазир знал о ней, но из подобоострастия стал слушать с величайшим вниманием.

Несколько дней назад к султану пришел человек, недавно вернувшийся из Индии. Это был богатый купец. Отправляясь по торговым делам, он увез с собой почти все свое состояние и оставил перед отъездом на хранение у городского судьи две тысячи золотых динаров. Деньги были зашиты в зеленом кошелье и запечатаны.

Завершив торговые дела в Индии, купец возвращался домой. А в дороге случилась беда — напали разбойники из кочевников и разграбили караван. Вернувшись домой без единого динара, купец поспешил к городскому судье за своим кошельем. Судья вернул ему кошель с печатями таким, каким он был и прежде. А когда купец, придя домой, раскрыл свой кошель, он обомлел — вместо золотых динаров там лежали медные дирхемы. Он тотчас же вернулся к судье и закричал: «Что ты сделал со мной, бесчестный человек! Я дал тебе на хранение кошель с золотом, а ты возвращаешь мне медные монеты!» — «Напрасны твои вопли, клеветник! — закричал судья. — Ты принес мне закрытый кошель, и на нем была печать. Таким ты и получил его обратно. Что же ты позоришь меня?»

— И вот, когда пострадавший пришел ко мне, — продолжал, смеясь, султан Махмуд, — я пообещал помочь ему. Кошель, который он показал мне, нигде не имел каких-либо следов, которые бы показали, что он был вскрыт. Однако его можно было распороть, а потом, заменив мо-

неты, искусно заштопать. Если городской судья обманул человека, то иначе и быть не могло. Но это надо было доказать.

— Насколько я понимаю, мой повелитель, ты сумел это доказать, — промолвил с поклоном вазир.

— Ну вот, послушай. В моей опочивальне есть драгоценное золотоканное покрывало. Я разрезал его в нескольких местах, а затем, сказав своему человеку, который охраняет опочивальню, что уезжаю на охоту на несколько дней, покинул дворец. Мой человек, весьма честный и преданный мне, испугался. Он побоялся, как бы я его не заповдозрил. За такие проделки можно и головы лишиться. Ведь никто, кроме него, не имел права войти в опочивальню. Чтобы избежать беды, старик стал искать самого искусного штопальщика, и тот так заштопал покрывало, что на нем не осталось никаких следов порчи. Когда я вернулся с охоты, я прежде всего посмотрел на расшитое покрывало и спросил своего служителя, кто его исправил.

«О господин! — воскликнул несчастный. — Это покрывало никогда не было разорвано».

«Дурак! — говорю. — Не бойся. Я разрезал. Мне хотелось узнать, есть ли у нас такой искусный штопальщик».

И он привел мне штопальщика — старика, дрожащего от страха. Он ждал кары и сам не знал, за что. У старика я узнал, что искуснее его никто не делает таких штопок и что ему был доставлен зеленый кошель, который он сумел заделать. Тут были вызваны судья и обманутый купец. Ну вот, говорю судье:

«Я дал тебе судейство, вручил тебе имущество и кровь мусульман, считая тебя человеком старым и ученым. А ведь в моей стране имеется две тысячи людей более ученых, чем ты, и они пропадают в неизвестности. Допустимо ли, чтобы ты совершал вероломство, нарушал оказанное доверие, захватывал достояние мусульман?»

Когда я вытащил кошель, судья так задрожал от страха, что не мог вымолвить и слова.

«Возьмите, — говорю, — этого пса и смотрите за ним, пусть он сейчас же отдаст деньги этому человеку, а не то отрублю ему голову».

Полумертвого судью увели от султана, поместили в караульную и потребовали денег. Судья велел позвать своего управляющего и отдать две тысячи динаров купцу. На другой день, когда султан Махмуд снова разбирал жалобы, он при всем народе рассказал о вероломстве судьи и приказал повесить его вверх ногами на зубце дворцовой стены. Но тут вельможи вступились, и судья, откупившись пятьюдесятью тысячами динаров, сохранил себе жизнь. С должности он был смещен.

— Владыка! — воскликнул вазир, польщенный доверием султана. — Разве человек, которому ты вернул кошель с золотыми динарами, не будет способствовать твоей славе?

— Рабы аллаха, мы должны всегда помнить о справедливости. Судья должен был бы кровью заплатить за свое стяжательство. Мы оставили ему жизнь лишь потому, что Газне нужно много динаров для процветания и расширения ее пределов. Как говорит мудрец: «Пепел падает на голову того, кто его бросает вверх». Так сделал судья, которому я доверял. Однако мы должны бороться с воровством и стяжательством, а в этом нам поможет только чистота веры. — Махмуд нахмурился, и вазир увидел, как щелки хитрых глаз загорелись злыми огнями. — Всякая ересь так же противна аллаху, как неверные. Я должен знать, что вокруг нашей прекрасной Газны и далеко за ее пределами больше нет карматов. Все ли сделано, что обещал самаркандский хан?

Вазир, отлично знающий, как быстро меняется настроение Махмуда и как расположение владыки мгновенно переходит в гнев и ярость, вскочил и, низко склонившись перед Махмудом, сообщил последние вести: войско, посланное правителем Самарканда, очистило земли от карматов и всякой ереси. Многие преданы мечу, а иные изгнаны из своих селений и волею аллаха будут воздвигать мечети до скончания своих дней.

* * *

Якуб был далеко от дворца султана Махмуда, но он своими глазами видел, что сказанное вазиром истина. Многие землепашцы и ремесленники были преданы мечу, но еще больше невинных людей, обвиненных в принадлежности к секте карматов, были угнаны в города на тяжкие работы. Однако куда же девалась семья Ибрагима? Возможно ли, что... Нет, нет, их не могли убить. Ведь Ибрагим не был карматом, он только помог как-то несчастным в беде и был оклеветан. И сколько же лет он будет расплачиваться за свое благородство?

Много дней провели они в горах, Якуб и старый Абдулла. Они шли из селения в селение и расспрашивали добрых людей о семье Ибрагима.

Якуб в отчаянии укорял себя в том, что не увез Гюльсору в тот день, когда они простились под цветущей яблоней. Абдулла сожалел о другом. Он почему-то никогда не поинтересовался спросить у Ибрагима, где живут его замужние дочери. Он не знал о них ничего, так же как не знал и о судьбе племянниц, которые были искусными тка-

чихами. В те дни в Ведаре, когда все еще было мирно и хорошо, племянницы любили петь веселые песни, а по вечерам нередко устраивали пляски. Абдулла много раз видел их во время своих приездов. Вот теперь они помогли бы, но где они?

Как-то холодной осенней ночью, после проливных дождей, когда Якуб и Абдулла, продрогшие и голодные, стали раскладывать костер, старику стало как-то особенно жалко молодого хозяина. Он искренне желал ему счастья и был удручен тем, что это счастье ускользало от хорошего человека. Ведь старый Абдулла давно уже мечтал о том радостном дне, когда Якуб увидит красавицу Гюльсору и возьмет ее в жены. Старик был убежден, что иначе и быть не может. Он хотел, чтобы сирота, узнавшая так много горя и страданий, увидела наконец светлые дни. А Якуб — он должен быть вознагражден за свой благородный поступок. Кто бы спас этих сирот от рабства? Ему вспоминались те дни в Багдаде, когда все мысли, все желания Якуба сводились лишь к тому, чтобы спасти неизвестную женщину из кочевого пастушеского племени, сохранить ей жизнь и вернуть в родные края. Он вспомнил лекарей, которых Якуб приводил в караван-сарай, вспомнил и то, с какой щедростью молодой человек расплачивался за целебные травы и за добрый совет врачевателя.

— Согрейся у огня, поешь и не теряй надежды, — говорил старик Якубу. — Завтра будет хороший день. Ветер разогнал тучи. И наши тучи развеются. Видишь — в небе показались звезды. Я бы на твоём месте вернулся в город и заказал хороший гороскоп. Не говори мне, Якуб, что звездочеты врал. От них большая польза. Вот сейчас, глядя на звезды, можно было бы узнать, что ждет тебя. А ты не веришь. Я помню, как ты поссорился с нашим старым цирюльником. Да пошлет ему аллах здоровье и благополучие! Он всегда умел предсказывать нам добрый путь с караваном.

Якуб молча слушал старика. Ему было очень горько, и сейчас он бы не отказался от гороскопа. Пусть Абу-Райхан не верит, но, когда владыка просит его составить гороскоп, он и сам это делает. В трудную минуту гороскоп нужен, даже если по науке это и не так. Хотелось бы узнать, найдет ли он Гюльсору. С тех пор как злые силы разлучили их, она стала ему еще дороже. И почему это правитель Самарканда угоняет из своих селений карматов? Почему он угождает султану Махмуду? Из страха? Или подобоострастия? Одно ясно: султан Махмуд виновник несчастий. Все зло идет от жестокого и коварного повелителя! Это он потребовал разорить мирные селения, и, угождая ему, владельцы соседних земель проливают кровь. Они так же безжалост-

ны, как их великий сосед. У султана одна мысль: угодить аллаху, попасть в рай. Но разве может попасть в рай кровопийца, проливший реки крови?

Якуб смотрел в светлеющее небо, где гасли звезды, и ему казалось, что он видит дорогу, ведущую в рай. Она простерлась над адом. И по этой дороге, шириной с лезвие ножа, медленно, с трудом передвигается узкоглазый желтолицый султан. Ноги у него дрожат. Он озирается то вправо, то влево, но боится глянуть вниз, где разверзлась бездна ада. Там вопят грешники, которым уготованы вечные муки.

— Таковую же бездну он разверз вокруг себя на земле... Но сам угодит в нее в свой смертный час!

Якуб сказал это громко, но Абдулла не слышал его. Греясь у костра, старик думал о своем молодом хозяине, которого любил, как сына. Абдулла всячески внушал себе, что все обойдется и Якуб встретит Гюльсору. Сейчас старика тревожило другое: он думал о судьбе Якуба. Прежде он радовался за него и верил, что юноша достигнет вершины желаемого — станет ученым. Потом ему казалось, что Якуб уже всего достиг и уже может затмить многих мудрецов и шейхов Бухары. И в душе он гордился им так же, как гордился сыном Мухаммад. Он видел, как Якуб упрям и настойчив. Как отказывал себе во многих радостях жизни, не позволял себе веселья. И вот теперь все, что он обрел, он будет отдавать султану Махмуду. Разве это справедливо? Разве не владыка Газны превратил в пожарища селения бедных людей, которых кто-то называл карматами? Из страха перед ним то же самое стали делать повсюду — на землях Бухары, Самарканда и Нишапура. Вот вернется Якуб ко двору султана и станет вместе со своим устом трудиться во славу правителя Газны. Разве это дело? Якуб молод, не понимает этого. Кто может видеть правду лучше старого человека?.. Старик решился все сказать Якубу.

— У меня к тебе дело, сынок. Куда ты вернешься, когда мы найдем Гюльсору? Куда ты отправишь свой путь? Ты вместе со своим устом по-прежнему будешь служить Махмуду Газневидскому?

— Разве в моей воле выбирать хозяина?..

— А я бы не стал служить убийце и грабителю. Ты подумай, сынок. Я говорю тебе от чистого сердца. Мне нечего терять. Уже близок час, когда аллах призовет меня к себе, а ты еще молод. Я бы хотел, чтобы ты шел по пути праведника.

Морщинистое, почти совсем черное лицо Абдуллы еще больше сморщилось, скривилось, а щелки глаз закрылись, словно слабый, едва заметный рассвет раздражал его. Якубу вдруг показалось, что старик

всхлипнул, и он подумал, что Абдулла, наверно, так же одинок, как и он сейчас. Но, пожалуй, старику еще хуже — рядом с ним нет книг, нет устода и нет надежды встретить Гюльсору. Якуб поднялся, подошел к старику и, тронув его костлявое плечо, сказал:

— Может быть, ты и прав, старик. Надо подумать над этим. Живя рядом с Абу-Райханом, я привык думать только о науке, а все, о чем ты сказал сейчас, не приходило мне в голову. Ты хороший старик, Абдулла. Ты не один на свете. Считай меня своим сыном...

Вот уж нехстати Абдулла подбросил сучья в огонь! Якуб увидел не только дрожащие руки старика, но и блеснувшие на щеках прозрачные капли.

Когда рассвело, собрались в дорогу. За горой было маленькое селение, и Якуб с Абдуллой пришли туда в час утренней молитвы. Тревожно звучал голос муэдзина, призывающий правоверных в мечеть. Когда муэдзин, покончив с намазом, засеменял в свою глиняную хижину, Якуб обратился к нему с вопросом, все ли хорошо здесь в селении, нет ли каких новостей. И тогда Якуб узнал, что единственной неожиданностью был приход небольшой группы воинов, которые гнали впереди себя неверных. Это были одни мужчины, старые и молодые. Их гнали на медный рудник. Там работают одни рабы.

— Но если туда угнали одних мужчин, то где же семья Ибрагима? Куда нам идти? — тревожился Якуб. — Как ты думаешь, Абдулла, следует ли нам отправиться на рудник или искать их здесь, в горных селениях?

— На рудник мы не опоздаем. Пойдем в селения, — предложил старик.

И они снова пошли по селениям. Заходили в дома, бродили по базарам, спрашивали людей, но так ничего и не узнали.

Уже потеряв надежду найти их, Якуб как-то остановился в одном глухом горном селении, где жили пастухи, и предложил Абдулле остаться здесь до базарного дня. Ему сказали, что в базарный день, раз в неделю, сюда съезжаются люди из окрестных селений.

Настал базарный день, и Якуб отправился на поиски. Он внимательно вглядывался в лица людей в надежде найти хоть знакомого, который дал бы ему добрый совет. И вдруг он увидел женщину, которая несла на голове горящее на солнце громадное расписное блюдо. Синее, украшенное золотистой росписью оно напомнило ему о Джафаре.

— Покажи блюдо, добрая женщина, — попросил, волнуясь, Якуб. — Я посмотрю, не купить ли и мне такое для своей невесты.

— Посмотри, только такого ты уже не найдешь, оно было единственное у красивого черноглазого гончара. Видишь, он там, среди горшечников. Его окружили женщины и спорят — каждой хочется купить красивый сосуд. Он недавно здесь, этот молодой искусный гончар...

Но Якуб уже не слышал ее. Он мчался к пригорку, где торговали горшечники, и он увидел Джафара, окруженного толпой женщин.

Джафар был так озабочен и так занят своей бойкой торговлей, что и не заметил Якуба, который подошел к нему. Якуб был счастлив увидеть здесь юношу, он еще ничего не спросил, но видел, что Джафар весел и шутит, значит, все живы, все вместе, иначе...

— Все живы? — спросил накснец Якуб. — Где Гюльсора?

— Как ты сюда попал, Якуб ибн Мухаммад? Вот не ожидал! Слава аллаху, все живы и здоровы! Иди скорее домой. Туда, видишь, на той крутой тропинке взбирается женщина в красном. Рядом развалины и гнездо аиста, иди скорее! Какая радость для всех...

Якуб побежал, не чуя ног. Вот и крутая тропинка. Он обогнал женщину в красном, потом оглянулся, словно кто-то толкнул его и подсказал: оглянись! В красном платье была Гюльсора.

Якуб остановился, схватил руки Гюльсоры и, не веря своему счастью, вглядывался в ее прекрасное, такое же, как прежде, веселое и счастливое лицо.

— Если бы здесь была цветущая яблоня, — сказал Якуб, — то мне бы показалось, что все происшедшее было дурным сном.

— Увы, здесь нет нашей веселой, быстрой речки и яблони здесь не растут, — ответила Гюльсора. — Но как ты нашел нас здесь, Якуб, вот этого я не пойму! Мне кажется, что это край света. Сколько же ты исходил дорог, чтобы найти нас, затерянных среди гор! Я так боялась, что мы надолго застрянем здесь, а ты уедешь к своему устоду и больше никогда не посетишь наш дом! Я так боялась этого, Якуб... Я думала об этом каждый день, поверь...

Теперь Гюльсора плакала от счастья, и ей не стыдно было своих слез.

Потом плакала и обнимала Якуба Рудоба, а Ибрагим, сияя счастливой улыбкой, ждал, когда ему можно будет рассказать, как трудно было устроить побег и сделать так, чтобы вся семья незаметно покинула селение и избежала тех бедствий, которые постигли несчастных в тот день...

— Гюльсора не рассказала тебе о том, как она спасла мне жизнь? — спросил Ибрагим. — Я ей обязан своей свободой. Иначе меня по-

стигла бы участь тех, кого угнали на медный рудник. А там в тяжких трудах и голоде живут изгнанники-карматы. Но они карматы, а я ведь никто для них. . .

И тут Ибрагим во всех подробностях рассказал о том, как темной ночью отправил своих в дальнее селение, а когда пришел к себе за последними пожитками, его поймали воины, присланные из Самарканда. Они привязали его толстой веревкой к целому десятку таких же несчастных и оставили их посреди темной улочки. На рассвете они собирались угнать всех на рудник. А тем временем в селение вернулась Гюльсора. Она хотела помочь отцу тащить пожитки и под покровом ночи пробралась на свою улицу. Она увидела людей, сидящих под стеной родного дома, и бесстрашно подошла к ним. У нее был ножик. Она разрезала веревки и всех освободила. Люди бежали быстрее самых быстрых коней. Вскоре удалось скрыться в одном из дальних селений, и, пользуясь добротой пастухов, семья нашла здесь приют.

— Наконец-то мы вместе! Теперь никто уже нас не разлучит, — говорил Якуб. — Но ведь мой добрый старик не знает о моем счастье. Надо позвать его сюда, и пусть радуется вместе с нами.

Джафар, вернувшийся с базара, тотчас побежал за Абдуллой.

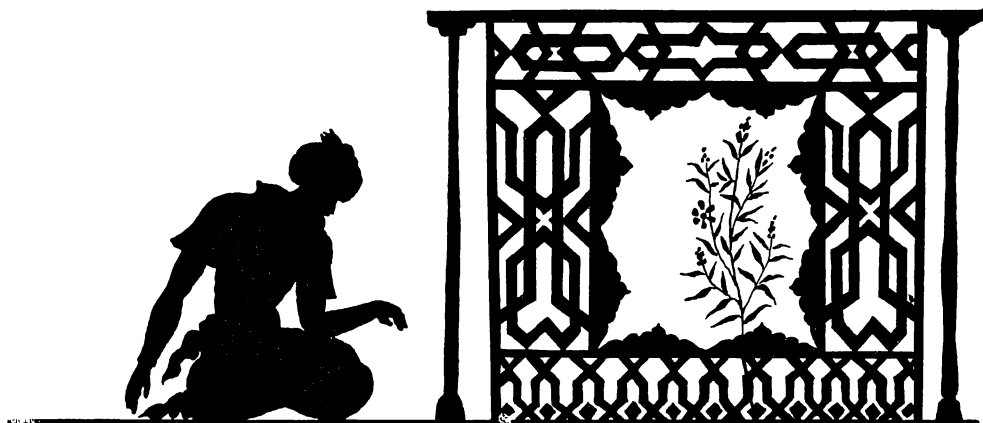
Он нашел его в том домике, где Якуб оставил старика, увидев, что тот уже чрезмерно измучен скитаниями. Джафар разбудил Абдуллу, и они долго, раскатисто смеялись, словно не было тех бед, которые им пришлось перенести.

— А теперь собирайтесь с нами в Бухару, — предложил Якуб. — Пусть отец поможет нам в наших делах. Я знаю, у него счастливая рука. Уж если он за что возьмется, то непременно выполнит.

— А потом... что будет? — спросила Гюльсора.

— Не будем загадывать, — ответил Якуб. — Ведь жизнь состоит не только из горя и страданий. И, хоть говорят, что дверь бедствий широка, а день радости краток, я хочу верить, что дверь бедствий для нас закрылась, а день радости будет у нас долгим. . .

«Я СТРЕМЛЮСЬ В СТРАНУ МУДРЫХ»

«Слышать — это не то что видеть», — говорил Абу-Райхан. Настал день, о котором он давно мечтал. Ему предстояло отправиться в Индию. И, хотя он должен был сопровождать султана Махмуда, которого не любил, он все же радовался предстоящему путешествию. Наконец-то он увидит страну своих мечтаний!

Ал-Бируни думал о том, какой дорогой ценой получил право побывать в стране мудрых. Никто не знал о том, что мучило его все это время, пока он жил в Газне. Он только намеком дал кое-что понять Якубу. А истина была в том, что служить при дворе Махмуда Газневидского было для него унижительно. Абу-Райхану стоило больших трудов таить в себе это страдание и недовольство самим собой. Но вот настало время, когда он будет вознагражден за все то дурное, что ему пришлось перенести. Наконец-то он попадет в далекую прекрасную Индию, с учеными которой он так много спорил, правда мысленно, так что они не знали об этом, но очень серьезно и убедительно. И вот он на пороге этого большого события в своей жизни. Ценой свободы он купил себе право очутиться в долине среди величественных Гималайских гор. Какая-то таинственная сила зовет его туда.

Абу-Райхан заранее старался себе представить, как выглядят горы и долины Индии, насколько они отличны от всего того, что он видел и знал, что исходил своими ногами. Ученый отлично знал, что Гималаи имеют почти недоступные перевалы, которые трудно преодолеть. Однако ему было известно, что в долинах с давних пор живут люди и что в области Пенджаба далекие предки нынешних индусов тысячи лет назад уже возделывали землю и строили оросительные каналы.

«Верно ли все это? — размышлял Абу-Райхан. — Сведения, почерпнутые из книг, могут быть и не совсем точными. Разве не известно, как много зависит от достоинств пишущего человека? Один напишет то, что хорошо знает, то, что видел и понял, а другой сообщит что-либо услышанное им и не проверенное. Только стоя на этой священной земле, прославленной мудрыми людьми, а также искусными ремесленниками, можно будет убедиться в истине того, что написано в книгах».

Укладывая в корзинку инструменты, которыми он пользовался в своих астрономических наблюдениях, бережно упаковывая пробирки, сделанные стеклодувом так искусно, что вряд ли где еще смогут сделать подобное, ал-Бируни с сожалением думал о том, что нет с ним Якуба в такую радостную минуту, а Якуб был бы рад этой удаче. Да и ему, Абу-Райхану, было бы приятно иметь помощника сейчас. Якуб расторопен и сообразителен... Но что поделаешь...

«Очень скоро я своими глазами увижу лиловые вершины Гималаев. Кто-то из купцов, обладающий зорким глазом и хорошей памятью бывалого путешественника, сказал, что Гималаи лиловые. — Абу-Райхан вдруг остановился с пробиркой в руке и задумался. Он закрыл глаза и постарался представить себе величественные горы, отделяющие Индию от владений Газнеvida. — Да, конечно, эти горы лиловые. Ведь там солнце еще ярче и жарче. Если горы Зеравшана сиреневые на закате, то в Индии эти краски гуще и сочнее».

Абу-Райхан уложил в корзинку из ивовых прутьев свои пробирки и усмехнулся.

Он вдруг представил себя со стороны, с пробирками в руках, с закрытыми глазами и с мыслями, ушедшими далеко за высокие хребты.

Да, там все по-другому, все ярче и красивей, чем на Зеравшане и в Газне. Он увидит удивительные красоты. Боги щедро одарили эту страну несметными сокровищами, и все там необыкновенно: и горы, и священный Ганг, слоны и крокодилы, растения, цветы, алмазы

и рубины. Но как прискорбно, что и там все во власти султана Махмуда.

Совсем недавно один купец, прибывший из Индии, рассказал Абу-Райхану, как воины, присланные султаном Махмудом, разграбили город Гуджарат. Богатейшие храмы были разорены и осквернены чужеземцами. Индусы жаловались на злодеяния и грабежи. Они оплакивали свой знаменитый храм бога Шивы в Сомнаке, расположенный на Катхиаварском полуострове. Это был очень богатый храм, он владел более чем десятью тысячами деревень. Все сокровища этого храма были увезены на слонах правителя Газны и стали достоянием султана и его царедворцев. Немного уцелело священнослужителей храма, большая часть погибла, но оставшиеся жили в пещерах, скитались бездомными, ели дикие травы и проводили свои дни в молитвах перед разгневанным божеством.

«Могу ли я рассчитывать на доброе отношение, прибыв сюда вместе с ненавистным для индусов завоевателем? — думал Абу-Райхан. — Какое может быть ко мне доверие? Как они примут меня? Не отвернутся ли? Но, может быть, они поймут, что не каждый подвластный деспоту является таким же деспотом и заслуживает осуждения?»

Абу-Райхану хотелось встретить дружеский, приветливый взгляд ученого-индуса. Хотелось пожать руку искусному ювелиру или гранильщику. Он бы сказал им слова благодарности за их удивительное искусство. Только они умеют одарить камень той волшебной красотой, какой он никогда не имеет в своем первозданном виде. А как хотелось бы выведать тайну, которой владеет вот такой искусный гранильщик! Согласится ли он выдать свой секрет? Вряд ли!

«Если ученые Индии видели мою книгу, в которой я отдаю дань уважения их предкам, их обычаям и верованиям, тогда они не будут устанавливать связь между завоевателем Махмудом и ученым, который волею аллаха оказался во власти султана. Мудрые индусы не должны думать, что ученый, посвятивший свои дни наукам, способен одобрить кровавые походы, хотя бы они и назывались «войной за веру». Я к ним обращаюсь словами пословицы, — решил Абу-Райхан. — Как разумно они говорят: «В воде встречаются и лотосы и крокодилы».

Вспомнив эту поговорку, ученый весело рассмеялся, хоть и был один и не с кем было поделиться своими мыслями.

«Если султан Махмуд подобен крокодилу, — подумал Абу-Райхан, — то, выходит, я подобен лотосу? Но это более чем нелепо. Можно ли сравнить меня, мрачного, иссушенного мыслями о неведомом и неразгаданном, с прекрасным цветком, рожденным солнцем? Однако пе-

чально, когда думаешь о том, что, прибыв в страну своих мечтаний, ты можешь предстать перед уважаемыми тобою людьми как порождение сатаны».

Готовясь в дорогу, Абу-Райхан собирал свои записи, сделанные им из разных древних летописей и книг. «Как много ученых Греции, Рима, Малой Азии посетили Индию еще в давние времена! — думал он. — Им хотелось своими глазами увидеть, сколь удивительны ее чудеса. Историк Арриан из города Никомедии в Малой Азии писал, что число индийских городов невозможно уточнить из-за их многочисленности. Те, которые находятся у реки или у моря, строятся из дерева; ибо построенные из кирпича не могут быть долговечны из-за ливней и потому, что реки около них, разливаясь выше берегов, наполняют водой равнину... Достопримечательностью земли индийцев является то, что все они свободны и ни один индиец не является рабом. Арриан рассказывает о том, что индийцы разделены на семь классов и что первым из них являются мудрецы, менее многочисленные, чем другие, но наиболее почитаемые и прославленные. У мудрецов нет никакой другой обязанности, кроме как приносить жертвы богам, все они величайшие пророки. Эти мудрецы живут нагими, зимой — под открытым небом, на солнце, летом же, когда солнце в полной силе, — на лугах и в болотах, под большими деревьями, тень которых настолько велика, что десятки тысяч людей могут пользоваться ею под одним деревом. Едят же они кору деревьев, которая не менее сладка и питательна, чем плоды финиковых пальм.

Второй, и самый многочисленный, класс у индийцев — земледельцы. Третий — пастухи. За ними идут ремесленники и торговцы, пятый класс — воины, столь же многочисленные, сколь и земледельцы, но пользующиеся наибольшей свободой и наслаждениями. К шестому классу относятся так называемые «наблюдатели». Они ездят по городам и селениям и сообщают царю обо всем, что видят. И нельзя им сообщать ничего ложного, потому что никогда ни один индиец не обвинялся во лжи.

Есть в Индии люди, которые рассуждают об общих делах вместе с царем. Все они относятся к седьмому классу. Их немного. Из них выбираются начальники, хранители сокровищ, казначеи...

А вот любопытные записи из книги римского географа Помпония Мела. Он пишет о том, что в Индии встречаются люди совсем небольшого роста и великаны могучего сложения, которые ездят на слонах — а слоны здесь очень большие. Некоторые жители Индии воздерживаются от убийств животных и не едят мяса. Другие питаются толь-

ко рыбой. Далее Помпоний Мела рассказывает об удивительных животных, какие встречаются в Индии:

«Муравьи — величиной с самую большую собаку, и говорят, будто они, подобно грифам, извлекают золото из недр земли и стерегут его, угрожая смертью всякому, кто к нему прикоснется. Встречаются здесь также огромные змеи, которые напоминают слонов не только размерами, но и тем, что могут наносить такие же раны, как слон. Земля в Индии до такой степени тучна и плодородна, что с листьев здесь стекает мед, на деревьях растет шерсть, а тростник встречается такой величины, что, расколов его междоузлие, им можно пользоваться как лодкой...»

Перечитав эти строки, ал-Бируни громко рассмеялся:

«Поистине неумная фантазия у этого Помпония Мела. Сколько он придумал небылиц! Когда побываю в Индии, придется мне посмотреть, в самом ли деле есть муравьи величиной с собаку и змеи, такие же могучие, как слоны. И еще интересно мне будет ознакомиться с теми многочисленными растениями, о которых сказано в индийской книге «Аюрведа» — «Книга жизни». В ней перечисляется семьсот восемьдесят самых разнообразных лекарств, приготовленных из целебных растений. Вот найти бы хоть половину этих растений!.. Я стремлюсь в страну мудрых, — говорил сам себе ал-Бируни, — и, когда я думаю о будущем, о тех трудах, которые мне хотелось бы там осуществить, я вспоминаю древнее изречение: «Унция мира стоит больше, чем тонна победы». Если бы султан Махмуд был просто добрым соседом правителей Индии, а не победителем, который увез на своих слонах сокровища храмов и дворцов, насколько легче было бы общаться с индусами! Это мудрый народ. Какие там зодчие и ученые, какие астрономы и математики! Кто не знает, что в Индии были изобретены шахматы — «чатуранга», что означает «четыре рода войска». В далекой древности такой порядок соответствовал организации индийского войска. Так разве не в стране мудрых могло все это произойти?»

В самый разгар сборов, когда ал-Бируни с надеждой и волнением ждал дня своего выезда, в это самое время незнакомый ему человек доставил письмо от Якуба.

«О чем это он так длинно написал? Может быть, это описание какого-нибудь астрономического наблюдения? Якуб всегда был нетерпелив. Должно быть, поторопился сообщить что-то очень важное. Но нет...»

«Во имя аллаха милостивого и милосердного, прости меня, дорогой

учитель, не взыщи, не посчитай меня неблагодарным, пойми мою душу, постигни мои стремления... Не может быть причины более важной, чем та, которая послужила препятствием к моему возвращению...»

Ал-Бируни остановился в недоумении — такие слова не мог написать Якуб. Он, столько лет посвятивший науке, его верный друг и помощник, не может вернуться к своему делу? Просит прощения?.. Он снова перечел эти строки и, убедившись, что зрение не изменило ему, стал читать дальше.

«...и вот я пишу тебе, дорогой устод, и, может быть, мои беспомощные строки передадут страдания и волнения моего сердца. Я, который так стремился всю жизнь сопутствовать тебе в твоих великих делах, должен сказать, что никогда не вернусь в Газну и никогда не пройду мимо дворца султана Махмуда Газневидского. Он ненавистен мне, и дела его я проклинаю. После долгих скитаний, после многих бессонных ночей в горах, где я искал свою возлюбленную Гюльсору, я понял, как жесток и несправедлив правитель Газны, по велению которого проливается кровь невинных жертв.

Прости меня, устод. Я понял, что никогда не смогу быть с тобой, пока ты служишь этому извергу. Я так стремился к тебе! А теперь меня ждет другая судьба. Я предоставлен сам себе. Твой светлый ум озарил меня. То, что я узнал от тебя, то, что я позаимствовал из великой книги знаний, я постараюсь использовать для доброго дела. Я еще не могу сказать, чем я буду заниматься: буду ли торговать драгоценными камнями — зная до тонкости их свойства и особенности, я смогу это делать с большим успехом, чем другие. А может быть, стану мирабом в каком-нибудь небольшом селении и буду справедливо делить воду, чтобы землепашцы могли лучше возделывать землю. Я много думал, и передо мной прошло все, что я видел на караванных путях нашей жизни. Я вспомнил сказанные тобою слова: «Драгоценный камень, испачканный грязью, не теряет своей ценности». Простые люди, которых я вижу вокруг себя, прекрасны своей душой и своими искусными руками. И, подобно драгоценному камню, они сверкают в своей бедности. Может быть, справедливей служить этим людям, чем отдавать свою жизнь и знания кровопийце?

Учитель, мой благородный и мудрый друг! Не подумай, что я в какой-либо мере осуждаю твое пребывание при дворе султана Махмуда. Наоборот — я в этом вижу нечто вроде твоей жертвы во имя науки. Ведь только стремясь в Индию, ты очутился в Газне. И пусть твоя мечта станет явью. Пусть люди великой и мудрой страны отдадут

должное твоим трудам и знаниям. А если ты позволишь, мой угод, я буду изредка писать тебе и говорить о своей любви и преданности. Я не смею просить тебя о милости, я знаю — тебе дорого каждое мгновение и ты не сможешь мне писать. Я буду просить великого и всемогущего аллаха, чтобы его покровительство распространилось на тебя и на твои добрые дела...»

* * *

Последние строки письма ал-Бируни прочел в полутьме, с трудом разбирая написанное. Он почему-то не догадался зажечь светильник. В задумчивости склонился он над этим неожиданным и очень удивившим его письмом. Сейчас он вдруг почувствовал, что позади уже большая часть жизненного пути, пройденного по пыльной, знойной дороге, где редко встречались зеленые оазисы и прохладные струи горной реки. Ему показалось, что сразу навалилась на него какая-то усталость, которая тяжким грузом легла на сердце. Этот юноша — так он привык называть Якуба — заставил его задуматься над многими вещами, о которых он старался не думать, потому что знал: такие мысли могут стать подобием яда, примешанного к еде. Он не позволил себе такой роскоши — рассуждать, как сделал это Якуб. Он не мог этого сделать, потому что тогда бы не было ал-Бируни и не было бы тех трудов, отданных науке, которые вылились строками в его книгах. Якуб молод и неспособен понять то, что может понять старый человек, прошедший большой и трудный путь. Да, он служит при дворе Махмуда. Да, он трудился во славу хорезмшаха Мамуна. Но только при них ему представилась возможность раскрыть тайны Вселенной, которые составляют загадку для человечества. Увы! Без них он никто! Кто он, человек из предместья Бирун, мать которого была носильщицей дров? Об этом он написал стихи:

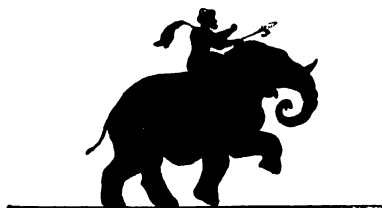
... Клянусь аллахом, не знаю я по правде своего родословия,
Ведь я не знаю по-настоящему своего деда,
Да и как мне знать деда, раз я не знаю отца!
Я, Абу-Лахаб, шейх без воспитания, — да!
А родительница моя носит дрова...

Может быть, и прав его воспитанник и ученик Якуб. Может быть, стоило ему покинуть Газну во имя справедливости?.. Но то, что можно молодому Якубу, того нельзя сделать старому Абу-Райхану.

Много ли еще дней подарит ему аллах? Сумеет ли он сделать то, что задумал? А если сумеет, то люди умные и рассудительные не осудят его и не посчитают предателем, не назовут «потомком сатаны».

А сейчас ему горестно и печально. Лучше не думать о своем одиночестве. Как печально, что пришлось подумать... Ну ничего... В Индии все будет по-другому, там некогда будет размышлять об этом. Там едва ли хватит дней, чтобы сделать задуманное.

«Я буду неутомим и, может быть, постигну душу благородного народа Индии...»

«ЗВЕЗДЫ БИРУНИ СВЕТАТ ТЕБЕ!»

Как же случилось, что Якуб решился написать учителю такое письмо? Хорошо ли он подумал или, поддавшись настроению и уговорам Абдуллы, без всяких размышлений написал? Все это было очень не просто и мучительно для Якуба. Он много дней провел в тяжких раздумьях, не зная, на что ему решиться. Абу-Райхан был для него самым прекрасным и самым достойным человеком на земле: годы, проведенные рядом с ученым, раскрыли Якубу душу человека, столь бескорыстную и благородную, что казалось, подобных людей не было и не будет. Но то, что говорил Абдулла, тоже верно. Как можно отдавать свою жизнь извергу и кровопийце? Если Абу-Райхан ничего не может изменить в своей жизни и вынужден быть на службе у султана, то он, Якуб, может покинуть Газну. Учитель поймет его и не будет в обиде. Абу-Райхан не из тех, кто способен осудить человека.

Якуб уже не мог отказать себе в желании все перевернуть в своей жизни, все изменить. У него было такое ощущение, словно он заболел какой-то тяжелой болезнью и для избавления от нее должен вот сей-

час решиться на такое большое и важное дело. Как ни трудно, как ни обидно ему отказаться от своих мечтаний, он покинет своего устода. Пусть он, как слепец без поводья, будет сам пробираться по трудному, тернистому пути познания, но он больше не будет при дворе Махмуда Газневидского.

Думая об этом, Якуб склонился над свитком плотной самаркандской бумаги и написал устоу. Он писал каламом, черной тушью, но ему казалось, что письмо написано кровью сердца. Поймет ли учитель его истинные мысли, не осудит ли, не посчитает ли, что он, Якуб, оказался дерзким, неблагодарным?.. Иной раз Якуб останавливался и сидел в глубоком раздумье. Он писал в ночь того дня, когда наконец встретил Гюльсору и понял, что будет неразлучен с ней до конца своих дней. И, когда он сел писать свое письмо устоу, он подумал, что только рядом с Гюльсорой он может осмелиться начинать жизнь по-новому. Он знал, что любовь Гюльсоры согреет его и вселит надежды. Может быть, потому ярким пламенем разгорелись мысли, смело брошенные ему старым Абдуллой. Когда Якуб напомнил учителю поговорку: «Драгоценный камень, испачканный грязью, не теряет своей ценности», он думал о старом погонщике верблюдов, который так верно служил ему всю жизнь и который не владел никакими богатствами, но зато имел единственное неоценимое сокровище — чистое, благородное сердце.

Вспоминая слова, сказанные Абдуллой, Якуб подумал, что старик не побоялся ущемить честолюбие своего воспитанника. Он думал о справедливости, благородный Абдулла! «Однако отец очень обрадуется, а мать будет счастлива», — подумал Якуб, когда представил себе возвращение домой и предстоящий разговор с отцом о будущем. Отец много сделал для того, чтобы Якуб смог осуществить свою мечту. Мухаммад был щедрым и терпеливым. Сын не мог отказать ему в этом. Но с годами, став более зрелым, Якуб все больше понимал, что для отца его занятия все же выглядели какой-то прихотью. Отец обрадуется, узнав, что сын возвращается домой. Он захочет сделать его своим помощником. Но станет ли он помощником отца? Вот об этом надо подумать. Сейчас уже надо окончательно все решить. Он имел возможность испить нектар из разных чаш. Он коснулся и великих творений астрономов, занимался наукой о драгоценных камнях, знал толк в строительстве оросительных каналов, участвовал в составлении календаря. Куда же теперь девать это богатство, на что его израсходовать?

Когда Якуб отправил письмо учителю, он еще ничего не решил. Он

только сказал Гюльсоре о том, что они не поедут в Газну и что сейчас их путь лежит к дому Мухаммада, а потом решится их судьба.

Гюльсора не скрывала своей радости. Теперь ей казалось, что все вокруг нее делается только так, как ей того хотелось бы. Она ничего не говорила Якубу, но в мыслях своих она не стремилась к Газне. Гюльсора слишком много слышала о злодействах газневидского султана.

... И вот Якуб дома, а с ним и вся семья Ибрагима. Мухаммад, который не очень стремился породниться с неизвестными сиротами, все же очень обрадовался их приезду. На этот раз он вдруг почувствовал, что Якуб ему ближе, чем когда бы то ни было. Он словно прочел мысли Якуба, и, когда сын стал ему рассказывать о письме, посланном учителю, о причинах, которые побудили его отказаться от возвращения в Газну, умудренный опытом Мухаммад был искренне рад. И он немало думал над всем тем, что происходило вокруг и что отравляло жизнь простым людям, которые были далеки от султанских дворцов и от военных походов. Мухаммада возмущало злодейство воинов, которые обрушивались на мирных людей только потому, что кто-то назвал их карматами. Старый купец был убежден, что вовсе не от чистоты веры шли с карающим мечом в погоню за карматами. Он видел в этом обыкновенный разбойничий набег, такой же грабеж, какой учиняли на караванном пути голодные и обездоленные кочевники. Но если можно было оправдать голодных людей, которые грабили караван для того, чтобы накормить своих детей, то можно ли оправдать грабежи пресытившихся и разжиревших гулямов, которые, прикрываясь чистотой веры, творили нескончаемые злодейства!

— Ты прав, сын мой, — говорил Мухаммад Якубу, — как ни горько тебе расставание с твоим благородным учителем, все же оно неизбежно. Ты мог бы оставаться там, если бы не видел того злодейства, что творится вокруг. Но уж коль ты увидел все это и сердце твое дрогнуло, тебе нельзя оставаться на старом месте. Могу сказать тебе, что, если бы ты оказался с учителем в Индии, ты бы узнал еще больше. Дороги Индии залиты кровью и слезами невинных людей, которые жили и трудились, не ведая о существовании султана Махмуда. Они ничего у него не взяли и не причинили ему зла, а он пришел к ним и сжег их селения. Зачем?.. В этой благословенной стране так много горя и страданий, что думать об этом слишком тяжело. И, если хочешь знать, сын мой, мне отрадно слышать от тебя о твоем разумном решении. И еще радостней будет мне узнать, что ты намерен вернуться ко мне, чтобы стать моим соратником. Равным, сын мой, — не помощ-

ником, а соратником. Я считаю, что нас уравнило мое богатство, накопленное торговыми делами, и богатство твоих знаний, которые ты приобрел ценой своего упорства, а может быть, и ценой лишений. Ведь не так уж тебе легко и беспечно жилось все эти годы!

Мухаммад пылливо смотрел в глаза Якубу, стараясь прочесть еще не высказанные сыном мысли. А Якуб долго молчал.

— Не осуди меня, отец, — сказал он после долгого размышления. — Если уж случилось так, что мне кое-что досталось из великой сокровищницы ал-Бируни, я потрачу свои знания на то дело, которому был предан все эти годы. Я займусь поисками и добычей драгоценных камней. Я и тебе помогу, отец, но торговлей заниматься не буду. Я добуду красные камни Бадахшана и найду для тебя лучших в мире гранильщиков, которые превратят их в чудо красоты. Я побываю в тех местах, о которых слышал от моего учителя. И если увижу что-либо примечательное, то сообщу ему и сделаю пользу для науки.

Мухаммад был несколько разочарован. Он думал, что настало время для Якуба заняться делом. Но что скажешь молодому, одержимому... Пусть уж делает по-своему. Одна отрада: что не покинет дома и семья его будет рядом с Лейлой. Пусть сыграют свадьбу. Видно, аллах задумал не то, что он, Мухаммад. Надо покориться его воле.

Мухаммад не стал возражать. Он принял решение сына спокойно, даже не сказав ничего Лейле. Он сделал вид, будто самое главное — сыграть свадьбу и позаботиться о семье ткача. Ему хотелось помочь Ибрагиму, который много лет ткал для него лучшие ведарийские ткани. Вместе с Ибрагимом они решили построить домик вблизи Бухары, и там, где ткача не знают и не назовут беглым карматом, заняться ткачеством. Джафар же сможет устроить гончарную. Для каждого будет дело по вкусу.

Стали готовиться к свадьбе. Лейла с небывалой радостью, счастливая, как никогда, заботилась о праздничном наряде невесты. Лейла верила в то, что Гюльсора принесла ей счастье. Ведь она вернула ей Якуба в дом! К тому же девушка была так красива и так добра, что, право же, лучше не пожелаешь. Лейла очень хотела удивить Ибрагима и Рудобу своей щедростью и потому она делала все втайне от семьи Ибрагима, предоставив им возможность готовить пиршество. Мухаммад ни за что не соглашался отпустить Ибрагима с семьей до свадьбы. Но он уже точно узнал, где поселится Ибрагим, и предупредил его, что ему следует закупить все необходимое, чтобы снова сделать себе ткацкий станок и запастись пряжей.

Если радовались возвращению сына Мухаммад и Лейла, то не мень-

ше их радовался этому Абдулла. Он испытывал необыкновенное удовлетворение оттого, что его Якуб прислушался к словам никому не нужного бедного старика. А старику было так нужно сознание собственной значительности! Он не был хвастуном и никому не стал говорить об этом, но про себя он подумал, что это ему награда. Ведь он никакой выгоды не искал от того, возвратится ли Якуб к отцу или уедет в Газну. Правда, ему было приятно сознавать, что он будет иметь возможность чаще слышать от него доброе слово. А чем старше он становился, тем больше ему это было нужно. В сущности, Абдулла был уже очень стар, и, если бы Мухаммад не был так занят своими делами, он бы обратил внимание на то, как трудно стало старику путешествовать и как часто Абдулла стал замечать неудобства пыльной дороги. Прежде он не замечал зноя пустыни, а сейчас даже в городе в полдень ему трудно было пройти по раскаленным улицам Бухары. Его очень утомили скитания в горах. Если всего этого не видел Мухаммад, то, к счастью, это очень скоро заметил Якуб.

Это было еще до свадьбы. Старик, выполняя поручение Мухаммада, отправился в одно из предместий Бухары и вернулся оттуда какой-то странный, позеленевший. Он пожаловался Якубу, что сердце чуть не выскочило у него в пути и сейчас так сильно бьется, что приходится его держать рукой. Старик побрел в свою хижину, а Якуб, не сказав ни слова, поспешил к старому цирюльнику и попросил его сейчас же пойти к старику, поставить ему пиявки и дать целебное питье. В тот же вечер Якуб попросил отца освободить Абдулла от его прежних обязанностей, подобрать себе более молодого погонщика верблюдов, а старика оставить при доме, чтобы он знал, что здесь о нем заботятся и никто никогда не посчитает его лишним и ненужным.

Тем временем приблизился день свадьбы, и в доме Мухаммада готовилось большое торжество. Мухаммад хотел, чтобы все бухарские купцы, все люди, связанные с ним делами или просто знакомством, посетили его дом в этот радостный день и чтобы им было оказано щедрое гостеприимство. Ему было печально, что он не может похвастать родословной невесты, но красотой ее всякий станет любоваться, это Мухаммад знал, и потому утром торжественного дня Гюльсора получила поистине царские подарки. Девушка и прежде видела на невестах серебряные самаркандские короны с бирюзой, но Мухаммад сделал ей корону из чистого золота, с красными камнями. Такое богатое украшение должно было привлечь внимание всех гостей. Кто станет спрашивать, откуда эта корона? Иные могут подумать, что невеста сама

привезла с собой такое богатое украшение. Якуб, который так ни разу и не сделал себе богатой парчовой одежды, в этот день облачился в самую красивую одежду, какую носили молодые люди Бухары.

Джафар первые дни был замкнутым и угрюмым. Он помнил свой разговор с Абдуллою, и гордость мешала ему от всей души радоваться счастью Гюльсору. Ему было обидно, что он не имеет возможности сделать сестре богатые подарки. Но с этим надо было смириться. К тому же он решил, что когда-нибудь сумеет отдарить Мухаммада и отплатить ему за его щедрость. С такими мыслями он явился на торжество, в котором приняли участие сотни людей.

Громадный двор Мухаммада превратился в сплошной праздничный достархон¹. С помощью своих слуг и помощников, а также с участием соседей и друзей торжество было устроено с такой пышностью, как мог бы это сделать сам эмир бухарский. Музыканты и танцоры, юные виночерпии в праздничных одеждах, парадно одетые гости, жених с невестой в царственном уборе, — все это сделало праздник незабываемым, и о нем еще долго потом говорили на базарах Бухары.

После свадьбы, когда Ибрагим с семьей отправились в свой новый дом, когда Гюльсора, прощаясь с Джафаром, взяла с него слово, что он будет помнить ее и будет навещать, когда Мухаммад вернулся к своим обязанностям, а Лейла стала посвящать свою красавицу невестку в тайны ведения богатого дома, Якуб уже твердо решил, что начнет поиски драгоценных камней в Бадахшане. Мухаммад предоставил Якубу возможность делать все так, как он считает нужным.

Когда сын собрался в свое первое самостоятельное путешествие, намеченное им самим, отец сказал ему:

— Пусть тебе светят звезды мудрого Бируни! Знания, которые ты позаимствовал у него, не пропадут, они найдут хорошее применение и принесут великую пользу.

* * *

Прошло еще три года, и Якуб смог убедиться в том, что пожелание отца в самом деле сбылось. Звезды мудрого Бируни светили ему. Время, которое он провел рядом с великим ученым, оставило свой глубокий след в его жизни и сделало свое дело. Все эти годы Якуб с увлечением занимался поисками и добычей драгоценных камней. Но самым радостным всегда был тот момент, когда он получал от граниль-

¹ Д о с т а р х о н — праздничная трапеза.

щика сверкающий, необыкновенно красивый камень, который каждого мог пленить своей красотой. Якуб не ленился и, не жалея времени, отправлялся в дальние путешествия — то в горы Бадахшана, то в Египет, чтобы своими глазами увидеть, как добывают зеленый камень. Все эти годы он мечтал о встрече со своим учителем, которого он никогда не забывал и которому неизменно посылал письмо, рассказывая о своих успехах в том новом и трудном деле, что захватило его и казалось ему самым примечательным.

Якуб уже был отцом семейства — у него росло два сына, на которых Мухаммад возлагал большие надежды, рассчитывая теперь уже внуков сделать своими помощниками. Оглядываясь назад, Якуб все больше понимал, что его увлеченность работой, неумолимость, которой многие удивлялись, — все заимствовано у великого учителя. Абу-Райхан не баловал его письмами, и Якубу все чаще приходила мысль о том, что надо его навестить.

И вот настал день, когда Якуб решил отправиться в Индию, повидать Абу-Райхана, а кстати повидаться с искусными гранильщиками, которых он знал и которым нередко посылал работу. Отец, узнав о намерении Якуба поехать в Индию, просил его свидеться с известными ему ювелирами. Якуб с нетерпением ждал встречи с устом. Он представлял себе, как тот обрадуется, когда услышит от него много любопытных сообщений, связанных с драгоценными камнями. Он накопил немало записей, которые делал очень тщательно, зная взыскательный нрав учителя. Якубу было известно, что ал-Бируни пребывает в Гуджарате. Туда он и отправился.

Знойным полднем Якуб вошел в ворота индийского города Гуджарата. Все здесь ярко, сочно и красиво — словно нарисовано. Пестрые птицы, мартышки, прыгающие на крышах домов и на деревьях, священные коровы, развалившиеся среди дороги и вызывающие трепет у прохожих, — все удивляло Якуба и напоминало о тех увлекательных беседах, которые он нередко вел с учителем. Когда ал-Бируни стал изучать санскрит и читал много книг, связанных с индийской литературой, астрономией и медициной, он любил рассказывать Якубу об Индии.

«Пойти ли мне к ювелиру Бахуде или к Абу-Райхану? — спрашивал сам себя Якуб. — Но, если я приду к Абу-Райхану, я невольно прерву его занятия, а он этого не любит. Пожалуй, лучше пойти к Бахуде, а на закате, когда мой дорогой учитель имеет обыкновение отдыхать, я навещу его. И тогда наша беседа не причинит ему вреда, не оторвет от занятий».

У прохожих Якуб узнал, где живет ювелир Бахуда, который уже не раз посылал Мухаммаду свои изделия через знакомых купцов. Якубу было приятно увидеть доброго седобородого человека с большими черными глазами, необыкновенно выразительными и почему-то очень печальными. В его скромном домике, где ничего не было, кроме циновки, нескольких одеял и маленькой вазочки с цветами, было одно драгоценное украшение — стройная фигура девушки в прозрачном покрывале, с цветами лотоса в руках. Вырезанная из слоновой кости, она была настолько хороша, что Якуб подумал: «Должно быть, это богиня».

Старый Бахуда усадил Якуба в тени мангового дерева на циновке из рисовой соломы и стал угощать его фруктами, рисом, сдобренным разными пряностями, и каким-то напитком из фруктов, каких Якуб никогда не видел. Бахуда подал Якубу превосходные золотые браслеты и перстни с изумрудами. Он сделал их из камней, присланных Мухаммадом. Старик был очень рад тому, что смог найти хорошего гранильщика, который хорошо обработал камни.

— Знаешь, Бахуда, — сказал Якуб, — эти камни так хороши, что мне их прежде всего нужно показать одному благородному ученому, он живет в Гуджарате — Абу-Райхану ал-Бируни.

— Я отлично знаю Абу-Райхана! — воскликнул Бахуда. — О, это тонкий знаток драгоценных камней. Я знаком с ним. Мы друзья. Совсем недавно он сидел под этим манговым деревом. Это прекрасный человек! Я был поражен, когда увидел, с какой нежностью он приласкал маленькую мартышку. Она прыгнула ему на колени и схватила апельсин, он собирался его съесть. Я боялся, что проказница рассердит ученого, но ничуть не бывало. Наоборот, он весело рассмеялся и приласкал мартышку. Он любит животных, это очень приятно. Ведь для нас эти животные священны. Ты, может быть, не знаешь, что люди нашей касты не едят ни рыбы, ни мяса. Для нас существуют только плоды, выросшие под синим небом. Только то, что обласкано солнцем и не коснулось земли, может быть пищей для человека нашей касты.

— Мне говорили об этом, — ответил Якуб, низко склонив голову и стараясь показать свое уважение хозяину и его обычаям. — Абу-Райхан был моим учителем, и от него я воспринял чувство уважения к верованиям и обычаям других племен. Для меня чужие обычаи священны, и я никогда не осуждаю людей другой веры, потому что знаю, что человек каждого племени имеет право на свои верования и обряды. Мне будет приятно показать Абу-Райхану твою искусную работу, Бахуда.

В тот же день, когда солнце клонилось к закату, Якуб отправился к своему учителю, пользуясь указаниями Бахуды. Радостной была их встреча. Абу-Райхан давно уже не получал писем от Якуба и нередко вспоминал его, тревожился. А тут неожиданно такая радость!

— Да ты совсем другой, Якуб! — говорил Абу-Райхан, рассматривая Якуба то вблизи, то на расстоянии. — Боюсь, что не узнал бы тебя где-нибудь на караванном пути. Куда девался тот юноша, которого я встретил тогда на пути в Гургандж? И глаза не те, и облик не тот, и голос совсем другой. А душа какова?

— Такая же! — смеялся Якуб. — Я не изменился. Это тебе кажется, устод. Да и времени прошло совсем не так много.

Якуб смеялся, а на душе у него была печаль. Учитель состарился, осунулся. Его умные, выразительные глаза стали еще печальней и как будто ушли вглубь. Правда, когда он, увлекаясь беседой, горячился, глаза оживлялись и, как прежде, метали молнии гнева. Нелегко прошли эти годы. Но, слава аллаху, уже нет в живых жестокого и коварного султана Махмуда. Говорят, что сын его Масуд совсем другой человек. Хотелось бы знать, так ли это в самом деле.

Якуб давно уже заметил, что учитель обладает удивительным свойством читать мысли и отвечать на незадаанные вопросы. Так случилось и сейчас.

— До тебя дошло, Якуб, — спросил ученый, — что нынешний правитель Газны достойный человек? Слышал ли ты об этом? Мне приятно тебе сказать это. Я знаю, как ты не любил султана Махмуда. А его сын уважает науки и сам стремится многое постичь. Скажу тебе, Якуб, мне было приятно узнать, что мой «Канон Масуда» понравился правителю. Я покажу тебе эту книгу. Она состоит из четырех частей и объединяет астрономию, тригонометрию, хронологические таблицы важнейших событий от далекой древности до наших дней.

— Ты давно собирался объединить в одном труде столь разнообразные научные сообщения. Я рад, что ты сделал это, мой учитель. Доволен ли Масуд?

— Правители не тратят лишних слов, — ответил с усмешкой Абу-Райхан. — Если они хотят сказать, что им неуютно сделанное тобой, то присылают гулямов и уводят тебя под охраной. А если ты сделал угодное им, то тебе посылают слоновый व्यок чистого серебра. Так и сделал Масуд без всяких лишних слов.

— Это благородно! Насколько мне известно, так ни разу не поступил с тобой ни хорезмшах Мамун, ни тем более султан Махмуд.

— А на что мне этот слоновый व्यок серебра? — рассмеялся Абу-

Райхан. — Такой груз может удерживать меня от занятий наукой, а мудрые люди знают, что серебро уходит, а наука остается.

— И ты отказался, учитель?

— Не взял. Я исхожу из велений разума и никогда не продам вечное, непреходящее знание за кратковременный мишурный блеск.

Ученик и учитель до поздней ночи предавались воспоминаниям о прожитом. Каждый считал своим долгом рассказать другу о самом главном, чем была заполнена его жизнь. Когда Якуб рассказал учителю о том, как ему удалось найти красные камни Бадахшана, когда он рассказал, как ему помогли добрые советы Абу-Райхана и книги, прочитанные в Гургандже, Абу-Райхан ответил ему:

— Ты обрадовал меня, Якуб. Твое учение не пропало и принесло тебе пользу. Итак, мы можем лишний раз убедиться, что люди без умения остаются без выгоды, как мугейлан, который ствол имеет, а тени не имеет — ни себе пользы не приносит, ни другим. Твой ствол дает и тень и прохладу, и я думаю, что всем окружающим будет от него польза.

— Но все это от тебя, устод. У меня никогда не хватало слов, чтобы выразить свою благодарность тебе. Мне даже трудно себе представить, какой была бы моя жизнь, если бы я тебя не встретил на пути в Гургандж.

— Хорошо, что встретил. Однако, скажи мне, кого ты здесь знаешь, кроме Бахуды? Знаком ли ты с гранильщиком Маймуном? Помимо того, что он прекрасный гранильщик, он к тому же еще знает множество занятных историй, так что заслушаешься, сидя рядом с ним. Представь себе, он сказал мне, будто султану Махмуду достался один из священных рубинов Индии — красный звездчатый рубин с горящей в нем, переливающейся шестилучевой звездой. В давние времена этот камень принадлежал раджам, которые владели несметными сокровищами. Потом он попал в священный храм бога Шивы в Сомнате. Оттуда его и забрал султан Махмуд.

— А нельзя ли узнать, учитель, попал ли этот камень в руки Масуда?

Глаза Якуба загорелись. Он с нетерпением ждал ответа. У него был такой вид, будто он готов ринуться немедленно искать этот камень. Глядя на него, Абу-Райхан весело рассмеялся:

— Вот этого я не знаю, Якуб. Согласись, что непристойно ученому задавать такие вопросы правителю. Если ему будет угодно, он покажет мне этот рубин. Но я бы на его месте не стал вспоминать о том, как его отец, великий султан, ограбил индийский храм в Сомнате.

— Это верно, — согласился Якуб. — И все же хотелось бы узнать про этот рубин! А я, зная твою любовь к зеленым камням, мой учитель, привез тебе золотисто-зеленый хризолит. Он доставлен мне с острова Зебергет в Красном море. Есть там, говорят, скалистый труднодоступный остров, и добытые в недрах его хризолиты удивительно хороши! Посмотри!

— В самом деле хороши, — согласился Абу-Райхан, рассматривая удивительно красивые и нежные хризолиты. — Отчего же ты не сообщашешь мне о волшебных свойствах этого камня? — спросил с улыбкой ученый. — Или ты не знаешь о них?

— Отлично знаю, мой угод, но уже больше не верю. Когда я покупал вот этот большой хризолит, мне было сказано, что всякий носящий его на себе не видит снов, смущающих дух. Этот камень укрепляет сердце, устраняет горести, спасает от припадков эпилепсии и от злых духов. . . Но я теперь не верю в это. Я ценю эти камни за их красоту и свежесть. Если ты позволишь, учитель, я закажу тебе перстень с этим хризолитом.

— Закажи, — согласился Абу-Райхан. — Он будет мне дорог как память о тебе. Смотри — он совсем как молодая нежная трава, озаренная солнцем. И ты был таким, когда мы встретились с тобой.

В этот миг Якуб понял, что прошедшее дорого не только ему, но также учителю и что хорошее никогда не забудется.

В Гуджарате Якуб провел много счастливых дней. Иной раз он даже забывал о том, что они в Индии и что в Бухаре у него семья — Гюльсора и дети. Ему казалось, что он снова в Гургандже, потому что опять с таким же увлечением, как и прежде, проводил занятия с учителем. По ночам он ходил с Абу-Райханом на вышку, где стояли инструменты, изготовленные ученым для наблюдений за звездами. Ал-Бируни показал своему ученику совсем новую астролябию, которую он сделал по-своему и которая отличалась от старых астролябий. Он показал ему совсем новый, недавно сделанный им инструмент для определения четырех направлений — востока, запада, севера и юга. Учитель назвал этот прибор «индийским кругом». Он с увлечением рассказывал об устройстве этого прибора и посвятил целый день, чтобы показать, как хорошо можно вести наблюдения. И на этот раз они много говорили о наблюдениях, которые могли бы подтвердить мысль о том, что Земля круглая и шарообразна. Якуб видел, что учитель много думает над этим, и ему было приятно услышать о новых его работах, которые еще более убедительно, чем прежде, говорили о справедливости этой смелой мысли.

— Если бы Земля не была кругла, — говорил ал-Бируни, — то день и ночь не разнились бы зимой и летом, условие же видимости планет и их движение были бы совершенно иными, чем они есть на самом деле.

Занятия астрономией чередовались с увлекательными разговорами о драгоценных камнях. Абу-Райхан, видимо, задумал книгу, связанную с этой наукой, и подобрал для нее много превосходных стихов, в которых поэты разных времен и разных народов воспевали красоту драгоценных камней.

Якубу все чаще приходила мысль о том, как хорошо было бы вернуться к учителю. Он понимал, что одному ему никогда не постичь того, что он сможет узнать, трудясь рядом с великим ученым. И почему бы не вернуться к учителю? Что ему мешает осуществить это желание? Сейчас уже нет Махмуда, который вызывал ярость и ненависть. Якуб подумал, что ему было бы очень горько, если бы книга, посвященная Масуду, имела на своем титуле имя Махмуда. А Масуд — уважаемый правитель. Он покровительствует наукам и щедро одаривает ученого. Этот не проливает реки крови. Конечно, нужно вернуться к учителю. И если он, Якуб, доставит Абу-Райхану все записи о наблюдениях, которые он сделал за прошедшие годы, ученый будет доволен. Чем скорее он вернется, тем лучше будет им обоим. А Гюльсора не откажется поехать с ним. Они и детей с собой возьмут. И пусть скорей настанет день, когда его добрая и красивая Гюльсора позаботится об одиноком старом Абу-Райхане. Ведь он теперь, как и прежде, тратит только два дня в году на покупку еды и одежды.

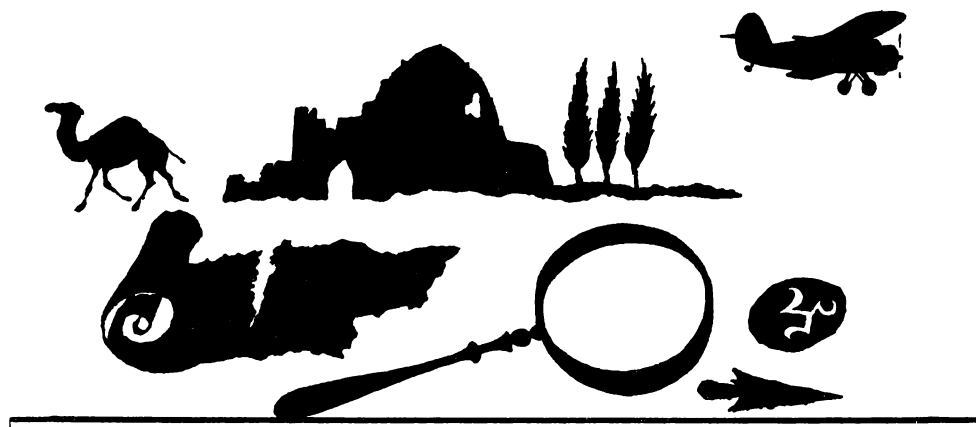
Расставаясь с учителем, Якуб много говорил ему о том, как понравились ему люди Гуджарата, как красивы здешние края и как искусны индийские ремесленники. Но он ни слова не сказал о своем замысле вернуться сюда. Его встреча с учителем сказала ему о том, что Абу-Райхан будет рад его возвращению. И сейчас ученый подтвердил эту мысль. Он сказал Якубу:

— Знаешь, мой друг, я увлечен одним любопытным делом: я собираю сведения об этой удивительной стране. Меня в одинаковой мере интересуют границы между царствами, длина рек, высота гор, данные о городах и в такой же мере — обряды, изречения знахарей и мудрецов. Я хотел бы знать о религиозных верованиях разных племен, прочесть стихи индийских поэтов и услышать о законах здешних судей. Как видишь, дела много. Если ты узнаешь что-либо связанное с моим занятием, запиши. Такой подарок я всегда готов принять от тебя.

Ни один разговор с учителем не доставил Якубу такой радости, как этот прощальный разговор. Он обнадежил его и показал, что его желание вернуться к учителю справедливо.

— Твои звезды светят мне, мой угод, — сказал Якуб на прощание. — Они помогут мне раскрыть тайну камня, лежащего на дороге, и понять движение небесных светил, указывающих нам путь в пустыне.

ПРОШЕЛ КАРАВАН СТОЛЕТИЙ. ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот мы и простились с героями нашей книги. Они пришли к нам из дали веков, чтобы рассказать о своем бурном и тревожном времени, когда создавались и рушились империи и когда гений человеческого разума задумался над многими загадками Вселенной. Это было время рождения таких наук, как медицина, математика, астрономия, философия, география.

С тех пор прошел караван столетий — почти тысяча лет.

Он шел по трудным и тернистым тропам жизни, и вел его человеческий разум, который стремился познать загадочный мир, столь удивительный и непостижимый, что для разгадки его стоило отдать целую жизнь.

Многие поколения ученых отдали свою жизнь этому великому делу, и среди других почетное место занимает Абу-Райхан ал-Бируни, знаменитый ученый средневекового Хорезма. Он родился в городе Кяте в 973 году, и сейчас, через тысячу лет, ученые всего мира отдают должное научному вкладу, сделанному ал-Бируни в области математики, астрономии, минералогии, географии, истории, естествознания.

Труды его не устарели и через долгие столетия дошли до нас, поражая ученых широтой исследований.

Но прежде чем говорить о великом хорезмийце, мы коротко скажем о древнем Хорезме.

«А что такое Хорезм?» — спросите вы.

Хорезм — очень древняя страна, раскинувшаяся среди знойных песков пустыни по берегам Амударьи. В переводе с персидского слово «хорезм» означает «Земля Солнца».

В древних персидских летописях VI века до нашей эры можно встретить название этой страны. Долгие столетия чередовались расцвет и падение этой древней империи, затерянной среди песков.

Историк прошлого века Мухаммед Риза Агахи, сообщая о походе одного из правителей Хивинского ханства, писал: «Они вступили в «Семь песков Хорезма», страшных и ужасных, великих и неисчислимых, за гребнями которых следуют огромные провалы и над ними возвышаются новые вершины песчаных холмов, путь по которым безводен, где постоянно царствуют гибельные ветры».

Среди этих «семи страшных и ужасных песков» была когда-то цветущая страна Хорезм, которая много раз рушилась и воскресала, а некогда великолепные города были превращены в руины и забыты. Мало кто знал об этой древней стране.

Открытию этой сказочной страны мы обязаны советским археологам. Хорезмийскую археологическую экспедицию возглавил известный востоковед профессор С. П. Толстов, посвятивший исследованиям Хорезма более тридцати лет.

Вспоминая свои первые археологические экспедиции на земли древнего Хорезма, Сергей Павлович Толстов писал: «Пустыня, окружающая оазис Хорезма с запада и востока, — страшная пустыня. Между тяжелыми грядами песков, среди гребней барханных цепей, на вершинах пустынных пестрых скал, отрогов Султан-Уиздага, на обрывах устюртского Чинка, на плоских розоватых поверхностях такыров — повсюду на площади в сотни тысяч гектаров мы встречаемся со следами человеческой деятельности. Это остатки обочин древних магистральных каналов и оросительной сети. Это покрывающие такыры на протяжении десятков квадратных километров бесчисленные обломки керамики, то красной, гладкой и звонкой, то грубой красновато-коричневой, то многоцветной, поливной, фрагменты меди, железа, наконецники древних трехгранных бронзовых стрел, серьги, подвески, браслеты и перстни, среди которых можно нередко найти геммы с изображением всадников и грифонов, терракотовые статуэтки мужчин и жен-

щин в своеобразных одеждах, фигурки коней и верблюдов, быков и баранов, монеты с изображением царей в пышных уборах на одной стороне и всадников, окруженных знаками древнего алфавита, — на другой. Это остатки древних жилищ, поселений, городов. . .»

И дальше Сергей Павлович вспоминает:

«Помню, однажды, после тяжелого перехода через пески, я со своими спутниками вышел на пространство Ангка-Калинских такыров. У ног наших верблюдов, у подножия пройденных песчаных холмов, расстилалась гладкая глиняная равнина, покрытая багряной россыпью античной керамики. А над ней поднимался квадрат серовато-розовых сырцовых стен, покрытых частыми высокими щелями стрельчатых бойниц с прямоугольными башнями по углам и посередине пролетов.

Крепость, простоявшая более полутора тысячелетий, казалась покинутой только вчера. Наш маленький караван прошел между мощными пилонами ворот, внутри прохода которых тоже глядели настороженным взглядом темные щели бойниц, и вышел на гулкую площадку двора. Такыр двора, растрескавшийся многогранниками, в щелях между которыми зеленели ростки пустынной растительности, казался вымощенным булыжником. Я поднялся по песчаному откосу на стену и пошел узким коридором стрелковой галереи, спугнув по дороге нашедшую здесь убежище степную лисицу. Малиновое пламя заката, охватившее западную половину горизонта, предвещало разразившуюся на следующий день песчаную бурю. И там, на западе, за тяжелой грядой пройденных нами песков, в багряное море зари врезались черные силуэты бесчисленных башен, домов, замков. Казалось, это силуэт большого, многолюдного города, тянувшегося далеко на север, где темнеет абрис суровых хребтов Султан-Уиздага, замыкающий с севера горизонт. Но мертвая тишина пустыни, предгрозовое молчание песков окружали меня. Этот созданный некогда трудом человека мир был мертв. Замки и крепости, города и жилища стали достоянием воронов, ящериц и змей. . . Казалось, что ты затерян в каком-то заколдованном царстве, в мире миража, ставшего трехмерным и материальным. Но сказку надо было сделать историей. Надо было прочесть глиняную летопись мертвого Хорезма».

Нелегко было прочесть глиняную летопись древнего Хорезма, затерянную в знойных песках пустыни. Когда советские археологи начинали свои исследования, они почти ничего не знали об этой сказочной стране. Они располагали лишь обрывочными сведениями о далеком времени, предшествовавшем арабским завоеваниям, которые начались в VII веке нашей эры. Древние исторические хроники Хорезма были

уничтожены арабским полководцем Кутейбой, который покори́л Хорезм в 712 году. Вспоминая об этом в своей книге «Хронология древних народов», ал-Бируни писал:

«И всеми способами рассеял и уничтожил Кутейба всех, кто знал письменность хорезмийцев, кто хранил их предания, всех ученых, что были среди них, так что покрылось все это мраком и нет истинных знаний о том, что было известно об их истории во время пришествия к ним ислама».

Прошло много лет, прежде чем ученым удалось восстановить эти сожженные Кутейбой страницы истории древнего Хорезма. Очень трудна, но и очень заманчива была задача, стоящая перед учеными. Эти знойные пески, похоронившие остатки исчезнувшей жизни, должны быть подняты, и тогда расскажут о былом руины древних крепостей, храмы, караван-сарай и некогда полноводные каналы.

На протяжении многих лет археологическая экспедиция академика Сергея Павловича Толсто́ва с удивительным мужеством и упорством вела работы среди огненных каракумских песков. Многотомные труды академика Толсто́ва увлекательно повествуют об истории находок и воскрешают историю Хорезма.

Это целая многотомная история большой цивилизации, которая предшествовала завоеваниям арабов и приходу ислама. Ученые узнали, какой был строй до арабских завоеваний, какие были ремесла, искусство, как было развито земледелие. Они узнали о религиозных верованиях и обычаях хорезмийцев.

И когда многочисленные археологические находки позволили историкам восстановить забытые страницы, по-новому заговорили скупые строки древних летописей, сохранившиеся в трудах арабских, персидских и китайских историков.

Расцвет хорезмийской науки связан со временем царствования хорезмшаха Мамуна II, который собрал при своем дворе самых блестящих ученых Востока.

Здесь был величайший медик своего времени, знаменитый бухарский ученый Абу-Али ибн Сина. Его труд «Канон медицины» лег в основу всей медицинской науки Европы. Известный философ Абу-Сахль Масахи, ученый врач Абул-Хасан Хаммар трудились рядом с блестящим хорезмийским ученым Абу-Райханом ал-Бируни. В 1010 году нашей эры хорезмшах Мамун призвал из изгнания ал-Бируни, и величайший энциклопедист своего времени, оставивший нам труды в области астрономии, математики, философии, минералогии и естествознания, стал трудиться при дворе хорезмшаха.

Когда в 1948 году Всемирный Совет Мира отмечал девятисотлетие со дня смерти великого ученого ал-Бируни, ученые нашего времени говорили о том, что ал-Бируни на пятьсот лет предвосхитил многие из великих открытий европейской науки эпохи Возрождения и что его по праву можно назвать «Леонардо да Винчи XI века».

Поистине удивительными являются многочисленные труды ал-Бируни, которые дошли до нас и которые на протяжении почти тысячи лет являются предметом изучения многих ученых. Удивительно, как успел все это сделать ученый и как смело и широко он ставил перед собой задачи исследований в то время, когда современники его даже не в состоянии были понять, над чем он трудится. Больше всего поражают материалистические взгляды ученого на многие явления природы. Ведь он жил и трудился в то суровое время, когда богословские науки, рожденные исламом, пытались решительно все явления жизни объяснить всемогуществом аллаха. Бируни подвергался смертельной опасности, когда смело и открыто выступал против мракобесия. Достаточно было назвать его еретиком, чтобы он был казнен.

И в наши дни востоковеды и арабисты продолжают изучать труды великого хорезмийца.

Сохранился список научных трудов ал-Бируни, составленный самим ученым. Он приводит сто шесть названий книг. Работы в области общей астрономии — 18 названий, сочинения, касающиеся долгот стран и их широт, — 15 названий, разные работы по геометрии, метеорологии, и астрономии — 12 названий, сочинения в отношении того, что принадлежит к области острых рассказов, сатиры и глупостей, — 13 названий, сочинения, касающиеся верований, — 6 названий.

Первая большая книга ал-Бируни «Хронология древних народов» содержит интереснейшие сведения по астрономии, сохранившиеся от прошлых поколений. Эта книга дает подробное описание всех эр и праздников греков, римлян, персов, согдийцев, хорезмийцев, евреев и других народов. Здесь собраны сведения по истории культуры и литературы различных стран Востока.

Одна из самых прославленных книг ал-Бируни «Разъяснение принадлежащих индийцам учений, приемлемых рассудком или отвергаемых», известная в науке под сокращенным названием «Индия», по мнению современных ученых, не имеет себе равных в области географии, истории, экономики и этнографии страны. Многие путешественники, посетившие Индию в древности и в средние века, писали о ней, но до наших дней за многие столетия не было написано работы, которая могла бы сравниться с трудом Бируни.

В блестящем труде по астрономии и математике «Канон Масуда» ал-Бируни писал, что для этой книги ему пришлось пересмотреть астрономические работы от древности до настоящего времени (XI век). Известные арабские ученые писали о «Каноне Масуда»: «Работы Бируни совершенно затмили всякие другие работы по астрономии и математике».

С большим интересом встретили минералоги нашей страны книгу ал-Бируни «Минералогия», переведенную известными востоковедами доктором исторических наук А. М. Беленицким и профессором Г. Г. Леммлейном, которые много лет посвятили этой работе. Это самая обширная сводка минералогических знаний средневековья. Высоко оценивая оригинальный труд ал-Бируни, профессор Г. Г. Леммлейн пишет: «Бируни один из первых в книгах о камнях стал сообщать обильные сведения об обработке камней».

Сведения о месторождениях драгоценных камней в Средней Азии, описание их свойств, особенностей, связанных с ними суеверий и даже поэтические строки различных авторов средневековья, воспевающих красоту драгоценных камней, — все это делает книгу ученого-хорезмийца необычайно ценной и интересной.

Расцвет науки в древнем Хорезме в эти годы был связан с расцветом всей страны. В дни царствования Мамуна II воздвигались дворцы и храмы, строились оросительные каналы и в пустыне расцветали зеленые оазисы. Но недолгим было это благоденствие. В 1017 году Хорезм попал во власть султана Махмуда Газневидского, хорезмшах был убит, столица Хорезма, Гургандж, разорена, а ученые, собранные при дворе правителя, покинули Хорезм. В эти дни Абу-Райхан ал-Бируни оказался во власти султана Махмуда и переехал в столицу Газневидского царства — Газну.

Махмуд Газневидский, прославившийся своими кровавыми походами и завоеваниями, подчинил себе многие страны Востока. С 1002 года по 1026 год войско султана Махмуда совершило более пятнадцати походов в Индию. Как сообщают древние летописи, один только индийский поход в 1019 году дал Махмуду несметные богатства. Было угнано 350 слонов, груженных сокровищами завоеванной страны, было уведено 57 тысяч рабов и такое количество пленников, что для размещения их не хватило места в городах Газневидского царства и пришлось строить специальные помещения.

Ал-Бируни, посвятивший много лет изучению наук и культуры древней Индии, стремился побывать в этой стране, и он осуществил это, сопровождая Махмуда в одном из его походов. Несмотря на то,

что в Индии знали, что он является представителем ненавистного им султана-завоевателя, отношение индусов к хорезмийскому ученому было самое доброжелательное. Даже люди тех каст, которые иноверцев называли словом «млиг» — «грязный» — и которым, согласно обычаям их страны, не дозволялось даже сидеть рядом с иноверцем, — даже эти люди приветливо встречали ал-Бируни и неизменно отвечали на его многочисленные вопросы, которые были связаны не только с его интересом к наукам, но и с величайшим вниманием ученого к простым ремесленникам: искуснейшим в мире гранильщикам драгоценных камней, ювелирам, резчикам по кости и камню, создавшим бессмертные творения искусства.

В историю науки ученый-хорезмиец ал-Бируни вошел как арабский ученый, потому что труды свои он писал на арабском языке. В его время хорезмийцы уже стали забывать свой родной язык, так как государственным языком был арабский — ведь Хорезм был под властью арабского халифата. Однако для того чтобы постичь культуру народов Индии, ал-Бируни, уже будучи известным ученым, в возрасте более сорока пяти лет, принялся изучать санскрит — язык индусов. Ученый настолько хорошо изучил этот язык, что впоследствии перевел на него труды арабских и греческих ученых. Имея возможность говорить с людьми на их родном языке, ал-Бируни смог собрать уникальный материал для географического труда «Индия», который почти тысячу лет считается непревзойденным по истории и географии Индии.

Изучив до тонкостей язык, религию, философию, астрономию, историю и литературу Индии, ал-Бируни смог завоевать признание и уважение индусских ученых.

«То, что увидит глаз, того не услышит ухо, — писал ал-Бируни. — Сообщения подвергаются искажению, иначе пересказ имел бы преимущество перед путешествием. На точность написанного влияет много факторов: достоинство писателя, его восприятие. Бывает, что человек говорит неправду, стремясь похвалить себя, свой народ, или говорит вздор о других народах. . .»

Ал-Бируни стремился избегать этих ошибок. Вот почему так ценен его труд об Индии.

Трудно во всех подробностях восстановить сейчас картину жизни Хорезма XI века. От этого времени не осталось археологических памятников. Однако жизнь средневековой Бухары и Самарканда, сохранивших не только архитектурные памятники, но и богатейшую коллекцию изделий средневековых ремесленников, можно представить себе довольно ярко и красочно.

Многие памятники старины воскрешают перед нами те дни, когда покинул бухарское медресе еще совсем юный, но уже признанный великим исцелителем Абу-Али ибн Сина, когда вел свои астрономические исследования Абу-Райхан ал-Бируни и когда караваны с шелками и кожами Бухары, с бумагой и стеклом Самарканда, с красными камнями Бадахшана и желтыми ведарийскими тканями шли в царство Булгар, в столицу халифата Багдад, добирались до стен знаменитой Александрии и с риском для жизни шли к городам Индии, завоеванным султаном Махмудом.

В древней Бухаре сохранилось медресе, в котором учился ибн Сина, сохранился великолепный мавзолей Исмаила Самани, последнего из правителей саманидов, воздвигнутый в X веке. Стены мавзолея сложены фигурной узорчатой кладкой из обожженного кирпича. Искусные мастера старой Бухары, пользуясь такой комбинированной кладкой, по-разному ставя квадратные кирпичные плитки, воздвигали здания, словно сделанные из каменного вязания. Стены мавзолея покрыты орнаментом, легким и прозрачным. Этот орнамент в зависимости от освещения меняет свой затейливый рисунок, но он всегда удивительно хорош и особенно красив при лунном свете. Ученые думают, что такой орнамент связан с умением исключительно хорошо и искусно пользоваться резьбой по дереву. Народное предание приписывает этому великолепному памятнику историю, связанную с основателем династии саманидов Исмаилом Самани, который будто бы поставил его еще при жизни на могилу своего отца. Но потом он и сам был захоронен в этом мавзолее. Археологи вскрыли под полом мавзолея два деревянных гроба и этим подтвердили справедливость легенды.

Об искусстве бухарских ремесленников можно судить хотя бы по записям известного историка древней Бухары Наршахи, который писал:

«В Бухаре, между крепостью и городом, возле соборной мечети, была большая мастерская, где ткали ковры, занавеси, ткань иезди, подушки, подстилки для молитвы, ткани для покрывал и полов во дворце халифа. Все эти ткани выделялись такого высокого достоинства, что за одну занавесь можно было отдать всю поземельную подать Бухары. Из Багдада ежегодно приезжал отдельный сборщик податей и все подати Бухары получал сотканными там одеждами».

О знаменитой библиотеке эмира бухарского, в которой были книги по многим отраслям знаний, вспоминал великий ибн Сина, которому довелось пользоваться этой сокровищницей знаний.

Описывая предместья и цитадель Самарканда, историк IX—XII веков ибн ал-Фа-Ких писал:

«Стена окружает прилежащие Самарканду рустак (волоости), его сады и огороды. Окружность его стен равна 14 фарсахам (фарсах — 5,7 км). В Самарканде 12 ворот. На верху стен — портики и сторожевые башни. Все 12 ворот из дерева, двустворчатые, за каждым воротом еще одни ворота, а между ними еще жилище привратника. Затем входишь в город. В городе находится соборная мечеть, цитадель и дворец султана».

«Из Самарканда вывозят ткани серебристые (симгун), — писал древний историк Магдиси, — и самаркандские большие медные котлы, изящные кубки, палатки, стремяна, удила, ремни».

«Из него... (Самарканда), — писал Худад ал-Алем, — вывозится бумага, которую развозят по всему свету, а также веревки из пеньки».

В Самаркандском музее можно увидеть много прекрасных памятников древности, сделанных руками искусных ремесленников в те далекие годы, о которых мы говорим. Сохранились и медные котлы, и серебряные блюда, и крошечные стеклянные сосуды для благовоний. Рядом с глиняным кувшином, усыпанным мелкотолченой слюдой, отчего сосуд кажется посеребренным, можно увидеть форму для отливки фальшивых монет, сделанную из керамики. Тут же — громадное количество великолепной керамики: блюда, чаши, миски, кувшины, украшенные причудливой арабской вязью. Вот нарядное блюдо с надписью по краям: «Терпение — ключ радости, спокойствия и благоденствия». На кувшинчике написано: «Щедрость — страж чести и имущества». А на бронзовом подносе — изящная надпись: «Постоянное величие». На бронзовой чаше с надписью «Благословение владельцу этого!» — имя мастера Абу-Бекр. Свинцовая и поташная глазурь придавала кувшинам и светильникам удивительную красоту, а блестящая поверхность отражала солнечные лучи.

По всей вероятности, слова о терпении, которое может стать ключом радости и спокойствия, больше всего относились к труженикам. Они своими руками создали все то великолепие, которым славились Бухара и Самарканд во всем мире. Но блага Самарканда, видимо, были доступны далеко не каждому живущему в этом богатом и красивом городе. Так, поэт XI века Фаррухи писал: «Я видел все блага Самарканда от края до края. Поглядел на сады, луга, равнины и степи, но так были пусты от денег киса и пазуха, что сердце мое свернуло ковер веселья с площади надежды. Когда глаз видит благо, а в руке нет денег — это отрезанная голова в золотой чаше».

XI век — это не самое блестящее время расцвета Самарканда. Этот древний город еще не раз возвышался над многими городами Востока, а затем, разоренный новыми нашествиями, приходил в упадок.

До наших дней сохранились поистине редчайшие памятники — мечети, минареты, медресе Самарканда, воздвигнутые значительно позднее, уже в XV веке, во времена Тамерлана. Но можно смело сказать, что изумительный талант зодчих, художников и скульпторов XV века не мог бы достичь такого совершенства, если бы в народе не сохранились традиции ремесленников и художников прежних поколений.

Герои нашей повести жили в годы бесчисленных военных столкновений. Шахи и султаны сменяли друг друга, и новые нашествия сметали с лица земли некогда прославленные города. Рушились царства, и на их месте создавались новые империи. Но во все времена самоотверженно трудились поэты и ученые, которые сумели увековечить свое время в бессмертных творениях. Великий поэт XI века Абулькосим Фирдоуси (934—1025), автор бессмертного творения «Шах-Намэ», очень коротко и выразительно сказал об этом такими словами:

Все в мире покроется пылью забвенья,
Лишь двое не знают ни смерти, ни тленья:
Лишь дело героя да речь мудреца
Проходят столетья, не зная конца.
И солнце и бури — все выдержит смело
Высокое слово и доброе дело¹.

Поэты и ученые того времени рассказали нам о том, как высоко вознеслась в ту пору поэзия и как многие научные открытия на столетия предвосхитили позднейшие достижения науки.

Древний Хорезм — страна, превращенная в легенду и долгие годы существующая лишь в виде занесенных песками руин, в свое время была одним из значительных центров науки и цивилизации на Востоке. И, подобно тому как прежде, в годы своего творческого расцвета, ал-Бируни был украшением двора хорезмшаха, а затем дворов султанов Махмуда и Масуда, он остался украшением всей восточной науки своего времени до наших дней.

Известно, что, когда султан Масуд получил законченный блестящий труд ал-Бируни по астрономии, названный «Канон Масуда», и когда султан послал ученому слоновый выюк чистого серебра, ал-Бируни не принял этого дара и ответил султану такими словами:

¹ Перевод М. Петровых.

«Этот груз удержит меня от научной работы, мудрые же люди знают, что серебро уходит, а наука остается. Я же исхожу из велений разума и никогда не продам вечное, непреходящее научное знание за кратковременный мишурный блеск».

Мы узнали о том, как рухнули блестящие империи султанов и хорезмшахов, и мы стали свидетелями того, как на долгие столетия сохранились во всем своем блеске непреходящие научные знания, добытые в те далекие времена, когда рождались науки.

О Г Л А В Л Е Н И Е

«ЗЕМЛЯ ВЕЛИКА И ПРЕКРАСНА — ПОЗНАЙ ЕЕ!» . . .	5
В КОРОНЕ ШАХА МАМУНА НЕДОСТАЕТ САМОЙ КРУПНОЙ ЖЕМЧУЖИНЫ	23
ОЖИДАНИЕ	38
ЗАЖГИ СВЕТИЛЬНИК РАЗУМА!	46
В ДОБРЫЙ ПУТЬ, ЯКУБ!	56
МОЖНО ЛИ ОБЪЯТЬ НЕОБЪЯТНОЕ?	70
ЗВЕЗДОЧЕТ НЕПРАВ	79
СВЕТИЛЬНИК ГОРЕЛ ВСЮ НОЧЬ	88
МОГУЩЕСТВУ ХОРЕЗМА УГРОЖАЕТ МАХМУД	98
«ДВЕРЬ БЕДСТВИЙ ШИРОКА!»	107
ЯД В ПЕРСТНЕ ДЖАФАРА	123
ДВОРЕЦ МАМУНА В ОГНЕ	134
В ЗОЛОТОЙ КЛЕТКЕ МАХМУДА	149
НЕ В БОГАТСТВЕ СЧАСТЬЕ!	159
«ЩЕДРОСТЬ — ДОСТОИНСТВО ПРАВЕДНИКА»	175
СУЛТАН — ПОВЕЛИТЕЛЬ МИРА	182
«Я СТРЕМЛЮСЬ В СТРАНУ МУДРЫХ»	191
«ЗВЕЗДЫ БИРУНИ СВЕТАТ ТЕБЕ!»	199
ПРОШЕЛ КАРАВАН СТОЛЕТИЙ. ПОСЛЕСЛОВИЕ . . .	212

Клара
Моисеевна
Моисеева

ЗВЕЗДЫ
МУДРОГО
БИРУНИ

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный
редактор
Г. А. Дубровская

Художественный
редактор
С. И. Нижняя

Технический
редактор
В. К. Егорова

Корректоры
В. И. Дод,
З. С. Ульянова.

Сдано в набор 30/V 1973 г.
Подписано к печати 2/VIII 1973 г.
Формат 70×100¹/₁₆. Бум. офсет. № 1
Печ. л. 14. Усл. печ. л. 18,2.
Уч.-изд. л. 13,79. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 470. Цена 82 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Детская литература».
Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1
Фабрика «Детская книга» № 2
Росглавполиграфпрома
Государственного комитета
Совета Министров РСФСР
по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли,
Ленинград, 2-я Советская, 7.

Моисеева К. М.

М 74 Звезды мудрого Бируни. Историческая повесть. Рис. В. Освера. М., «Дет. лит.», 1973.

223 с. с ил.

Герой этой книги великий ученый средневекового Хорезма ал-Бируни. Люди науки и Востока и Запады говорили о нем: величайший астроном, непреодоленный географ, талантливый математик, человек, охвативший весь круг современных ему знаний. Он родился тысячу лет назад, но память о нем не померкла и труды его служат науке.

М $\frac{0763-462}{101(03)73}$ 468-73

Р 2

Цена 82 коп.

